30к
27222

Год издания IV-й

Сборник 20.

Революция и Война.

Научный военно-политический журнал.

дефектный
330.
нет
стр.
с159-301

Орган В.Р.С. и военно-научного клуба Запфронта.

1923

ЗОК
27222

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и война

Редакция журнала просит всех сотрудников при присылке статей соблюдать след. условия:

1. Четко писать фамилию и инициалы имени и отчества.

2. Указывать адрес, по которому должен быть выслан гонорар.

3. Статьи писать на одной стороне листа (оставляя оборот чистым), разборчиво, лучше—на машинке.

4. Ограничиваться строго необходимыми для пояснения текста чертежами и схемами. Исполнять их тушью или чернилами (не карандашом). На каждом чертеже (и схеме) проставлять его номер и указывать на полях текста, где этот чертеж желательно поместить.

Редакция журнала—Смоленск, Социалистическая 10-а.

Содержание.

Стратегия и тактика.

Из архива военной истории.

Военная техника.

Военная география и статистика.

Военное хозяйство.

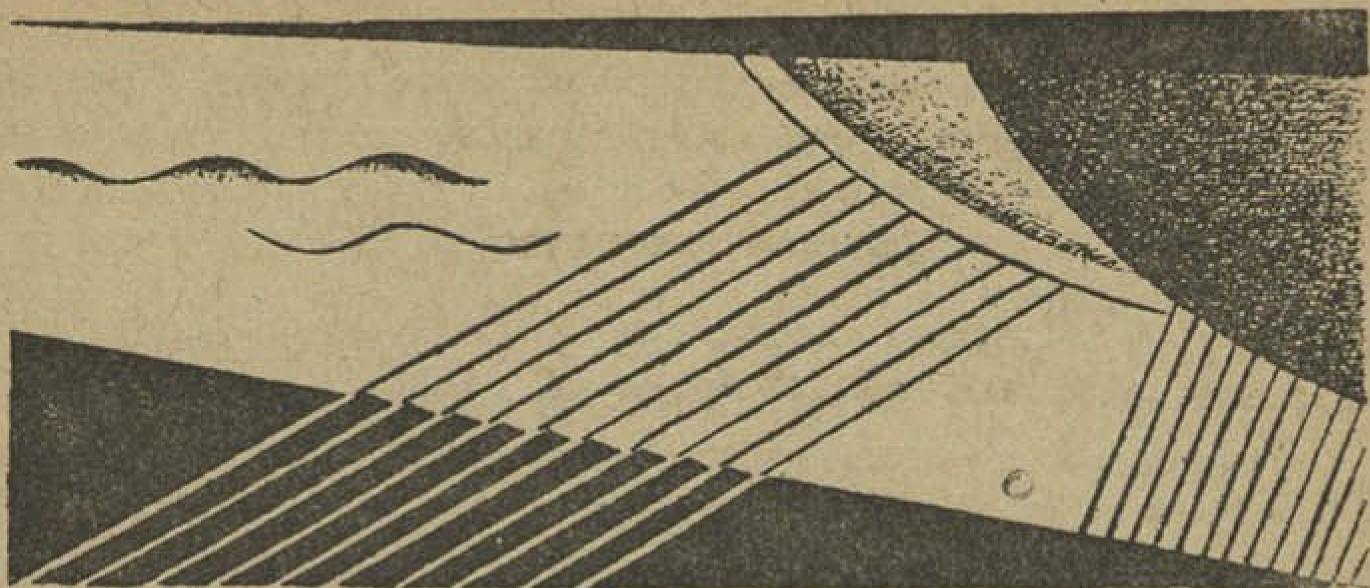
Хроника.

На Запфронте.

За Советской границей.

Библиография.

Русская военная литература.

В. Касаткин.

Великий обман и маленькая иллюзия.

(*Фашизм*).

Каждый день приносит нам сейчас известия о наростании фашистской волны. Фашизм появляется, вернее выявляется, даже там, где, казалось бы, ему в данный момент абсолютно „нечего делать“. Одно время, после захвата власти в Италии фашистами, вопрос о фашизме стал, как актуальный, и послужил предметом обсуждения для IV-го Конгресса Коминтерна. Последующие политические события сгладили его остроту, но текущая действительность ставит этот вопрос снова в порядок дня и переносит его разрешение из плоскости дискуссий в плоскость практической борьбы рабочего класса с этой реальной угрозой со стороны умирающего капиталистического мира.

В настоящей статье мы намерены коснуться вопроса о происхождении и классовой сущности фашизма, оставляя без рассмотрения его национальные формы и борьбу с ним рабочего класса и коммунистического интернационала, что может и должно послужить предметом особой статьи.

Мы рассматриваем фашизм, как критику „демократии“ справа, как форму обнаженной от всяких покровов классовой диктатуры буржуазии, как империалистический капитализм в политике, доведенный до своего логического конца.

„Мирное“ развитие капитализма (до войны 1914—18 г. г.), как определенной экономической формации, связано в области политики с господством так называемой „демократии“ от самой сжатой до самой развернутой (чистой) формы, допускаемой классовыми интересами правящей буржуазии. Мы знаем, что, вообще говоря, капитализм недурно уживается со всякой политической формой, но наиболее благоприятные условия для его развития, бесспорно, дает демократия, в форме ли республики буржуазной (Франция) или демократической (Америка, Швейцария, Германия) или же конституционной монархии (Англия, Германия до войны).

Война 1914—18 г. г., вызвавшая жестокий кризис капитализма и служившая кровавым способом разрешения этого кризиса в условиях капиталистического мира, нанесла сокрушительный удар не только по фундаменту капиталистической системы (экономике), вызвав всеобщее обнищание и отбросив капиталистическую Европу к уже пройденным ею ступеням развития, но и по надстройке, т. е. по формам осуществления классового господства буржуазии. Начинается крушение „демократии". В отношении ее, как формы политического господства капиталистического класса, оружие критики сменяется критикой оружием. Эта форма, в условиях неслыханных дотоле экономических потрясений и социальных сдвигов, в условиях распада веками складывавшихся общественных связей, перестала удовлетворять и буржуазию и пролетариат, не обеспечивая буржуазии прочного сохранения ее классового господства и мешая пролетариату захватить власть в свои руки.

К решениям „демократических" органов, долженствующих выражать общую волю „всего народа", и та и другая сторона все чаще вносят „фактические поправки". Реальное соотношение классовых сил получает свое конкретное выражение в баррикадных боях, забастовках, локаутах, арестах, убийствах из-за угла и т. п. Она кипит вне стен парламентов; в огне обострившейся после войны классовой борьбы сгорают последние демократические иллюзии. Парламенты превращаются в жалкие недееспособные говорильни, раздираемые и обессиливаемые партийной борьбой.

Естественно, что этот крах „демократии" выявился всего ранее и острее в странах или со слабым капиталистическим фундаментом (Италия, Польша, Венгрия) или с капиталистическим фундаментом, сильно подточенным войной (Германия), где крах демократии выявляется, естественно, раньше, нежели в странах с еще сильной буржуазией (Америка, Англия), или победоносных (Франция), где еще можно некоторое время использовать демократические иллюзии для затуманивания голов эксплоатируемых классов в целях сохранения своего над ними господства.

Отсюда же вытекает и то положение, что господствующая буржуазия рассматривает „демократическую" форму своего господства отнюдь не как вечный принцип, а как наиболее удобную для данного момента форму, и готова пожертвовать ею в тот момент, когда она начнет обнаруживать признаки своего бессилия.

Вообще говоря, от зол обострившейся классовой борьбы буржуазия после войны разновременно и с переменным успехом применяет два лекарства — социал-реформизм и фашизм. Первое лекарство пользовалось общепризнанной монополией (на основе военного опыта) в первые годы послевоенного периода (1918—1919—1920), когда масло примиренчества, реформизма и соглашательства, бочками вылитое социал-реформистами на волнующуюся, вышедшую из берегов стихию классовой борьбы, спасло буржуазии ее господство. Социал-реформисты сыграли (а кое-где и сейчас еще играют) роль щита для бур-

жуазии, гибель которой при немедленном штурме со стороны рабочего класса была неминуема. Применение второго лекарства—фашизма мы видим сейчас, когда ореол социал-соглашательства потерял значительную долю своего блеска, и кредит его в сознании рабочих масс сильно сократился.

Уподобляя социал-соглашателей лимону, буржуазия выжимает из них все что можно и сейчас, но центр тяжести переносит на фашизм. Если социал-реформизм явился щитом для буржуазии в период ее великого отступления (1918—1919 г. г.), то фашизм представляет собою политическую форму наступления капитала, так сказать, меч буржуазии. Прекрасно понимая, что применение того или иного оружия обусловливается многообразными обстоятельствами, буржуазия умело комбинирует применение этих щита и меча, пряника и кнута, но, в общем и целом, отдает несомненное предпочтение кнуту перед пряником. Больше того, в том случае, когда пряник недостаточно проникается сознанием своего органического единства с кнутом, своей подчиненной в данных исторических условиях роли в отношении кнута—кнут дает ему это почувствовать методами, бесконечно далекими от тех, кои одобрены соответствующими педагогическими руководствами. Тюрьма, террор, разгром организаций, закрытие газет и т. п. быстро напоминают „социалистам“ о силе их союзника и „выпрямляют“ их политическую линию.

Таким образом, об'ективно, социал-реформизм подготовил дорогу фашизму и обеспечивает сейчас в его наступательной кампании его фланги. Выхолощенный „социализм“ таил в себе свое собственное отрицание. Фетишисты „чистой демократии“ в роли оруженосцев ее насильников, противники „кровавой диктатуры большевиков“ в роли паладинов кровавой диктатуры фашистов! Эту иронию истории нельзя будет вычеркнуть из послужного списка европейского социализма.

Таким образом успех фашистской „критики демократии“ справа прямо пропорционален силе и влиянию „социалистических“ партий и обратно пропорционален мощи рабочего класса и его авангарда—коммунистической партии.

Итак, фашизм—черная гвардия наступающего капитализма, обнаженная форма классового господства буржуазии.

Где же резервуар его человеческих сил, какой общественный класс служит его базой?

Резервуаром фашистских сил, его классовой базой служит мелкая буржуазия, руками которой буржуазия, вытесняемая с исторической сцены, творит свое предсмертное грязное дело.

Мелкая буржуазия, осужденная всем ходом исторического развития на умирание, отбрасываемая в большей своей части в бездну пролетаризации, в меньшей—в лагерь „верхних десяти тысяч“, выбивалась из привычной колеи и до войны. Но ни над одним классом война не сыграла такой злой шутки, как над мелкой буржуазией. Если взять чисто экономические последствия войны, то относительно они больнее всего ударили именно по ней. В то время когда капита-

листические группы, короли стали, угля и нефти, перечеканивали кровь миллионов рабочих и крестьян в золото, в миллионные состояния, в то время как частично оставленный на фабриках и заводах пролетариат ценою кастрации политических прав добивался все же некоторых экономических уступок от утопавшей в золоте буржуазии —мелкая буржуазия, так сказать, терпела от войны одни убытки. Жалованье чиновничества стремительно падало с падением валюты, моратории и ограничительные законы о квартирной плате больно били по карману мелких домовладельцев, рантье потерял свой покой и уверенность в завтрашнем дне, дела ремесленников пошли из рук вон плохо, крестьянство, на первых порах склонное благославлять войну, брызнувшую на него бумажным дождем, скоро поняло на собственном кармане всю непрочность капиталистической денежной системы, а убыль рабочих рук и скота и сокращение посевной площади доделали остальное.

В странах с слабо развитым капитализмом представляющая большинство населения мелкая буржуазия должна была в тягостном раздумьи остановиться перед наследием войны. Если ее военный сон нельзя назвать слишком сладким, то пробуждение было из рук вон плохо.

Ликвидация послевоенной разрухи могла идти двумя путями: через диктатуру буржуазии к восстановлению капитализма в его прежних привычных формах, на прежней основе, или через диктатуру пролетариата к социализму и коммунизму.

Мелкая буржуазия уже давно перестала быть классом революционным. Неспособная подняться до понимания идеалов пролетариата и его методов борьбы с послевоенной разрухой, она предпочла вернуться к „мясным горшкам“ доброго старого довоенного капитализма. Правда, война не окончательно вышибла из мелко-буржуазных голов память о том, что на довоенном капиталистическом солнце были, с точки зрения мелкобуржуазной астрономии довольно заметные пятна. Это обусловливало необходимость выдвигать на сцену поношенный и сданный историей в архив арсенал мелкобуржуазных способов „исправления“ капитализма, беззубую демагогию против спекулянтов и „героев тыла“, лозунги „использования победы“ (Италия) и т. д. и т. п.

Но история же, в относительно спокойные времена, решительно забраковала все мелкобуржуазные рецепты и утопии, тем менее оснований было ожидать их претворения в жизнь в условиях ожесточенной схватки между буржуазией и рабочим классом.

За об'ективной невозможностью осуществить *свою* программу, за неспособностью принять пролетарскую программу и тактику, мелкая буржуазия должна была оказаться по ту сторону баррикады, плечом к плечу с буржуазией и вложить в дело защиты *ее* интересов, *ее* программы, *ее* господства всю силу своей классовой энергии. Но печать мелкобуржуазности все же легла на чужую программу, его защищающую и, в особенности, на методы ее защиты. Ультра-национализм, демагогия, беспринципность, империалистический задор, жесто-

кость лавочника и мещанина—вот то, что принесла мелкая буржуазия в дело защиты капитализма на его последних позициях. Остальное было целиком получено от хозяина. Так родился фашизм—плод сожительства дряхлеющего капитализма, потерявшего свою былую политическую дальнозоркость, и совершенно невинной по части политических перспектив мелкой буржуазии.

Отсюда вытекает и то, мягко выражаясь, свободное отношение фашизма к программам, какое усиленно афишируется его лидером, Муссолини. На вопрос о программе фашистской партии Муссолини ответил вопросом же: „А на что нам своя программа? Возьмем программы всех политических партий, сложим их вместе и сядем на них. Вот наша программа“. В устах мелкого буржуа, возводящего беспринципность в принцип—это вполне понятно. Для него речь может идти лишь о тактике сегодняшнего дня и о программе, наиболее удобной сегодня же, с точки зрения демагогии.

Не эта ли беспринципность и, так сказать, програмная невинность обусловливает головокружительные политические победы итальянского фашизма, в ряды которого спешит влиться, заканчивая свое самостоятельное политическое бытие, ряд политических партий: аграрии, националисты, автономные республиканцы. Ряд партий близок к самоубийству: народная католическая партия, франк-массоны, либеральная демократия. Все они на перебой заявляют, что „их собственная программа совпадает с програмой фашистов“, что, „фашизм—это национализм в действии“, что в фашизме спасение страны перед лицом истории“ (от кого? В. К.) и т. д. и т. п. Перед силой этой обезоруживающей беспринципности не устояла даже генеральная конфедерация труда, проводящая слияние с фашистскими профсоюзами. Папа шлет Муссолини свое благословение. *Итак, фашизм—империалистический капитализм, доведенный в политике до своего логического конца, сорвавший все фиговые листки демократии, осуществляющий классовую диктатуру капиталистического класса руками мелкой буржуазии.*

Но в этом же таится и источник его гибели. 37574

Мелкая буржуазия, основная классовая база фашизма, сама по себе, в силу своей мелкобуржуазной неустойчивости, представляет слишком шаткое основание. Вовлекая в свои ряды менее сознательную часть пролетариата, мобилизуя люмпен-пролетариат,—фашизм отнимает у своей базы и последнюю степень устойчивости. Защита интересов одного класса руками другого—дело, вообще говоря, безнадежное. Оно становится недолговечным постольку, поскольку в самом классовом фундаменте нет единства интересов. Вовлекая в свои ряды самые разнообразные элементы методами демагогии, элементы частью уставшие от борьбы, частью несознательные, в большинстве своем деклассированные и дезорганизованные—фашизм таит в себе элементы внутреннего разложения. Практическое осуществление „фашистской программы“ с тех пор как он достиг в одной стране государственной власти, сразу же показало, что интересы капитализма примирить с интересами даже мелкой буржуазии, не говоря уже о ра-

бочих—можно в лучшем случае только в мелко-буржуазных мечтах. Началась распродажа жел. дорог и предприятий госпромышленности капиталистам, на очереди 10-ти часовой рабочий день, идет широкая экспроприация мелких земельных собственников, кабальные законы для с.-х. батраков, расгущее бремя налогов на неимущие классы, клерикальная школа и над всем этим безумный террор, проэкт официального закона о смертной казни для „изменников родины", кошмаром нависшая угроза новых военных авантюр и... папское благословение Муссолини, украшенному ныне титулом королевского кузена.

Наполеон маленький любил говорить: „Империя это—мир". Французы имели возможность очень скоро убедиться в „правдивости" этих слов. Маленький Муссолини и его подражатели в других странах любят повторять: „Фашизм это—мир". Увы, опыт четырехлетнего господства фашизма в Италии показал, что кроме жестокой иронии эта фраза ничего в себе не заключает. Фашизм это—война. Это—доведение буржуазного террора до абсурда, это обострение классовой борьбы до крайних пределов, до борьбы на уничтожение, на физическое истребление методами средневековья и времен святейшей инквизиции. Фашизм это—не только классовая борьба, в которой растут и закаляются силы пролетариата, умирают вековые предрассудки и еще неизжитые иллюзии, фашизм это—вечная угроза вообще мирным отношениям между народами. Капиталистическая экспансия и империалистическое соревнование углубляются и обостряются фашизмом, как и все, чего он коснется, до крайних пределов. И если Европе суждено еще раз пройти через огонь новой бойни, если путь к социалистической революции лежит через новую и последнюю войну, то авторами этой войны, ее вдохновителями и идеологами будут фашисты всего мира. *Фашизм это—война,—война это революция,* вот крестный путь, по которому суждено пройти европейскому пролетариату к власти, потерявши много жертв, но и накопивши огромный запас революционного опыта и энергии.

После „демократических иллюзий, после реформизма и социал-соглашательства—*фашизм—последний великий обман буржуазии и последняя маленькая иллюзия угнетенных, эксплоатируемых классов.* Крах этого обмана—будет крахом капитализма. И чем чернее будет ночь фашистской реакции, тем скорее, тем ярче брызнет первый луч нового дня, с которого начнется действительная история человечества.

Этот завтрашний день человечества близок, он рождается в муках и героической борьбе с капитализмом и фашизмом коммунистических партий всех стран во главе с III Коммунистическим Интернационалом. Четыре года идет эта борьба, и ей мы посвятим нашу следующую статью.

М. Лузгин.

Задачи партийного строительства в армии.

I.

Боеспособность частей Красной Армии в первый период революционных войн находилась в отношении прямой пропорциональности к *числу и качеству коммунистов*, имевшихся в этих частях.

Это общее положение настолько подтверждено всем нашим опытом войны, что из него представляется возможным исходить и во всех наших расчетах не будущее.

Неудивительно поэтому, что еще в 21 году тов. Гусев в статье „Как обеспечить Красную Армию коммунистами", основываясь на конкретных данных опыта войны, ставит себе задачу установить тот минимум коммунистических сил, который безусловно необходим для того, чтобы часть вообще была годна для боя, а также и то их количество, которое должно дать нормальную боеспособность *). Он приходит к следующим цифрам: в первом случае % коммунистов к общей численности части должен быть не ниже 15, во втором—в 20%.

Тов. Дегтярев, рассматривая эти цифры, заключает, что они несколько преувеличены и снижает последнюю из них (по данным 21 года, каковые в общем могут еще служить соответствующим материалом для прошлого, однако с серьезной оговоркой), до 10%. Принимая во внимание те *повышенные* требования, которые пред'являл т. Гусев по отношению к Красной Армии на ближайший период, считая необходимым готовить армию к *наступательным революционным войнам*, а также и недостаточно внимательное его отношение к вопросу о *качестве* коммунистических сил (ведь совершенно очевидно, что иногда один хороший коммунист, умеющий влиять на массы и т. д., стоит пяти плохих) можно согласиться с т. Дегтяревым, что цифра в 20%, как нормальная, для *нашего* периода несомненно преувеличена. Но в то же время для нас представляется совершенно очевидным и бесспорным (об этом свидетельствуют сотни фактов восстановления нами боеспособности разложившихся частей, и эти факты дают в общем и целом специфический, характерный, основной для прошлого периода колорит), что для боев 1917—21 г. г. процент коммунистов от 15 до 20 был не *роскошью*, а *необходимостью*, и если он однако насчитывался в наших частях скорее как исключение, то это было нашим крупнейшим недостатком, обусловливающим *ударность* в нашей работе, вследствие которой мы вынуждены были то и дело подбрасывать новые партии коммунистов тем или иным частям, заменять те или иные части лучшими и т. д. и т. д.. Возникает вопрос: почему

---

*) Не имея под рукой статьи т. Гусева, помещенной в № 24 (октябрь 21 г.) „Вести Агитпроп" и в одном из №№ „Политработника" или „Политвестника", привожу цифры по статье т. Дегтярева „Ближайшие задачи политотделов в области учета в № 3 (март) „Политработника" за 1922 г.

же высокий процент коммунистических сил в Красной Армии для прошлого периода был необходим безусловно и почему теперь он может быть ниже, да, наконец, может ли он быть теперь ниже? Ответ на него следует искать прежде всего в *основных* вопросах для всякой армии и для всякой войны, именно в социальном составе армии, в целях и характере войны, в разнице, существующей между двумя конкретными периодами, разнице экономической и политической.

II.

Наиболее точная общая характеристика отношения крестьянства к закончившейся гражданской войне вытекает из того, что, будучи об'ективно классовой войной пролетариата, революционная война в то же время была борьбой крестьянства против помещиков за землю, полученную в результате революции. Не будь этого, само собою разумеется, крестьянство сыграло бы в конечном счете не революционную, а контр-революционную роль.

Но, обращая внимание на эту сторону дела, которая, понятно, является важнейшей, в то же время не следует забывать, скольких *трудов нам стоило заставить* крестьянство итти в армию, что составляет другую сторону дела, обычно опускаемую.

Причины, вследствие которых крестьянство занимало крайне *колеблющуюся* позицию, требующую самого энергичного воздействия на него со стороны пролетариата, вкратце таковы: 1) усталость от империалистической бойни,

2) враждебное отношение зажиточного кулацкого крестьянства к пролетарской революции,

3) боязнь „коммунии“, основанная на агитации белых агентов, кулаков и попов,

4) неуверенность в исходе борьбы,

5) и, наконец, что я считаю самым главным—*бесполезность* для крестьян захваченной помещичьей земли.

На самом деле; влияние революции на сокращение посевной площади было таково: в 1916 г. пашня по отношению ко всей площади Европ. России составляла 45,9%, в 1920 г.—только 80,5%. Без Украины эти цыфры меняются следующим образом: 1916—64%, 1920 г.—44% *).

Очевидно, что при этих условиях не могло быть и речи о том, что крестьянство использовывает помещичьи земли, увеличивая за их счет свою посевную площадь. И это происходило не только потому, что крестьянские силы были отвлечены в армию, что деревня не могла справиться не то что с вновь приобретенной площадью, но и с своими наделами, но и, главным образом, потому, что эпоха военного коммунизма и продразверстка, истолковываемая, как коммунизм вообще, вызывала у хлеборобов чувство бесцельности и ненужности всякой „лишней“ работы, не направленной к непосредственному удовлетворению требований желудка.

---

*) Месяцев „Аграрный вопрос“—„За 5 лет“.

Уже из этого видно, что для того, чтобы раскачать крестьянскую армию, парализовать „продразверсточные“ настроения и т. д., зажечь энтузиазмом борьбы за землю, которая если не сейчас, то в ближайшем же будущем станет органической частью крестьянского хозяйства, залогом его *развития,* требовалась большая энергия коммунистов, колоссальная агитационная работа.

Вообще говоря, в этот период мы могли брать и брали не качеством, а *количеством.* Выделяя в данной части наиболее податливые, восприимчивые бедняцкие элементы, вовлекая их в ряды коммунистической партии и доводя их отношение к общему числу кр-цев, иногда чуть ли не до 50%, мы этим однако об'ективно не достигали еще увеличения числа *действительных* членов партии, пролетариев и коммунистов по *мировоззрению,* и, следовательно, *абсолютного* укрепления партии.

Период демобизации это как нельзя лучше обнаружил. Ком'-ячейки в армии имели одну задачу: сделать часть боеспособной. Мы могли бы этого достигнуть (если бы располагали нужным контингентом партийцев высокого качества) иным путем, путем организации меньших численностью, но более высоких по качествам ячеек. Но это было просто невозможно. Отсюда массовое производство коммунистов, давшее за три года цифру свыше 200.000 чел. Коммунисты-красноармейцы, какими бы слабыми коммунистами они ни были, имели одно незаменимое качество: они были плотью от плоти своих беспартийных товарищей. Через них партия могла влиять на беспартийных красноармейцев. Чем больше коммунистов, тем больше это влияние. Отсюда *необходим* высокий процент членов партии в частях, а равно и превышение рядовых кр-цев-коммунистов над числом полит., ком. и адмхозсостава (партийного).

Подавляющее большинство коммунистов-красноармейцев удовлетворяло, таким образом, лишь одному требованию: они все были сторонниками борьбы во что бы то ни стало. Вопрос о *побудительных причинах* такого отношения к войне не мог подниматься. И ком'ячейка того периода была *боевым* ядром части, вокруг которого группировались остальные менее устойчивые элементы. И только. Но этого было вполне достаточно.

Теперь положение вещей во многих отношениях изменилось и изменилось в благоприятном смысле. Во-первых—передышка 21—22—23 годов дает уверенность в том, что чисто *физическая* усталость от войн широких народных масс значительно меньше, чем в 1917—18 г.г.

Во-вторых, эти же годы мира, позволившие Советской власти широко развернуть осуществление экономической программы восстановления и развития производительных сил страны, убедили крестьянство: 1) что исход борьбы окончательно решен, и земля остается в распоряжении революционного народа навсегда; 2) что ни о какой насильственной „коммунии“, о которой так много распространялись белогвардейцы, и речи быть не может; 3) что наиболее производительное хозяйствование как на своей старой надельной земле, так и на вновь

полученной помещичьей дает наибольшие выгоды (естественно, что массовый крестьянин, мелкий собственник по идеологии, иначе вообще на вопрос смотреть не может, и тем более не может при данных технических условиях возвыситься до точки зрения пролетарского коммунизма).

Вследствие этого октябрьские земельные приобретения успели стать неразрывной органической частью крестьянского землепользования. Очевидно, что при таком отношении крестьян, *достаточно одного намека на то, что какая нибудь опасность этим земельным завоеваниям угрожает, для того, чтобы крестьянство поднялось, как один человек, для уничтожения этой опасности.* А такая опасность, *с кем бы ни воевала Советская Россия* (и что бы ни пели заграничные белогвардейцы сейчас), *будет.*

Если же мы учтем, что советские налоги, строго говоря, отнюдь не велики, что городская индустрия мало—по—малу начинает удовлетворять потребности крестьянского хозяйства (очевидно, что *всякому* правительству пришлось бы вводить высокие налоги и что при *всяком* правительстве на восстановление разрушенной городской промышленности потребовались бы годы) и что, наконец, эта Советская власть есть рабоче-*крестьянская* власть, т. е. что крестьянин является не только об'ектом, но и суб'ектом власти, и за годы революции, несмотря на всю свою политическую отсталость и незрелость, сумел этот факт оценить по достоинству и сростись с ним также органически, как и с помещичьей землей, то для нас будет ясен следующий неоспоримый факт: никогда и ни при каких условиях царизм и буржуазия не имели на своей стороне крестьянство в такой степени, в какой его имеет *в настоящее время* пролетариат, а между тем все последние войны николаевских времен были *империалистическими,* т. е. политически *наступательными* *).

Очевидно в таком случае, что во всякой *оборонительной* войне СССР с кем бы то ни было, крестьянство станет в ряды Красной Армии без всякого чрезвычайного давления со стороны рабочего класса. А отсюда ясно и то, что в будущей оборонительной (политически) войне задачи парт. ячеек—повышение боеспособности частей —смогут и должны будут осуществляться иным образом, нежели в прежних войнах. Так, например, делается не необходимой (с точки зрения боеспособности) большая численность коммунистических ячеек, тем более достигаемая путем „массового производства коммунистов" из молодых крестьянских парней, отнюдь не расставшихся с своим крестьянским мировоззрением.

В то же время самые задачи партии по организации высокой боеспособности частей (не только в техническом, но и в политическом

---

*) Изложенный вывод вытекает из обстановки *как она есть.* Он отнюдь не может рассматриваться как верный на все времена. Теперь же он безусловно соответствует действительным отношениям рабочего класса и крестьянства.

М. Л.

смысле) в значительной степени переходят на партийный краскомский, командный, административный и политический состав и таким образом военные ячейки РКП становятся *обычными* первичными организациями партии в армии—организованной работой, широкой связью с беспартийной красноармейской массой, долженствующих поддерживать и укреплять связь партии *с крестьянством, тем самым* повышая боеспособность части. Эта же задача наилучшим образом может быть осуществлена не столько большей численностью членов партии в ячейке, сколько высоким их качеством. Такое положение вещей будет во всякой войне направленной *ближайшим образом к защите интересов советской России*. Оно нисколько не может измениться и не изменится от того, что об'ективно всякая успешная защита интересов России, как страны, есть развитие *мировой пролетарской революции*. Иначе сложились бы обстоятельства в том случае, если бы наша война была *прямым* революционным наступлением рабочего класса России на капиталистический запад. Но, принимая во внимание, что такое наступление немыслимо иначе, как в форме поддержки восставшего западно-европейского пролетариата, надо предполагать, что разница была бы не очень значительна *). В иной же форме такой войны *не будет* (по крайней мере, в более или менее близком будущем), а потому мы и оставляем этот вопрос пока совершенно в стороне.

III.

После всего вышеизложенного рассмотрим некоторые цифры характеризующие состояние Красной армии в настоящий момент.

Представление о ее социальном составе в различные периоды —дают следующие данные:

	Рабочих.	Крестьян.	Прочих.
1920 г.	14%	79%	7%
1921 г. (XI)	19,4%	68,6%	12%
1922 г. (X)	18,7%	68,2%	13,1% **)

Из этой таблицы прежде всего вытекает, что *теперь* процент рабочих выше, чем в 20 (и следовательно 19) году, во вторых, % рабочих в красной армии в сравнении с % рабочих в Республике, превышает *более чем в два раза* ***). Эти цыфры не нуждаются в коментариях. Они красноречиво говорят сами за себя.

У нас нет данных о *партийном составе* за 1922 г. по Красной армии в целом. Но цифры по Запфронту в этом отношении некоторое представление могут дать. В процентном отношении ко всему числу кр-цев фронта эти цифры колеблются следующим образом: повышаясь ежемесячно (начиная с марта), они дают в июне 10,5% всего числа

*) Война, в которую СССР вынуждена была бы выступить на стороне одного из буржуазных государств против *другого* и вместе с тем против капитализма вообще (а такое положение не *невозможно*) была бы *оборонительной войной*, ибо вообще говоря, такое положение может быть лишь в том случае, если затронуты основные жизненные интересы страны, вплоть до самого ее существования.

**) „Пять лет“ Политработник № 1—2—1923 г.

***) Там же.

красноармейцев—максимальная цифра в прошедшем году, затем идет понижение: июль—9,8%, август—10%, сентябрь—9%, октябрь—7 1/2%, ноябрь—7,6% и декабрь—7,9%. Таким образом, для состояния армий Запфронта в данный момент (и вообще на ближайшее будущее) характерной цифрой является не 10%, а 8%.

Распределение по ячейкам, по данным за декабрь 1922 г., дает в среднем цифру в 18 чел.

В то же время по выполняемой в армии роли эти силы распределяются следующим порядком.

Ком., адм.,-хоз. состав. 57,42% всего числа ком. и кан.

Рядов. красноармейцы. 25,37% всего числа.

Таким образом, *теперешние ячейки* малочисленны и преобладающее число членов—ком. политический и адм.-хоз. аппарат армии.

Из них кандидатав:

Ком., адм.,-хоз. 5,04% всего числа ком. и канд.

Рядовых кр-цев 12,17% всего числа ком. и канд.

Таковы данные но Запфронту по сведениям Политупрзапа. Есть все основания думать, что эти цифры приближаются к общереспубликанским.

8% членов партии—это невысокий процент; но я думаю, что он мог бы быть еще ниже без ущерба для боеспособности частей. То же самое и в отношении количества членов партии на одну ячейку.

Точно также вполне понятно и значительное превышение ком. и политсостава над партийными рядовыми красноармейцами. Такое соотношение было бы ненормально для нашей партии, если бы речь шла хотя бы о соотношении числа членов партии, выполняющих функции по администрированию к числу партийных рабочих у станка. Но оно вполне естественно в армии, где основная человеческая масса состоит не из рабочих. При всем том нельзя упустить из виду следующее: теперешняя армия—это собственно не армия будущей войны, но *кадры* этой армии. Абсолютный рост в частях числа кр-цев с началом войны сам по себе очень незначительно отзовется на росте абсолютного числа как членов партии, так и рабочих вообще. Среди мобилизованных таких будет очень не много. А это значит, что % членов партии будет еще более низкий, чем в данный момент. Для предотвращения этого необходимо:

1) Чтобы *нормальный* приток в партию из армии *наиболее восприимчивых и проверенных* в этом отношении товарищей не понижался*).

*) Основной приток членов партии в армейских ячейках идет со стороны членов Р. К. С. М., находящихся в армии. Это можно только приветствовать. Больше того—может быть поставлена задача максимального увеличения числа членов партии—рядовых кр-цев *из числа комсомольцев*. Ведь взятое безотносительно положение о том, что наилучшая ячейка, наиболее тесно связанная с массами, именно та, где основной контингент—сами массы—неопровержимо. Но для этого необходимо усилить приток в армию членов Р. К. С. М. В конце концов эта разновидность партийной мобилизации привлечет силы в армию извне, о чем я и говорю ниже.

2) *Качество* партийных ячеек, *квалификация* их членов. Вот на что должно быть устремлено внимание партии, *как на решающий фактор* в будущих войнах.

3) Что % коммунистов на комкурсах, который теперь в среднем едва ли превышает 20% всего состава, должен решительным образом измениться. не 20, а 100% членов партии должны давать комкурсы.

При выполнении этих требований—а они все вместе составляют то, чем партия в настоящее время и занята—необходимость «массовой фабрикации» коммунистов делается совершенно ненужной вопрос о *большем облегчении* красноармейцам доступа в партию —отпадает.

То же, чего не удалось бы сделать к началу войны *внутри армии*, могло быть выполнено путем специальной партийной мобилизации, опять таки по принципу: не *количество, а качество.*

В. К.

Новая задача *).

(О работе в милиционной дивизии).

Перед политработниками Запфронта во весь рост встала новая задача—о постановке политработы в милиционной дивизии. Опыта тут нет ни у кого, и это обязывает тем тщательнее и шире обсудить вопрос.

Настоящая статья отнюдь не претендует на роль директивной и, если ей удастся, вызвать работу мысли у местных работников над новым вопросом, ее цель будет достигнута.

Милдивизия в данных конкретных условиях неизбежно явится низовыми политическими щупальцами советской власти и РКП в деревне. В укреплении на одном из участников рабоче-крестьянского фронта связи города и деревни, пролетариата и крестьянства—ее политическая ценность. Но положение обязывает. При нашем вопиюще слабом знании деревни это обусловливает крайне осторожный подход к деревне, это обязывает хорошо знать каждый даннный район во всех отношениях (экономическом, политическом, бытовом и пр.).

Из этих общих предпосылок вытекают и последующие конкретные выводы.

Подиву милиционной необходимо до приема переменного состава: 1) тщательно с крайним напряжением провести обработку кадра (существующими методами) и 2) собрать у себя результаты изучения, районов дислокаций.

---

*) В дискуссионном порядке *Ред.*

Первая задача может быть решена усилением дивизии некоторым количеством новых политработников и организацией в Минске (совместно с ЦБКПБ) серии краткосрочных курсов, через которые нужно пропустить в несколько приемов всех низовых политработников в целях инструктирования их по вопросам, в первую очередь, земельной и налоговой политики Советской власти. Идти на работу в деревенские районы без этих знаний абсолютно нельзя.

Вторая задача облегчается тем, что высшие политорганы должны дать схему политгеографического изучения районов дислокации, что избавит от ряда ненужных опытов и ошибок.

Центр тяжести политработы в милчастях, естественно, переносится во взвод и роту и, в меньшей мере, в баталион. В соответствии с этим, силы и средства для работы нужно передвинуть туда же. Необходим институт взводных политруков, помполитруков роты или политбатов. Передвижки и хорошие передвижки должны доходить до взвода с расчетом на обслуживание массы населения, а не только переменного состава и кадра. Клуб должен стать раз'ездным. В целях экономии человеческого состава в милчастях нужно взять твердый курс на шкраба-политрука, в каковых целях произвести соответствующую перегруппировку во фронтовом масштабе.

В виду физической невозможности вести политработу переменного состава в условиях учебных сборов (на 5—7 дней) мы выдвигаем мысль об организации политсборов в вечерние часы. На время этих полисборов в соответствующие районы должны бросаться ударные политпросветгруппы из работников подива, парткома и к.-просв. учреждений. Цель этих политпросветгрупп обслужить не только переменный состав, но и все местное население, в первую очередь, конечно, ликвидировать неграмотность.

В работе этих ударных групп должны получить свое место не только методы бесед, лекций и кружков, но и метод митингов, агитации через листовки, плакаты и т. п. Политобработка переменного состава, как общее правило, должна идти впереди строевой учебы. В этих видах политустав необходимо разбить на концентры и проходить по концентру в каждый из годов обучения.

Чрезвычайно остро станет вопрос о содержании политчаса и о методах его передачи переменному составу. Содержание политчаса придется до некоторой степени огражданить, сблизить с повседневными интересами производства милиционера (рабочего и кр-на).

Точкой опоры в работе станут, конечно, уездные города, на человеческие и материальные рессурсы которых и придется ставить ставку. Создание контактных комиссий из представителей военных и гражданских организаций, в целях полного согласования работы, диктуется с повелительной необходимостью.

Шефство промпредприятий и учреждений, имеющих в своих стенах переменников данной милчасти, над деревенскими районами той же части должно получить свое полное и систематическое развитие и много прибавить к рессурсам политорганов: поездки рабочих и слу-

жащих переменников в деревенские районы, передвижки из заводских и учрежденских библиотек, выезд заводских клубов и трупп—все это может сильно стимулировать работу—укрепить внутреннюю спайку в части.

Должно получить свое развитие и прикрепление ответственных партийных и советских работников к определенным милиционным районам.

На должную высоту нужно поставить обработку членов РКП и РКСМ из переменного состава и использование их, как кадровиков, с соответственным сокращением срока их службы.

Для индивидуальной обработки переменников во время сборов нужно использовать абсолютно весь кадровый состав части от рядового до командира. Между сборами к делу индивидуальной обработки нужно привлечь демобилизованных красноармейцев.

На окружных военполиткурсах нужно теперь же приступить к прохождению специальной дисциплины—политпросветработа в милиционных частях.

Е. Пятосин.

АВИАЦИЯ*).

Приступая к изложению положения авиации за границей, мы разберем каждое государство отдельно, чем оно располагает, какова организация, силы и усовершенствования, при чем должны оговориться, что приведенные здесь сведения не исчерпывают полностью затрагиваемых вопросов, ввиду недостаточности информаций о заграничной авиации, и запаздываемости их. Следует поэтому допустить, вследствие исключительного общего интереса к авиации и ее будущим задачам, что рост и развитие ее в настоящее время гораздо шире и грандиознее, чем описывается в настоящем очерке.

Соединенные Штаты:

Бюджет:

На 1922—23 финансовый год отпущено 62,000,000 долларов.

Состав и численность:

В 1914—1920 году построено 14,871 самолетов и 42300 моторов.

В настоящее время в военном сухопутном воздушном флоте состоит 800 самолетов и в морском около 500.

Число сухопутных отрядов—35.

В воздушном флоте по штату полагается 1514 офицеров и 1600 нижних чинов, в действительности эти цифры несколько меньше.

---

*) Имея ввиду, что только такое представление о воздушных силах враждебного нам капиталистического мира может в достаточной мере четко выявить размеры и важность стоящей перед Советской Россией проблемы создания Красного воздушного флота, редакция помещает настоящий обзор крас-военлетчика т. Пятосина. *Редакция.*

К числу наиболее мощных самолетов относится бронированный военный самолет „Лорсен“, вооруженный 30 пулеметами, выпускающими 45000 пуль в минуту; 28 пулеметов установлены для обстрела земных целей и 2—для воздушного боя. Все пулеметы для обстрела земных целей могут приводиться в действие одним рычагом; на перезарядку пулеметов требуется 4 минуты.

Радиус действия—540 километров.

Жизненные части самолета закрыты броней в 3,5 м/м толщины, достаточно прочной, чтобы противостоять ружейному и пулеметному огню.

Фирмой Кертис построен самолет-миноносец для морского ведомства, поднимающий мину Уайт-Хеда в 750 килограмм.

Бомбовоз „Мартини“—с 2 моторами по 400 лошадиных сил. Дальность полета—800 километров. Грузопод'емность—138 пудов. Скорость—172 километра:

На нем поставлен рекорд высоты 8000 метров, что указывает на возможность дневных бомбометаний, отвергнутых в результате мировой войны на Западном фронте, вследствие недостаточности высоты бывших тогда на вооружении самолетов (около 4000 метров).

В настоящее время производятся опыты с приспособлением ленточного пулемета Браунинга для подвижной установки, а также с приспособлением, позволяющим управлять огнем издали.

На вооружение самолетов устанавливаются не только 3 лин., но и 5 лин. пулеметы этой системы. Увеличение размеров и бронировки самолетов, а также применение их для атаки войск на земле, заставили подумать об увеличении калибра вооружения. Кроме известной 37 мм. автоматической пушки на самолетах „Мартин-Бомберах“ устанавливается 3 дм. (75 мм.) пушка, представляющая собою облегченное горное орудие. Производятся опыты с 3 дм. и даже 5-дм. (127 мм.) орудиями с уничтоженной отдачей.

Бомбы изготовляются весом от 23—1850 килограмм (1 п. 18 фун.—115 п.).

В стадии испытаний находится электрически управляемый бомбомет и типы прицелов, позволяющие использовать прицелочные данные, что значительно повысит точность бомбометания. Опыты с бомбометанием, произведенные в последнее время, дали блестящие результаты:

Так, пять бомбоносцев типа „Мартини“, имея каждый на борту по 4 300—фунтовых бомб, подвергли с высоты 1000 и 1200 метров бомбардировке 2 мишени на буксире и все бомбы, за исключением одной, попали в цель. Принимая во внимание размер мишеней всего 6 кв. метров и недостаточную подготовленность летчиков, мы должны признать точность попадания выше всякого сравнения.

Это дает полное право признать, что оборона американского побережья зависит отныне от авиации и должна заменить береговую артиллерию (и линейный морской флот). Не удовлетворяясь настоящим

наличием воздушного флота, Америка решила увеличить военный морской флот еще на 250 самолетов и сухопутный на 1000.

Самолеты, предназначенные для обслуживания боевых судов, размещаются на самих судах; самолеты же для активных целей на авиаматках, коих пока зарегистрировано 3, в том числе бывшие линейные крейсера („Лесингтон“ и „Сарагосса“).

Каждый из 18 линейных кораблей имеет на себе 4 самолета: 2 истребителя, 1 большой корректировочный и 1 воздушный миноносец.

Легкие крейсера-разведчики также снабжаются самолетами.

В Морском ведомстве приняты на вооружение бомбовозы системы „Кергис“ и „Мартини“. Последней новинкой является бомбовоз, снабженный 6 моторами Либерти, поднимающий 300 пудов бомб. Продолжительность полета—7 часов.

Начальник главного штаба генерал Першинг заявляет: „Америка должна быть подготовлена к немедленному переходу к воздушной обороне в случае об'явления войны и должна так организовать и усилить свои воздушные силы, чтобы перейти к наступлению в воздухе.

В этом заключается основание нашей теперешней политики в деле обороны, весьма важную часть в которой составляют операции воздушных сил. Ни один человек не может еще представить, какое важное значение будет иметь для нации обеспечить за собой господство в воздухе; значение воздушных сил все растет, и никакая нация не должна пренебрегать этим родом оружия.

Наши вооруженные силы должны быть готовы к наступательным действиям“.

Сконструирована воздушная торпеда, управляемая на расстоянии.

Новым усовершенствованием в военном деле является способ, посредством которого океан может быть усеян заградительными минами, спущенными с самолета. Этот способ был испытан американскими экспертами, и его действие оказалось превосходно. Механизм состоит из обыкновенной мины, якоря, каната и шелкового парашюта. Самолет отводит мину к желаемому пункту, и когда он бросает ее, парашют смягчает ее падение в воду. Когда мина касается воды, парашют освобождается. По мнению экспертов, флотилия самолетов, нагруженных запасом мин, может в очень короткое время минировать требуемую площадь, опуская мины на правильных интервалах.

Америка обращает особое внимание на разрешение вопроса невидимости самолетов, в чем она достигла уже значительных успехов, путем окраски их в нейтральные цвета и переконструктированием.

Для устранения опасности воздушных аварий изобретен ряд весьма удачных парашютов для выпрыгивания летчиков из самолетов в случае необходимости.

По теперешним штатам каждой дивизии придается воздушный разведывательный батальон, состоящий из двух воздушных рот, в каждой по 6 аэропланов.

Общий состав воздушного батальона:

13 аэропланов, 37 офицеров и 185 солдат.

Для целей коммерческого передвижения и спорта находятся в употреблении около 2000 самолетов.

Много внимания уделяется испытанию самолетов на продолжительность полетов (рекорд—26 часов 19 минут) и высоту (рекорд—12,440 метров).

Спроэктирована и находится в постройке гигантская гидро-лодка (на морском авиационном заводе в Филадельфии), снабженная 9-ью моторами „Либерти“ по 400 сил каждый—общей мощностью в 3600 сил. Скорость аппарата—170 километров 1 час. Запас горючего на 4,800 километров расстояния.

Англия:

Бюджет:

На 1922—1923 финансовый год отпущено на Воздушный Флот 10,895,000 фунт стерлингов (17% по отношению к армии).

Состав и численность:

За время войны (1914—1918) было построено 55,000 самолетов и 41,000 моторов.

В настоящее время имеется 1938 самолетов.

Типы самолетов:

Авро 504 к.

Ньюпор—Найтхоук,

Сопвич—Снайп (истребитель).

Сопвич—Саламандра (пехотный самолет).

Бристоль-Файтер (разведчик).

Д Н 9—мотор 350 сил—двухместный—скорость—214 километров.

Д Н 10.

Д Н 38—мотор—450 сил—для любых целей—поднимает 78 пуд. груза, скорость—200 километров.

Виккерс—Вими (бомбовоз).

Виккерс—Вернон (бомбовоз)—поднимает 120 пуд. бомб (двухмоторный).

Авро-мотор 1000 сил, для бомбометания—3-х местный—поднимает 420 пуд., скорость—220 километров.

Виккерс санитарный для перевозки 4-х больных.

Торпедоплан с мотором в 1000 сил, поднимает торпеду в 75 пуд., скорость—230 километров.

Летающая лодка . 5.

Летающая лодка . 2.А.

Гидросамолет ФЭРЕ III с.

Гидросамолет ФЭРЕ III д.

Вестланд-Вольрус (для корректирования судовой артиллерии).

Сопвич—Куку (торпедоплан).

Парналь—Пантер (судовой самолет).

Сопвич—Кэмаль (судовой самолет).

Амфибия „Король Морей“, одноместный морской для взлета с палубы корабля, мотор 300 лошад. сил.

Кроме того самолеты, указанные в приложении № 1.

Всего имеется 32 авиационных отряда.

Личный состав воздушного флота 4565 офицеров и 31109 нижних чинов.

В 1922 году открыта Военно-Воздушная Академия, предназначенная для подготовки старших начальников и штабных работников Воздушного Флота.

Сконструирован гидросамолет, способный поднимать и сбрасывать торпеду весом свыше 55 пудов. Этот торпедоплан способен снижаться над кораблем и разрушать его с одного попадания в жизненное место. Эксперт уверяет, что ни одно судно не в состоянии будет противостоять его действию. В войне будущего флот из таких торпедопланов выметет начисто морское пространство, очистив его совершенно от неприятельских судов.

В Соутгемптоне строится новая летающая лодка, которая будет в состоянии целыми днями держаться на море даже в бурную погоду. В ней имеется жилое помещение для экипажа.

Устройство ее держится в строгой тайне.

Находятся в постройке самолеты-транспорты, рассчитанные на перевозку 50 человек пехоты с полным вооружением. Самолеты эти металлические с 4 моторами по 650 сил каждый, работающими на тяжелом топливе.

Разрабатываются проэкты самолетов, еще более крупные, чем указано, которые будут в состоянии перевозить в 3—4 раза больше пехоты.

В Морском Флоте имеется 17 линейных кораблей, 4 линейных крейсера и 7 легких крейсеров, снабженных платформами для взлета с них самолетов.

Произведены весьма удачные опыты метания самодвижущихся мин с самолетов по морским судам. Флот был предупрежден перед опытами о минной атаке с воздуха, но время сообщено не было. При появлении самолетов суда прибегли к дымовой завесе. Тем не менее в течении $1^1/_2$ минуты самолеты выпустили мины. Процент попаданий оказался равным 65, часть из них в жизненные части судов. Ожидается продолжение опытов. Производятся усиленные опыты бомбометания вообще с воздуха по морским судам.

Англия принимает все меры к увеличению авиационных сил даже за счет экономии на другие расходы. Решено увеличить воздушный флот еще на 500 машин.

Правительство и печать единодушно стоят за быстрый рост авиа-сил, исходя из следующих соображений:

„В следующую войну страна с могучим Воздушным Флотом нанесет первый удар и потому будет иметь крупное преимущество.

Воздушные атаки на города истребят все население. Сначала будут сброшены газовые и дымовые бомбы, а затем зажигательные и разрывные. Все будет подлежать разрушению и бороться с Воздушным Флотом можно только при помощи Воздушного Флота. Поэтому долг

нации иметь сильный Воздушный Флот для своей защиты. Мы не сможем себя оборонить мирными конференциями, а лишь сделав оружия войны столь страшными и многочисленными, что ни для какой нации невозможно будет начать войну. Развитие аэроплана является началом конца возможных войн".

Специальная и общая пресса Англии оживленно обсуждает в настоящее время выясняющуюся величественную программу „Английского большого воздушного флота". Разработка этой программы значительно подвигается вперед. Прежде всего решено поставить на широкую ногу как постройку самолетов (для развития воздушного сообщения), так и постройку авиационных моторов.

После многократных совещаний руководителей Воздушного Министерства с Ллойд-Джорджем, Чемберлен сделал в Нижней Палате сообщение, что Кабинет занят разработкой такой программы Воздушного Флота, которая дала бы возможность заявить, что Англия совершено застрахована от нападения с воздуха.

После совещания военного министра, министра колоний и первого лорда адмиралтейства с руководящими кругами деятелей воздушного сообщения, установлено, что вышеозначенная программа большого Воздушного Флота распространяется и на колонии.

Представители Воздушного Министерства в настоящее время находятся в Австралии и в Индии в целях финансовой подготовки установления линий, которые связали бы колонии с Англией.

Блестящие результаты двух колониальных войн: Самалийской и Афганской, веденных почти исключительно авиацией, заставили английское правительство приступить к реорганизации вооруженных сил в своих колониях. За счет усиления авиации значительно уменьшается количество войск, чем достигается большая экономия живой силы и средств. Достаточно мощные воздушные силы могут избавить от необходимости держать в колониях многочисленные разбросанные гарнизоны. Быстро появляющиеся в нужном месте, не считаясь с естественными препятствиями, не боящиеся разрыва связи, самолеты оказываются достаточными для того, чтобы держать в повиновении население и соседей.

В Месопотамии для этой цели расположено 8 отрядов Королевских Воздушных сил, на кои возложена охрана границ и поддержания порядка в стране. Таким образом, авиация с приданными ей броневтомобилями и 4 батальонами пехоты (последние для охраны Багдада и аэродромов) в состоянии выполнить задачу, для коей понадобилась бы целая армия. Командование всеми силами возложено на авиационного начальника—„воздушного вице-маршала" (чин, соответствующий генерал-майору).

Кроме самолетов обычного типа—2 отряда вооружены 2-х моторными самолетами Виккерс-Вернон с грузопод'емностью в 120 пудов, приспособленными специально для перевозки людей. Каждый из них поднимает кроме 2-х летчиков—12 солдат с полным вооружением, походным снаряжением и запасом продовольствия и воды. Таким об-

разом представляется возможной высадка небольших дессантов для использования результатов боевых действий с воздуха и занятия определенных пунктов.

Новая политика признается правительством весьма успешной: за 1921 год действием самолетов были ликвидированы 4 крупных восстания и ряд мелких налетов соседних племен.

Как иллюстрацию практического ее применения, английская пресса описывает визит верховного комиссара Ирана (Месопотамия)— сера Перси Кокса—шейху одного из пограничных племен, оффициально считавшегося дружественным, но с которым возникли пограничные конфликты. Верховный комиссар со штабом вылетели на 3-х самолетах „Виккерс-Вернон". Их сопровождал воздушный конвой в 12 самолетов. Гости продемонстрировали хозяевам воздушные эволюции и пулеметный огонь самолетов, что произвело очень сильное впечатление.

Весь полет в 480 километров расстояния был выполнен благополучно и занял всего 1 день.

Тот же метод англичане решили применить и по отношению к Индии. Ныне там расположено 7 авиационных отрядов по 12 самолетов в каждом отряде с обслуживающим персоналом в 2000 человек, имеется ввиду передать воздушным силам и охрану Палестины.

Ирландия.

Новое Ирландское правительство принимает все меры к развитию военной авиации. Руководствуясь недавними опытами в С.-Штатах (с бомбометанием). Ирландское правительство полагает, что аэропланы в состоянии отразить всякую попытку нашествия на берега страны и принимает меры к созданию воздушной силы в дополнение к армии.

Англия. *Приложение № 1.*

САМОЛЕТ	МОТОР	Мощность Л. с.	Полезная нагрузка кгр.	Общий вес кгр.	Число мест.	Высшая скорость км.	Продолжительность полета, часов.	Потолок метр.
Д. Н. 18.	Нэпир.	450	1100	3000	9	200	3	—
Д. Н. 29.	Нэпир.	450	1427	3400	12	—	—	—
Д. Н. 32.	Роллье-Ройс . .	360	1030	2606	10	177	4	4200
Д. Н. 34.	Нэпир.	450	1340	2868	11	200	3 1/2	—
Хендэсайд I	Нэпир.	450	907x)	3175	11	200	—	4500
Хендэсайд II. . . .	Испано-Суиза .	300	454x)	1905	7	180	—	4500
Глочестер-Грузовик. .	Роллье-Ройс .	360	1127	5238	1	167	4 3/4	4200
Ремингтон-Бурнелли .	2 Либерти. . .	2x400	2950	6630	30	177	8	4200

x) Платный груз—вес с полной нагрузкой без веса экипажа и горючего.

Франция.

Бюджет:

На 1922 год отпущено на воздушный флот 527.000.000 франков (12% по отношению к армии).

Состав и численность:

За время войны (1914—1918) построено 51.000 самолетов и 92.600 моторов.

В настоящее время самолетов в военной авиации насчитывается 5300.

Типы самолетов:

Ньюпор 29 С[1]
Спад 20 С. } Истребители.

2-х местные боевые Бреге 17 С[2].

Потез С[2].

Корпусные Бреге 14 А[2].

Дневные бомбардировочные Бреге 14 В[2].

Ночные бомбардировочные 16 В № 2.

Анрис 15—2-х местные, скорость 230 кил; мотор 300 сил—высота—10250 метров.

Фарман А[2]—мотор 260 сил (металлический).

Для ночного бомбометания—Вибо В. № 2.

Для охраны бомбовозов—Лосоре и Оливье А 3.

Полные сведения о типах самолетов в приложении № 2.

Число отрядов 220, из коих 80 разведывательных и 140 боевых, истребительных и бомбардировочных. Отряды сводятся в полки, коих в настоящее время 15, но полк—только административная единица.

Общая численность сухопутного воздушного флота по новым штатам 1770 офицеров и 35730 нижних чинов, всего 37500 человек—8% всей сухопутной армии. Летчиков всего 3650 (офицеров и унтерофицеров).

По заказу французского военного министерства сооружен стальной самолет, снабженный, кроме ряда пулеметов, 75 м/м полевым орудием с придачей к нему 50 снарядов.

Выпущена новая летающая лодка с 3-мя моторами, общей сложностью в 560 лошадиных сил. Скорость 145 килом.

Положение морской военной авиации.

Рост ее наглядно виден из следующих цифр:

В 1914 году было 8 гидросамолетов, в 1918 году: в январе—690 и в ноябре 1264. Такое быстрое развитие вполне ясно говорит за крайнюю необходимость постройки морских самолетов для государства, желающего иметь во время войны свободу действий.

В настоящее время интенсивность постройки несколько сократилась, что вызывает у приверженцев сильного морского воздушного флота тревогу и заставляет вести усиленную борьбу за повышение производительности и увеличение кредитов.

Франция.

Приложение № 2.

Произв.	Тип.	Серия.	Моторы.			Число пассажиров.	Потолок км.	Радиус действ.	Скорость.
			Число.	Завод.	Л. С.				
Бесен.	4—план.	Н. 5 мор.	4	Лорен.	370	20	3,5	6	150
„	Триплан.	Н. 6 почт.	1	Клерже.	130	1	4	4	165
Блерио.	Биплан.	Спад. 34.	1	Рон.	80	2	4	3,30	130
„	„	„ 45.	4	Испано.	275	20	4	5	200
„	„	„ 48.	1	Лорен.	275	6	4	5	180
Бреге.	Гидробиплан.	„ 14 Т. бис.	1	Рено.	300	5	4	4,30	170
„	Полутораплан.	19 А. 2.	1	„	450	2	8	4	230
Кодров.	Биплан.	3.	1	Рон.	80	2	5	4	115
„	„	60.	1	Клерже.	130	2	5	5	160
„	„	61.	3	Испано.	140	8	4	5	150
Эрнольд.	Моноплан.	Ф. А. Т. М. А 2	2	Сальмсон.	230	8	7,9	5	200
Фарман.	Биплан.	Бомбовоз.	4	Лорен.	375	—	4,5	5	150
„	„	Металлич.	1	Сальмсон.	260	2	6,6	4	190
„	„	Голиаф.	2	„	260	—	—	—	—
Анрио.	Моноплан.	Гоночный.	1	Испано.	300	1	4	1	350
Лятекер.	Биплан.	ЛАТ—4.	3		1000	20	—	5,30	200
Левассер.	„	Спортивн.	1	„	180	3	4,5	5	180
Лиор и Оливье.	Моноплан.	9	1	Рено.	300	1	—	—	—
Моран.	„	—	1	Рон.	80-120	2	6	3	150
„	„	—	1	Клерже.	130	—	—	—	—
„	„	—	1	Рон.	120	1	5,5	3	175
Ньюпор.	„	Гоночн.	1	Испано.	300	1	—	—	350
„	Биплан.	—	1	„	300	1	8,5	2,30	236
„	„	—	1	Сенбим.	420	8	4	4	170
Потез.	„	XV.	1	Лорен.	370	2	6,5	4	212
„	„	IX.	1	„	370	4	6,5	4	202
„	„	X.	3	Испано.	180	10	6,5	5,30	170
Санж-Беза.	Гидробип.	Спорт.	1	АВС.	40	2	—	—	—
Виболь.	Биплан.	Ноч. бомб.	1	Рено.	600	14	5	4	200
„	„	Спорт.	1	Рон.	110	2	4	4	185

Практика показала, что сухопутная авиация и морская не одно и то же, что цели, задачи той и другой совершенно различные и потому передовые газеты требуют уделить морской авиации такое же исключительное внимание, как и сухопутной, ставшей уже на твердую почву, благодаря исключительной заботливости о ней.

Французская газета так пишет: „Наша морская авиация должна, как можно скорее, завести настоящие гидро-самолеты—скороходные, хорошо вооруженные, которые явятся сильным оружием для береговой обороны; самолет торпедоносец, тоже имеющий качества гидросамолета и предназначенный для всех эскадрилий, действующих в открытом море, и, наконец, специальный гидро-самолет для действий в открытом океане—вот типы аппаратов для истребления, бомбардировки, разведки, корректирования стрельбы.

В нашем флоте должны быть предприняты серьезные опыты метания бомб с самолетов по движущимся крейсерам, как в С. Штатах или недавно в Англии. Не будем под всякими предлогами сокращать бюджет морской авиации"...

Во Франции насчитывается до 15 авиашкол с бесплатным обучением, что привлекает много сотен добровольцев.

Интерес к авиации огромный.

Ведется усиленная агитация за развитие, постоянно поддерживаемая всеми газетами и аэроклубами.

Япония.

Бюджет на развитие авиации 18,5 мил. долларов.

На развитие военной авиации обращено общее внимание.

Образуется целый ряд заводов, где строятся самолеты как иностранные, так и по собственным чертежам; зарегистрировано 10 заводов.

Строятся самолеты системы Ньюпор, Сальмсон, Спады, Сопвичи, а также моторы Рон, Сальмсон, Даимлер, Майбах (300 сил).

Из самолетов своей конструкции наиболее заслуживающими внимания являются: 1) биплан типа *Аита ГО* с мотором Майбах 300 сил; 2) четырехместный биплан с тем же мотором и моноплан с мотором Каванимы—Уикель в 125 сил.

В Нагойе строится авиационный завод с производительностью 50 самолетов в месяц. В Гифу—другой завод, на котором будет работать 500 рабочих.

Приступлено к оборудованию 2-х крейсеров под корабли-базы для гидросамолетов. Один крейсер в состоянии поднимать 50 самолетов, другой—20.

В настоящее время по заказу военного ведомства на заводе в Гунме сооружаются 70 бипланов последнего усовершенствованного типа для разведывательных целей.

На заводах и в школах работает до 25 английских летчиков и конструкторов.

В Токийском университете имеется авиационная кафедра и с 1918 года функционирует авиаинститут.

Придается особенное значение развитию собственной авиапромышленности.

Интерес к авиации виден из того, что еще 2 года назад за один чертеж Япония платила английским фирмам по 100,000 фунт. стерлингов.

Ею закуплен целый ряд английских машин и с английскими фирмами заключено условие об обучении на английских заводах присылаемых японских техников.

Производятся усиленные опыты с бомбометанием, ночными полетами, а также большие воздушные маневры.

Еще в 1920 году число самолетов доходило до 600 штук. В настоящее время эта цифра, конечно, значительно возросла. Точных данных о количестве самолетов и об организации пока не имеется.

Германия.

Побежденная Америкой, Францией и Англией, Германия, в силу декрета об аэропланостроении, поставлена в авиапромышленности в весьма узкие рамки. По заключении мира все боевые самолеты были или переданы победителям или уничтожены последними.

Разрешенная постройка самолетов и ввоз таковых должны удовлетворять следующим условиям:

1) Для одноместных машин мощность мотора должна быть не более 60 сил.

2) Самолеты не должны позволять полет без летчика (разумеются машины, управляемые радио).

3) Самолеты не должны быть бронированы или каким либо другим способом защищены, а также не должны иметь приспособления для установки вооружения, пулеметов, орудий или бомбометов и прицельных приборов.

4) Технические качества их не должны превышать следующих норм:

а) Потолок (предельная высота)—не более 4000 метров при полной нагрузке.

б) Скорость на высоте 2000 метров, при полной нагрузке, 170 километров в час.

в) Весьма ограничен запас горючего и смазочного.

г) Наибольший полетный груз—$37^1/_2$ пудов, включая вес экипажа и инструментов.

5) На самолетах не должны устанавливаться моторы с пересжатием.

Все эти ограничения расчитаны против возможности развития военного воздушного флота, которого в силу этого в Германии не существует.

Конечно, с таким положением вещей Германии примириться весьма трудно, и, естественно, она должна искать некоторого выхода из создавшегося положения.

Окончательно закабалить себя она, конечно, не решится. В виду же того, что надежды всех стран на свою личную свободу сводятся в настоящее время к созданию мощного воздушного военного флота, то и Германия не желает отстать в этом деле от своих победителей и соседей. Находясь же в тисках указанного выше „декрета“, она, главным образом, в настоящее время занялась усилением своих воздушных линий и увлеклась даже планерным делом, т. е. полетами на самолетах без моторов, чтобы не погасить в себе способностей и задатков к авиации вообще и, в частности, к военной, исходя из того, что если нет хороших самолетов, отвечающих военным требованиям, то, во всяком случае, она будет иметь постоянный весьма солидный кадр отличных летчиков.

Обслуживание всех имеющихся воздушных линий немецкими летчиками носит характер исключительной аккуратности, любви к делу и методичности, что указывает на достаточную силу воли, самолюбие и жизненность нации.

Достижения немецкой авиаизобретательности в настояшее время весьма солидны: примером может служить проэкт самолета - гидроаэроплана „*Испани*“ с 4 моторами по 700 сил каждый, с радиусом действия до 3500 километров, поднимающего 60 человек или 30 человек с полным багажем.

Этот самолет может быть сооружен только за границей в силу тех же ограничений.

Нужно думать, что немцы, связанные по рукам и по ногам договором, если не воплощают в жизнь своих изобретений и усовершенствований, по авиастроительству, то, во всяком случае, не отстают от международной техники и теоретически разрабатывают необходимые проэкты современных боевых самолетов, удовлетворяясь пока хоть этой возможностью.

Иностранная пресса сильно взволнована русско-германским договором и предполагает, что прижатые к стене фирмы Германии по аэропланостроению возродятся на территории Российской Республики и обойдут все препятствия, чинимые им заключенным договором, который они сумеют обойти и тем фактически уничтожить его.

Все это приводит орган „*Антанты*“ газету „*Флайт*“ в мрачное настроение, убеждающую, что мир всего мира находится под угрозой.

А между тем немецкие летчики упорно идут к воздушным победам: так на Ронских планерных (без мотора) состязаниях в 1922 году рекордным полетом был полет немца *Гентцена,* продолжавшийся 3 часа 10 мин., на состязании гидросамолетов в Неаполе 7 августа 1922 г. победили 2 немца на гидросамолетах Юнкерса (германского производства). Типы пассажирских самолетов, находящихся сейчас в Германии на линиях и строющихся в ней:

Фоккер 6-ти и 10 местный (моноплан) с мотором Рольс—Ройс в 360 сил, с мотором Либерта в 400 сил.

С. Ш. с мотором В. М. В. 185 сил—6-ти местн. со скоростью 130—170 километров.

Л. 1 с 2-мя моторами по 185 сил—8 местный со скоростью 150—180 сил, S—с мотором Сименс 60 сил и Юнкерс—8 местный—металлический моноплан.

Италия.

Бюджет военного воздушного флота на 1922—23 финансовый год—650,000,000 лир.

Итальянский воздушный флот состоит из: 1) сухопутного флота имеющего 25 авиаотрядов, разделенных на 3 группы: истребительную, бомбометательную и разведывательную и 2) морского флота, состоящего из 365 самолетов.

Из современных наиболее выдающихся самолетов удачнейший гоночный одноместный гидро-истребитель „САВОЙЯ“ с мотором в 310 сил (Изотта-Фраскани) — скорость 266 килом., чрезвычайно поворотлив, легок и удобен для боевой работы.

Главнейшим авиационным заводом является завод Ансальдо в Турине, выпустивший ряд самолетов и гидросамолетов, поставивших ряд рекордов.

Наиболее удачными следует признать:

Разведывательные самолеты „Ансальдо А 3004“, вооруженные 3-мя пулеметами, великолепно оборудованные; расчитаны на летчика и наблюдателя. Наибольшая высота—7000 метров, скорость—195 километров в час. Радиус действия—740 километров.

Истребители „БАЛИЛЛА А. I“, одноместные бипланы. Вооружены 2-мя пулеметами. Наибольшая высота—8000 метров. Очень поворотливы и быстро набирают высоту.

Самолеты „А. 300 С“—пятиместные. Горючего на 5 часов. Радиус действия—800 километров.

Кроме указанных типовых самолетов фирма строит и много других.

В настоящее время завод „Ансальдо“ выпускает около 60 самолетов в месяц, при чем работает около 500 человек.

Данные самолетов Ансальдо об‘являются ниже.

Данные самолетов Ансальдо. *Приложение № 3.*

Название аппарата.	Назначение самолета.	Мотор.	Число пассажиров и пилотов.	Площадь несущей поверхности.	Вес пустого аппарата.	Нагрузка на один. поверхности.	Полезная нагрузка.	Максимальная скорость.
Ансальдо А. 3004.	Разведыв.	Фиат А. 12 бис 300 л. с.	2	39,5	1140 кгр.	41,5	500	205
„ А. 3003.	„ „	„ „ „	2-3	36,6	1125 „	—	—	200
С. В А. 10 . . .	„ „	СРА 200 л. с.	2	36,9	730 „	—	—	200
Балилла А. I . .	Истребит.	СРА 220 л. с.	1	21,2	615 „	42,4	230	225-235
А. 300 С.	Пассаж.	Фиат А. 12 бис 300 л. с.	6	42,12	1147 „	43,4	770	200 (Посад. 70-80)
А. 300 Т.	„ „	„ „ „	7-9	—	—	—	—	175

Для подготовки высшего командного состава и школьных инструкторов в итальянской армии учреждены высшие авиационные курсы, которые дают теоретическую и практическую подготовку.

Для прохождения этих курсов будут постепенно призваны все летчики-офицеры, состоящие на действительной военной службе.

Первый курс организован в Риме при Институте Экспериментальной Аэронавтики. Открытие его состоялось 15 ноября прошлого года. Продолжительность прохождения курса 6 месяцев.

Польша.

Имеет 600 боевых французских и итальянских самолетов и 200 старых немецких, австрийских и английских самолетов.

Аэродромы 1-го класса—в Варшаве и Познани.

Аэродромы 2-го класса—в Быдогоще, Иван-городе, Грауденице, Кракове, Лиде, Львове, Перемышле и Торне. Всего 10 аэродромов.

Разработан план развития собственной авиа-промышленности.

Строится большой завод для постройки аэропланов и автомобилей (возле Варшавы). Завод принадлежит франко-польской кампании и рассчитан на несколько тысяч рабочих.

Венгрия.

Военного воздушного флота пока не имеет, но интерес публики и государства с каждым днем все возрастает, показателем чего является быстрый рост числа членов Венгерского Аэроклуба, насчитывающего уже около 12 тысяч членов и раскинувшего сеть своих отделений по провинции. Венгрия с нетерпением ожидала снятия запрета, наложенного на нее Антантой в области сооружения боевого воздушного флота, и стремится вступить в оживленное общение с авиационными кругами Германии. Ныне запрет этот снят (18 ноября 1922 г.). В настоящее время в Венгрии издается специальный авиационный журнал и несколько технических с обширными авиационными отделами.

Руководящим органом венгерской авиации является Воздушный Департамент Министерства Торговли и Промышленности.

С уходом румын Венгрии достались брошенные ими 110 аэропланов, но таковые уже использованы на воздушных линиях.

Румыния.

Имеет военных самолетов—480. Начали изготовляться собственные самолеты типа „Бранденбург“ с моторами 220 лош. сил—двухместные.

11 мая прошлого года состоялось торжественное освящение первой серии—10 самолетов, изготовленных в Румынии вышеуказанных аэропланов типа „Бранденбург“.

Эстония.

Количество самолетов—100 штук, заграничных фирм.

На заводе „Двигатель" в Ревеле строится 6 самолетов типа Саблатниг Р. 3.

Литва.

Количество самолетов—100 штук.

Финляндия.

Наличие самолетов—200 штук.

Чехо-Словакия.

В Ольмюце (Моравия) министерством народной обороны открыта авиационная школа на 850 человек.

Испания.

Бюджет на 1922 год—37½ миллионов пезет (пезета—37½ коп.) — на военную авиацию.

Мексика.

Мексиканское правительство употребляет большие усилия для развития авиационного дела в стране и соорудило уже пять морских аэростанций.

Летному делу обучается 500 человек, из них 60 человек подготовляются, как летчики. Имеется около 50 самолетов. Обучение происходит на аэродроме в г. Мексике.

Сиам.

Располагает 115 самолетами и наличным персоналом в 650 человек. Имеется 5 аэродромов и 25 остановочных пунктов.

В прочих государствах авиация только начинает развиваться, используя самолеты французского, английского и итальянского производства.

Что касается гражданской авиации, то таковая разворачивается все шире и шире. Количество воздушных линий в Европе перевалило уже за 60, на коих работает около 700 самолетов. Одна Франция имеет уже на линиях около 300 самолетов.

Нужно отметить, что между гражданской и военной авиацией существует тесная связь и нужды обороны страны, в связи с экономикой, заставляют правительства почти всех стран вводить обязатель-

ство, чтобы гражданские самолеты строились такого типа, чтобы они по своим техническим свойствам подходили хотя бы к одному из типов военных самолетов и допускали бы без значительных переделок установку на самолете соответствующего вооружения и снаряжения для боевой работы.

Все военные самолеты должны иметь на себе то же снаряжение, что и гражданские, и, сверх того, они должны быть надлежаще вооружены в соответствии с их назначением: или только для самообороны в воздухе при помощи пулеметов и иногда орудий, или для целей нападения; в последнем случае применяются, как артиллерийские средства, так и бомбометание (особенно для поражения земных целей), зажигательные стрелы, специальные пули и т. п. Насколько дело бомбометания подвинулось вперед, достаточно отметить, что в минувшую войну одними немцами было сброшено свыше 2500 тонн бомб, весь некоторых доходил до 60 пудов. Теперь же в Америке изготовляются 115 пудовые бомбы громадной силы, способные потопить любое морское судно. Принимая во внимание, что мощность воздушных аппаратов уже теперь доходит до 4,000 и даже 4,500 лошадиных сил, а, следовательно, и грузопод'емность их, мы сможем ясно себе представить, что может сделать в тылу у противника эскадрилья из таких самолетов, могущих сбросить тысячи пудов взрывчатых веществ. Сила последних также неизменно увеличивается Недавно было сообщение в газетах о появлении в Америке удушливого газа, способного отравлять большие участки земли, с продолжительностью действия в течение 10 суток с момента его выпуска, причем все живое уничтожается. Что может сделать эскадрилья мощных самолетов, забросавшая бомбами с таким газом какой либо город. Ясно, что все живое будет убито действием газа, от которого не будет никому спасения.

Кроме того, за границей усиленно занялись полетами самолетов без летчика, управляемых при помощи радио и действующих, как автомашины, находясь в полном подчинении, и производящих эволюции по желанию руководителя.

Такие самолеты могут быть в воздухе направляемы куда угодно, могут производить фотографирование, точное бомбометание. Особое внимание обращено на ночные полеты, представляющие в военное время массу преимуществ в сравнении с дневными; невидимость, а потому неуязвимость и возможность поэтому производить полеты очень низко совершенно безнаказанно, что дает возможность использовать слабые самолеты (гражданского типа).

Плохое состояние авиации в России и враждебное отношение к ней западных государств не дают нам права закрывать глаза перед страшной опасностью. У нас есть воздушный флот, но силы его весьма ничтожны в сравнении с развитием его за границей.

В силу невозможности сразу развить свое авиастроительство, мы вынуждены питать свою страну заграничными самолетами и в

целях сомнительной экономии приобретаем таковые „числом поболее, ценою подешевле“, ибо отпускаемых кредитов не хватает на покрытие насущных потребностей воздушного флота.

Мы должны во что бы то ни стало вырваться из тисков заграничного рынка и создать свою мощную авиацию, свое авиастроительство. Но на это нужны громадные средства, каковых нам Республика ассигновать не может. Необходима общая, дружная постоянная помощь всех учреждений, всех граждан поголовно, если они хотят обеспечить безопасность великой Советской Республики.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Гульнев.

Упорство и ударность.

Конечная цель боя—разбить и уничтожить живую силу противника. Цель эта, в конечном счете, достигается сильным и решительным ударом—огневым ударом с ближней дистанции и штыковым при подходе к противнику вплотную. Таким образом всякая боевая единица и ее начальник — поставивший себе задачей победу над противником в полном смысле этого слова, должны стремиться к венцу боя—удару. Это стремление должно быть упорным и единым для каждой составной единицы и для каждого отдельного бойца. Итак одним из главных условий победы является упорство в стремлении к удару.

В чем состоит и чем достигается упорство?

Основными элементами боя являются: человек, оружие и обстановка. Этими элементами определяется вообще бой, ими же определяется и упорство. Из этих трех элементов, основным элементом в отношении упорства является человек. Остальные элементы лишь повышают или понижают упорство человека. Посмотрим в каком взаимодействии находятся эти элементы.

Предположим, что человек в начале боя имеет достаточные моральные силы и стремление к сближению с противником для удара. К этому основному положительному фактору прибавляется еще положительный фактор — свое оружие (огонь). Далее прибавляется отрицательный фактор — оружие (огонь) противника. На эту сумму указанных трех факторов влияет еще четвертый фактор—местность и прочая обстановка боя, влияет местами положительно, местами отрицательно. Вот те четыре фактора, которые для каждого момента, для каждого фазиса боя определяют и создают упорство.

Из этих факторов—один всецело подчинен, или, по крайней мере, должен быть подчинен нашей воле—это наше оружие (огонь). Второй фактор (огонь противника)—совершенно не подчинен нашей воле и, наконец, третий фактор (местность)—не подчинен нашей воле, но может быть до некоторой степени нами приспособлен и использован.

Таким образом, рассуждая отвлеченно, можно сказать, что основной, и, пожалуй, единственной, задачей командира единицы, ведущей бой, является: *регулирование всех этих факторов*, так, чтобы в любой момент боя сумма положительных факторов имела перевес над суммой отрицательных, и наступательный порыв и упорство человека, вернее, коллектива наступающей единицы, сохранились до удара и во время удара.

Поясним это более конкретно. Предположим наступает рота. В различные моменты боя, на разных участках роты общая обстановка (сумма всех факторов) постоянно меняется. В одном месте огонь противника подавляет все положительные факторы, в другом—местность способствует продвижению, в третьем местность нам не способствует, но огонь противника слаб и так далее — неограниченное число всевозможных вариаций боя. Задача командира роты (а также и низших начальников в районе своей части), имея в своих руках могучее средство—свой огонь—используя местность, регулировать и направлять огонь так, чтобы в любой момент и в любом месте своего участка наступательный дух и упорство людей его части не были подавлены местностью и огнем противника.

Такое идеальное регулирование огня и использование местности возможно лишь при условии определенного, наиболее выгодного в данный момент и на данном месте *строя*, организованного *управления*, точного *расчета* и *учета* своих огневых средств и их снабжения и стремящегося к победе *обученного бойца*. Из перечисленных условий наиболее непостоянным, наиболее эволюционирующим является строй, а поэтому на нем мы и остановимся подробнее, как на наиболее злободневном вопросе.

При знакомстве с организацией и тактикой современных армий западных государств, в частности с французской, польской и германской, видно, что строй (боевой), в особенности строй пехоты в процессе войны 1914—1918 г. г. и далее в результате изучения опыта этой войны—потерпел значительное изменение. Начав войну 1914 г. длинными, обыкновенно взводными цепями,—в течение войны, в связи с введением новых огневых средств, строй пехоты начал эволюционировать, приспособляясь к новым условиям боя. В процессе позиционной войны пехота переходит на начала „Глубокой тактики“ (так. назыв. атаки „волнами“), и, наконец, мы видим к концу 20 года французскую пехоту, строй которой можно назвать „рассеянным“ или вернее строем „мелких огневых групп“, с глубиною боевого порядка.

Посмотрим чему должны отвечать современная организация пехоты и ее боевой строй.

Боевой строй вообще должен удовлетворять следующим условиям:

1) Возможно большая неуязвимость и, значит, лучшее использование и приспособление к местности. 2) Возможность наибольшего использования своих огневых средств. 3) Гибкость и подвижность. 4) Свобода маневрирования и наибольшая возможность сосредоточения

и переноса огня. 5) Возможность развития сильного огневого и штыкового удара. 6) Удобство управления.

Современные армии характеризуются большим насыщением пехоты огневыми средствами (пулеметы тяжелые и легкие, автоматы, ручные и винтовочные гранаты, артиллерия сопровождения и т. д.), а так-же увеличением числа боевых технических войск (бронечасти, авиачасти). Такое богатство огневых средств и техники легко позволяет массирование огня по более или менее значительным видимым пехотным целям, а поэтому, при наличии такого хорошо-вооруженного противника, является необходимость строя, рассеянного по фронту и в глубину. Этим достигается неуязвимость, гибкость и цепкость строя. Действительно, строй современной, например, французской пехоты, ввиде рассеянных по фронту и в глубину мелких огневых групп, позволяет в полной мере использовать все факторы боя. При таком строе, во первых, ослабляется действие огня противника, так как мелкие группы легко применяются к местности, плохо видны и поэтому слабо уязвимы. Во вторых, при таком строе группы не связаны местностью, а, наоборот, в полной мере ее могут использовать и, наконец, третье, и самое главное,—огонь при таком строе легко переносится и регулируется. Строй получается гибким, подвижным, цепким, способствующим стойкости.

Казалось бы, что чем больше рассеивание строя, тем более выигрывает он в смысле использования и регулирования всех факторов боя, но это далеко не так. Есть ряд причин, которые, наоборот, требуют большей кучности и компактности строя и до известной степени ограничивают его рассеивание. Этого требует, прежде всего, управление строем и огнем. Чем рассеяннее строй, тем труднее управление им, а, следовательно, тем разрозненнее его огонь. Управление имеет свои средства и условия, именно: средства связи и условия подготовки тех, кто управляет, и тех, кем управляют. От этих средств и условий в значительной степени зависит характер управления, а, следовательно, и степень рассеивания строя.

Второй причиной, ограничивающей рассеивание строя,—необходимость ударности. Как уже сказано в начале настоящей статьи,—бой решается ударом. Удар огневой, ввиде сосредоточенного ураганного огня с ближней дистанции—возможен из рассеянного строя, при условии сохранения управления, но штыковой удар требует компактности строя и достаточной его силы.

Наконец, третье условие, определяющее степень рассеянности строя—сам боец. На первый взгляд это кажется не совсем понятным, но если мы посмотрим, все виды строев от греческой фаланги до строя цепями в войну 1914 года, то увидим, что не маловажную роль в структуре строя играл человек.

„Чтобы победить,—нужно купить сердце человеческое"—гласит старое военное изречение. Мы видим, что в разные эпохи сердце человеческое „покупалось" разными способами и с различным успехом. В периоды, когда оно даже не покупалось, а просто отбиралось силой—

строй был тесным, и структура его была такова, что боец был под непосредственной рукой и влиянием начальника, который при нежелании бойца выполнять задачу применял физическое воздействие. В годы развития военного искусства в 19 и начале 20 века строй мог перейти от тесного и сомкнутого к разомкнутому и рассыпному, как настоятельно требовало этого оружие. Эволюцию строя приписывают исключительно влиянию вооружения, но она была возможна постольку, поскольку позволял характер воина—человека*).

В настоящее время мы присутствуем при несколько ненормальном явлении. Оружие требует большего рассеивания строя, но сердце солдата в армиях буржуазных государств не так легко приобрести. Западного солдата не так легко убедить идти отдавать свою жизнь за туманные для него интересы, наоборот легче убедить в противном. В этом отношении рассеивание строя, помимо первых двух причин, тоже встретит определенное ограничение.

Подводя итог всему сказанному о строе пехоты, можно вывести следующее общее заключение:

Строй какой-либо армии определяется: свойствами оружия противника, свойствами своего оружия, способностью и стремлением данной армии к удару, средствами управления, т. е. подготовкой командного и рядового состава армии, и средствами связи и, наконец, военно-политической подготовкой и настроением армии. Все армии, строй которых будет иметь структуру, основанную на учете всех перечисленных условий, извлекут из строя максимум положительных сторон в смысле стойкости и ударности.

Переходя к сравнению французского (и почти одинакового с ним польского) строя и нашего красноармейского строя (по инструкции для действия стрелковой роты в бою) необходимо отметить, что французский строй является более рассеянным, чем красноармейский. У французов огневая ячейка (команда фюзильеров и команда вольтижеров) более мелка (звено), чем кр-ская огневая единица (отделение). Поэтому французский строй более выигрывает в смысле неуязвимости, цепкости, маневрирования и использования своего огня, чем кр-ский, но наш строй более выигрывает в смысле управления и ударности, в особенности в смысле штыкового удара. Помимо того, что наш строй более компактен и более в руках начальника для ведения атаки и удара в штыки—наша рота имеет большее процентное число штыков для нанесения штыкового удара—по отношению к прочему вооружению. Здесь, очевидно, сказались особенности французской армии: ее большая способность к ведению огневого боя мелкими огневыми группами, лучшая выучка солдата, большая способность мелкой группы и даже единичного бойца к самостоятельным действиям в духе

*) Само собою разумеется, что техника является предопределяющим моментом. Автор просто хочет оттенить, что эволюция строя невозможна без эволюции человеческого материала, всецело в этом отношении зависящего от развития техники; здесь диалектическое взаимодействие, которое автор, однако, излагает несколько односторонне.

Редакция.

выполнения общей задачи, хорошее средство управления, но недостаточное стремление и способность решения боя штыком.

Оценивая состояние и качество нашей Красной армии, можно наметить следующие перспективы:

Оружие наших врагов требует большего рассеивания нашего строя, для лучшей неуязвимости и применения к местности. Это рассеивание идет в ущерб управлению и возможно будет постольку, поскольку будет подготовлен наш средний, и, в особенности, младший командный состав к самостоятельным действиям и инициативе в духе выполнения общей задачи и стремления к поставленной цели в бою.

Это условие является главным контр-условием, ограничивающим рассеивание нашего строя.

Способность нашей армии решать задачи штыком тоже до известной степени будет задерживать рассеивание строя.

Наконец, военно-политическое воспитание и настроение наших масс стоит несравненно выше, чем в армиях наших противников. Сердце нашего красноармейца—рабочего и крестьянина—им отдано целиком на борьбу за великую, единую идею освобождения трудящихся от власти эксплоататоров. В этом отношении наша армия, воодушевленная единой идеей и единой поставленной целью, будет, при условии ее военной выучки, способна действовать мелкими группами.

Вот те предпосылки, на основании которых должен эволюционировать наш кр-ский строй.

Поскольку они будут созданы и учтены—постольку строй и организация армии будут соответствовать условиям боя и будут создавать его прерогативы—упорство и ударность.

Решить правильно задачу абстрактным путем трудно. Правильное решение всякой боевой задачи—даст бой, и отметка будет написана кровью, как говорит крылатое военное выражение.

К. Нейман.

Строй, порядок и огонь.

Опыт последней войны показал и подтвердил с неоспоримой очевидностью новую мысль о преимущественном значении *стрелкового огня* в бою. Это не значит, что маневрирование впредь не явится уже моментом повелевающим, наоборот огонь и впредь будет существовать лишь для того, чтобы помочь продвинуться вперед с целью захватить пространство и уничтожить живую силу пр-ка. Поэтому все государства применяют такую организацию пехоты, которая явилась бы результатом усиления стрелкового огня. Ввиду этого, главным средством боя становится то же оружие, которое в определенное время может дать максимум огня. Таким оружием является оружие автоматическое и пулеметы разного рода. Для рот пулеметы должны быть легки и удобны для ношения при перебежках и поэтому в ро-

тах должно быть, главным образом, автоматическое оружие. Группа в 12—13 стрелков, поддержанная одним легким пулеметом, является наиболее удобоуправляемой ячейкой пехоты, которая в большинстве армий называется боевой группой,—здесь мы видим, что происходит какая то эволюция в строях и порядках пехоты. Если раньше мы имели строи сомкнутые, разомкнутые и рассыпные, то сейчас, при появлении боевых групп, и речи о рассыпном строе в полном смысле слова быть не может, ибо под рассыпным строем мы подразумеваем такой строй, где люди находятся в одном определенном порядке, боевые же группы хотя и располагаются на известных интервалах друг от друга, но люди в группе не занимают в отношении друг друга строго определенное положение, тут уже получается строй рассеянный*). Хотя по цели бывают походные, резервные и боевые строи и порядки, тем не менее, чтобы не расширить нашу статью, разрешите нам остановиться над исследованием только *боевых строев и порядков*, имеющих тесную связь с огнем, т. е. с управлением огня, которое сейчас больше всего нас может интересовать. Кроме того считаю необходимым рассматривать этот вопрос под углом зрения необходимости внести те или иные поправки в уже существующие формы строя, порядка, управления огнем, в связи с увеличивающимся могуществом современного огня и в связи с эволюцией тактики и разброски боевых порядков.

Эволюция тактики в мировую войну 1914—1918 г. г.

При сомкнутых и разомкнутых строях управлять мог боем и огнем свободно комбат и даже комполка, тогда впрочем, при наличии хороших комбатов, можно было говорить об управлении боем. При рассыпных строях до 1914 г. все верили, что ротные командиры могут свободно управлять огнем своей роты **). Но мировая война показала, что мало иметь хороших ротных командиров, но нужно еще иметь и хороших младших начальников. Строи настолько разбросались, что командовать ротному командиру было невозможно и надо было это передать взводному. В дальнейшем ходе войны и взводному командиру стало это не по плечу. Шум боя затруднял управление взводом, для уменьшения потерь взвод должен был занимать большой фронт, где уже голосом управлять стало невозможно. Наконец, последний период войны, при появлении могущественной артиллерии и множества пулеметов, стрелкам для действий нужно было использовать каждую складку местности. Цепь по опыту этой войны показала сейчас всю свою непригодность как в смысле *управления огнем*, так и в движении и перемене направления ***). В движениях вперед офи-

*) Во всех иностранных армиях существуют рассыпные строи для групп. *Ред.*

**) Это не совсем так, считалось, что это задача, главным образом, взводного командира. *Ред.*

***) Однако новый немецкий строевой пехотный устав признает цепь одним из основных боевых строев. *Ред.*

церы не могли заставить продвинуться вперед своих подчиненных, так как они были далеко расположены и при изменении направлений происходила ломка фронта и получался беспорядок. Даже при простом движении люди сбивались в кучу. Недостатки цепи заключались, в конце концов, в следующем: 1) неудобо-управляемость, 2) недостаточная подвижность и гибкость и 3) большая поражаемость цепи.

В 1916 году появляется тактика *волн*, но они сразу обнаружили свои недостатки. По достижении войсками проволочных заграждений пр-ка, боевой порядок терял организованный порядок, распадаясь на отдельные группы стрелков, действовавшие самостоятельно. Главный недостаток волн—это отсутствие маневренности. О трудности управления не приходится говорить, поражаемость же была ужасающая. Пулеметы при наступлении еще не умели использовать во всю полноту.

В 1917 году для организации наступления нужно было подготавливать атаку могущественным артогнем. В этот период войны вооружение пехоты уже сильно усложнилось. Появилась надобность в минометчиках, специалистах, гренадерах и автоматчиках. Вместе с тем назрела необходимость подводить резервы непрерывно и как можно ближе к передовым частям, и, по возможности, в сомкнутых строях. Колонны по четыре были отменены, стали применять колонну по два, затем по одному и, наконец, в колонне по одному люди стали следовать друг от друга на дистанции от трех до шести шагов. Так родилась мысль змейки. Сначала новый строй змейками употреблялся для подвода ближних резервов, но вскоре он получил более широкое применение, как мы увидим дальше.

Сильный артогонь, сметавший с лица земли все окопы, навел на мысль о бесполезности окопов. Тогда увлекся обороняющийся использованием воронок от снарядов, т. е. обладанием определенными точками, каковое обеспечивает известные линии, дающие возможность господствовать над известным пространством.

В 1918 году, при продвижении волн на поле сражения, изборожденном воронками от снарядов, солдаты не могли соблюдать указанные им интервалы и равнения, проходя по одному в промежутках между соседними воронками, и так как их было бесчисленное множество, то получались естественно из волны многочисленные маленькие змейки и группки. Результатом такого порядка следования явились: 1) большой порыв вперед, так как оказывалось, что солдаты в группе лучше наступают, 2) возросла сила удара пехоты, 3) получилось коекакое улучшение управления огнем, так как огонь велся небольшими группками стрелков. Вследствие неорганизованности этих, стихийно образовавшихся группок, они часто оказывались без надлежащего руководства или без необходимых специалистов—гранатометчиков, автоматчиков. Таким образом сама жизнь натолкнула на мысль о необходимости организации по новому *управления огневого боя*.

Всем стало ясно, что управлять стало можно только очень *маленькой группой людей*, например отделением. Так как могущество

огня пр-ка можно подавить только могущественным огнем, а этот огонь могут дать только пулеметы, то их понадобилось такое количество, что приходилось на каждое отделение по одному пулемету. Значит по пулемету попадало в каждое отделение (боевую группу) Так как 10—12 человек при пулемете фактически можно считать прислугой—подносчиками патронов, значит главную роль в боях захватили легкие пулеметы. Передвижение отделения (групп) должно уже происходить, сообразуясь с удобством передвижения пулеметов и в соответствии наличия пулеметных позиций. Значит отделение (боевая группа), принимающее соответствующую форму боевого порядка, которую мы рассмотрим ниже, соединяет в себе удобство управления огнем, силу удара, маневренность, малую поражаемость, чего не имеет ни цепь ни волна *).

К концу 1918 года появились и вспомогательные средства борьбы для пехоты, а именно танки (блиндированная пехота) для уничтожения искусственных препятствий пр-ка. Тяжелые пулеметы начали группироваться по командам и вели огонь через голову своей пехоты. Оборона стала также основываться на боевых группках. Как видно эволюция тактики в связи с развитием техники довела нас от рассыпного строя к рассеянному. Из вышесказанного можно сделать определенные выводы: 1) управление огнем зависит от разброски боевых строев и порядков, происходящих под влиянием могущества современного огня, но, в свою очередь, для своего удобства вносит в указанные строи и порядки соответствующее изменение. Значит управление огнем рассматривать, как самодовлеющее, нельзя, оно стоит в тесной связи с эволюцией строя и порядка, 2) необходимость улучшения управления огнем изменила боевой порядок волнами в боевой порядок змейками, группами, чем можно было достичь наилучшие результаты стрелкового огня, имеющего, как было сказано раньше, преимущественное значение в бою.

2. Боевые строи и порядки.

а) Под боевым строем мы подразумеваем такой строй, который употребляется для продвижения к пр-ку, сохраняя, по возможности, свои войска от потерь. Боевые строи должны удовлетворять следующим требованиям: 1) возможно меньшая уязвимость огнем, 2) удобство действия оружием, 3) удобство управления этим строем, 4) искусному применению к местности и 5) должен быть подвижен и возможно поворотлив (легко приспосабливаться к изменчивой боевой обстановке). Для роты до сих пор такой строй был строй по-взводно. Могущество и дальность артогня, его стрельба при помощи аэропланов и опасения атаки аэропланов заставят боевой строй роты еще больше расчлениться. Если до сих пор взвод, при невозможности двигаться сосредоточенно, сразу начинал разводить шеренги, то сейчас взвод должен будет разойтись по отделениям (боевым группам),

*) Неясно в каком же строю действуют эти боевые группы? *Ред.*

а последние только будут разводить шеренги (звенья), смотря по обстоятельствам. Современный огонь, его могущество дало возможность роте занимать гораздо больший участок, нежели раньше. До войны ротный участок определялся в 200 шагов *), сейчас рота может занять участок до 400 шагов. В связи с этим и полоса наступления роты стала гораздо шире, значит тоже до 400 шагов. Взводы в связи с этим можно будет разводить не только, как раньше, на 40 шагов (дистанция и интервалы), а на 80—100 шагов, а отделение друг от друга—на 25—30 шагов. Такая разброска дает возможность отлично применяться к местности и отвечать всем вышеуказанным требованиям. Французы в военное время намечают в роте 4 взвода, поляки —3 взвода. Мне кажется, что организация 3-х взводная более подходящая, ибо при расхождении 4 взводов на довольно большие интервалы нельзя будет ими так легко управлять.

б) Боевым порядком пехоты надо считать такое размещение частей, в котором они ведут бой. Характерное его отличие от боевого строя состоит в том, что первый имеет уже боевую часть и резерв. В боевой порядок рота должна перейти, когда ей представится возможным уже открыть огонь по пр—ку для облегчения сближения с ним. В чем должен заключаться боевой порядок отделения в современном бою? Как мы видели из эволюции тактики, сама жизнь показала нам с очевидностью, что самый лучший вид боевого порядка пехоты это змейка или группа **), которая поддается в боевой действительности управлению. Так как отделение—меньшая организованная единица, которой можно успешно управлять, то отделение должно принять боевой порядок змейками (строй рассеянный ***).

Порядок змейками родился в позиционной войне при наличии воронок. В будущем, в первый период войны, будет маневренная война, и тут действия змейками навряд ли пригодятся. Так как в бою огонь имеет преимущественное значение, то пулеметы необходимо в змейках выдвигать вперед для достижения перевеса огня. Но удовлетвориться одними пулеметами на первой линии нельзя будет. Новый маневренный период в 1918 году нам показал, что только одними пулеметами не обойтись. Как известно, до этого периода в окопах хороших стрелков заменяли пулеметы, стрелковое дело для пехотинцев было в загоне, даже винтовку забывали, считали ее ненужной палкой. Но когда пришлось опять выйти в открытое поле, то тут стало ясно, что пулеметы, хотя и могут развить скорый и сосредоточенный огонь, но с целями мимолетными, т. е. скоро появляющимися и скрывающимися, при живом энергичном пр—ке, бороться не в состоянии и эту задачу могут только выполнить хорошие стрелки своей меткой стрельбой. Как видно, змейка для маневренной войны непригодна, нужно ставить на первую линию, помимо пулеметов, еще хороших стрелков.

*) До 300 шагов. *Ред.*

**) Змейка—это строй, а группа часть, т. е. не одно и то же. *Ред.*

***) Змейка—рассыпной строй. *Ред.*

1) Необходимо мыслить в будущем следующий вид боевого порядка отделения: а) в боевую часть отделения будут назначаться сперва пулеметы и хорошие стрелки; с расстояния же 240 шагов вливаются уже ружья-гранатометы для успешного действия против пулеметов пр—ка, б) в поддержку ее назначаются остальные люди, вооруженные главным образом гранатами, которые двигаются вслед за боевою частью отделения, в строю змейкой, на больших дистанциях стрелок от стрелка. Последние могут хорошо применяться к местности и сохраниться до последнего периода боя, т. е. до схватки. Кроме того, они могут быть одновременно подносчиками патронов, которые в будущую войну будут потребляться в громадном количестве. Из этой части должно происходить пополнение убыли в людях первой линии без замедления, а так как маневренность все таки играет решающую роль, то от сохранения этой второй части людей, снабженных гранатами и могущих забросать пр—ка гранатами,— зависит исход боя. С подходом к пр—ку, на расстоянии действия ручной гранатой, все стрелки вливаются в боевую часть (в первую линию), для забрасывания пр—ка гранатами и схватки с ним посредством целого ряда частных атак. Несомненно, необходимо признать, что та организация отделения (боевой группы, дружины)—более подходящая для указанных действий, которая разделяется на звенья пулеметно-стрелковое и гранатометное, и где гранатометное звено принимает участие в бою с самых близких дистанций, сохраняя себя до тех пор от губительного огня в складках местности.

При выдвижении обоих отделений на первую линию необходимо будет безусловно назначать одно отделение во взводную поддержку.

Французы и поляки назначают в боевую группу дружину 12—13 человек; есть мнения среди нас, русских, что отделение может состоять из 17—18 человек. Мне кажется, что 18 человек в отделении, выведенных на первую линию,—много. Сила огня потребует такую разброску, что управлять станет трудно и бесполезно поэтому назначать столько народу. Но 12—13 человек мало. Потери в современном бою громадные, 12—13 человек быстрее стают нежели 17—18 человек. Нам однако мыслится, что больше 15 человек в отделении нельзя иметь, дабы не нарушить управление.

2) *Боевой порядок взвода* будет состоять из отделений, находящихся на первой линии и отделения в поддержке. Вообще должны быть все отделения на первой линии, ибо в каждом отделении второе звено, располагаясь сзади змейкой, фактически будет служить поддержкой для первой линии, а потому особую взводную поддержку назначать не следует. При таком порядке будет иметь большое значение наличие легких пулеметов в каждом отделении, ибо продвижение отделений вперед будет происходить при взаимной поддержке отделений своим огнем, а существенной поддержкой будет только тогда, когда в каждом отделении будет по легкому пулемету плюс некоторое количество ружей-автоматов. Взвод займет при таком порядке 100—200 шагов по фронту. Поляки назначают во взводе четыре отде-

ления (дружины), по два отделения—в полувзвод. Если принять во внимание, что в полувзводе пулеметно-стрелковые звенья пойдут на линию огня, а гранатометные останутся в поддержке, то у командира полувзвода на первой линии больше 15 человек не будет, и нам кажется, что руководить огневым боем сумеет, и такая организация заслуживает некоторого внимания.

3) *Боевой порядок роты* будет состоять из взводов, выдвинутых на линию огня и взвода в резерве. С последним взводом могут двигаться приданные роте тяжелые пулеметы. В первой линии могут быть и все взводы, но желательнее сначала боя оставить его в резерве до намечения пункта удара ротным командиром. Участок роты будет до 200—400 шагов. Глубина будет до 600 шагов, ибо резерва роты нет надобности держать близко при довольно устойчивом фронте. При необходимости резерв роты может накапливаться по одному в указанное ротным командиром место. Тот принцип, что резерв должен быть ближе чем противник до нас,—потерял свое значение в узком смысле, ибо фронт роты настолько устойчив, что бояться внезапного штыкового удара противника не приходится. Безусловно в момент схватки поддержки и резервы должны быть подтянуты.

III. Управление огнем при рассыпном и рассеянном строе.

До войны взгляд на управление огнем часто заключался в том, что все стрелки разумно исполняли бы волю своего начальника. Таким образом правильный меткий выстрел одиночного бойца являлся лишь средством (коллективный огонь). Предполагалось, что наступлению всегда будет предшествовать огонь целых частей. Главным средством огня являлась винтовка.

Когда началась война в 1914 году, как я уже раньше упомянул, определилось громадное значение огня, как в боевом, так и в моральном отношении, т. е. выяснилась необходимость *иметь полную уверенность в силу и значение своего огня при самых тяжелых условиях боя.* Боевой опыт показал, что высокими боевыми качествами отличались те унтер-офицеры и рядовые, которые до войны были отличными стрелками, ибо тот, кто верил своему оружию, мог быть в бою спокойным и не терять боевого духа. Значит, требуется хорошая подготовка бойцов в стрелковом отношении.

Если раньше и нужна была скорострельность винтовки для перевеса огнем, и она выливалась в обучении стрелков в скором заряжании, то сейчас это не нужно, так как это могут выполнить пулеметы; стрельба же целыми частями потеряла свое значение и смысл. Винтовка становится предназначенной для медленной меткой стрельбы по целям мимолетно появляющимся (индувидуальный огонь). Вот эти то малые цели, быстро скрывающиеся и трудно уловимые, потребуют огня весьма меткого при разумном техническом руководстве младших начальников (определение расстояния и т. д.). При слабых стрелках безусловно необходимо обратить внимание на коллективный огонь. Даже при хороших стрелках, при отсутствии пулемета, при

выбытии его из строя, нужно прибегать иногда к коллективному огню при обстреливании важных целей для морального воздействия. Вообще нужно строго знать и хорошенько младших начальников научить, когда прибегнуть к тому или другому виду огня. Односторонности быть не может.

Сейчас пулеметы открывают огонь на дальние дистанции, ибо они только на дальних дистанциях от 3000—1200 шагов дают самые лучшие результаты (по сравнению с винтовкой), значит стрелки фактически начнут работать на расстоянии 1200—1000 шагов. На этих дистанциях не может быть и речи о стрельбе частями, управляемыми начальниками. Здесь имеет место только одиночная самостоятельная стрельба, преследующая определенную тактическую цель *).

Управление ведением огня стрелками будет безусловно только в руках отделенных командиров, тем не менее главный вид огня для стрелков будет огонь одиночный. Если к-ру отделения нужен частый огонь, то он прибегнет к своему легкому пулемету. Ротный командир может регулировать бой приданными тяжелыми пулеметами, сосредоточивая огонь в пункт удара. Большое значение будет иметь разумное поддержание огнем, главным образом пулеметным, атаки (штыковой удар). С этого момента артиллерия помощи оказать не может.

Стрелки в составе отделения (боевой группы) в настоящее время не могут выполнить однородных действий и движений по приказу своего начальника. Каждый из них имеет свое особое назначение и должен выполнять возложенные на него боевые обязанности, руководствуясь личной инициативой, твердо памятуя задание, поставленное его боевой частью. Причем на близких расстояниях редкий огонь выполняют стрелки, частый же огонь—ручные пулеметы и вообще пулеметы.

Много говорить теперь о значении управления огня, при целесообразном согласовании наступления боевых порядков, не приходится, ибо наступление, не поддерживаемое разумным управлением огня, не приведет ни к чему. Огонь может только дать возможность продвинуться боевым порядкам вперед, он им прокладывает путь, для этого необходимо бороться за превосходство огня. Управление огнем должно быть строго согласовано с тактической задачей, иначе будет только расход патронов и вообще нецелесообразное ведение боя. Частая смена цели, не вызываемая тактическими соображениями, нецелесообразна.

Если только управление огнем выскользнет из рук начальников, значит и управление боем вырывается из рук начальников, ибо только огнем (вернее разумным управлением огня), для начальников всех степеней будет возможность регулировать весь ход боя. Правда, здесь нельзя отрицать также значение резервов, без которых не обой-

*) Опыт войны 1914—1917 г. г. на русском фронте дает другие результаты: взводные командиры могли управлять огнем часто и на более близких дистанциях. *Ред.*

тись, но и они, при нарушении управления, навряд ли дали бы существенную пользу. Управление остается в передовой линии до тех пор, пока в отделениях будет порядок, а с нарушением управления в отделениях, все управление рушится. Вот что значит сейчас отделенный командир, какова должна быть его подготовка, его моральные качества, и при том, какая личная инициатива.

Выводы:

1) Управление огнем стрелков и ручных пулеметов возможно только в пределах отделения. Взводный командир этого не сумеет сделать.

2) Боевые порядки требуют, чтобы в боевой группе не могло быть больше 15 человек, и она должна иметь обязательно ручной пулемет иначе никогда не добьется огневого перевеса.

3) Боевой порядок отделения обязательно чтобы состоял из стрелковой группы и группы гранатометчиков—подносчиков патронов.

4) От стрелков необходимо сейчас, главным образом, требовать огонь одиночный, меткий; огонь частый должен дать, главным образом пулемет.

5) Управление огнем должно быть согласовано с тактическими задачами.

6) Управление огнем играет в современном бою решающее значение, ибо с утерей его теряется и управление всей частью.

М. Герасимов.

Огневые этапы.

В настоящее время, при колоссальном развитии военной техники, при введении в бой самых действительных средств огневой борьбы все-таки, как и раньше, с уверенностью можно сказать, что как бы не была велика сила огня, как бы не были мощны огневые средства, одним огнем нельзя разбить пр-ка, нельзя одним огнем получить победы.

Как и раньше, т. е. и 10 и 100 лет тому назад, только решительное продвижение вперед с огнем, завершающееся в конечном итоге штыковым ударом—дает победу.

Т. е. приходится, как и раньше, установить, что всякий наступательный бой в какой-бы последовательности он ни развивался и при всякой своей длительности может быть разделен на две основных фазы: на 1) сближение с противником для штыкового удара и 2) самый штыковой удар.

При чем необходимо оговориться, что если в конечном итоге победа достается только штыковым ударом, то обеспечение возможности этого удара, являющегося в свою очередь завершением сближения, и само сближение, получаются только при условии мощной

поддержки огнем. Таким образом устанавливается равноценность обоих слагаемых боя, огня и движения (маневра). Ни первый, ни второе самостоятельно решить бой не могут. Только умелой комбинацией обоих, только путем разнообразных, не поддающихся перечислению, сочетаний огня и движения достается победа. Это станет ясным, если точно установить стремления наступающего и обороняющегося.

Так как каждый бой решается схваткой, то стремления наступающего будут в том, чтобы возможно скорее довести бой до этого момента, стремлением же обороняющегося будет, наоборот, как можно дольше оттянуть этот момент.

Наступающему быстрое наступление момента схватки обеспечивает не ослабевший наступательный порыв бойцов, предохраняет от больших потерь в людях и средствах.

Обороняющийся же знает, что чем больше наступающий будет находиться перед его позицией в период сближения, тем большие потери он, т. е. наступающий, понесет, тем больше он измотается, больше выдохнется в нем наступательный порыв и больший будет расход его материальных средств.

Таким образом в наступательном бою все стремления наступающего должны свестись к возможно скорейшему сближению с противником на дистанцию штыковой атаки и, конечно, при условии достигнуть этой дистанции с наименьшими потерями. Даже самый победный бой, но купленный ценою больших жертв, не будет иметь полных результатов, потому что большие потери, помимо того, что дурно отзываются на моральном состоянии бойцов, делают части и количественно более слабыми, т. е. менее боеспособными, вследствие чего можно, получив одну победу, в дальнейшем на этом замереть, а, в крайнем случае, и понести поражение.

Для победы, помимо искусства начальников и подготовленности бойцов—необходимы большие материальные средства, а для пехоты, главным образом, возможность иметь огонь, могущий дать перевес над огнем противника.

Можно с уверенностью сказать, что перевес в огне над противником служит достаточным основанием видеть бой победно завершенным и, наоборот, при огне наступающего более слабом, чем огонь обороняющегося—на победу рассчитывать очень трудно.

Чтобы яснее было выявлено условие необходимости мощного огня, попробуем представить себе картину боя.

Наступающий и обороняющийся применяют все виды огневых средств, имеющихся в их распоряжении, и вот, если наступающий имеет здесь превосходство над противником, то его части, поддерживаемые огнем, гасящим огонь обороняющегося, несут небольшие потери и быстро продвигаются вперед. В каждом бойце растет уверенность в своих силах, в своем оружии и в конечной победе. Пространство, разделяющее противников, быстро уменьшается. А чем быстрее оно преодолевается, тем меньше потерь несет наступающий, так как меньше находится в обстреливаемом пространстве перед позицией противника.

Обороняющийся, главным оружием которого является огонь, имеет целью возможно большее время продержать наступающего перед своей позицией, беспрерывно подвергая его действию своего огня и нанося потери.

Если же наступающий имеет перед ним преимущество в огне, гасит его огонь и быстро продвигается к занимаемой им позиции, в его рядах растет неуверенность в своих силах, бойцы начинают постепенно нервничать, огонь от этого делается еще хуже, и перед бросающимся в атаку противником он бежит, отдавая в его руки все, что трудно унести, убегая. А часто он отступит даже не дожидаясь атаки, так как быстро продвигающиеся ряды пр-ка и беспомощность своего огня подрывают его моральные силы, и он покидает свои позиции.

Балк в своей „Тактике" говорит: „Ружейный огонь был огромной действительности, что явилось следствием подготовки мирного времени, уделявшей внимание каждому отдельному выстрелу и развивавшей в войсках уменье вести одиночный огонь.

Главный огневой бой завязался в 800 метрах, после чего цепи продвигались вперед скачками, стремясь дойти до противника, зачастую не ожидая содействия своей артиллерии. Это выдвижение приводило к тому, что огонь пр-ка ослабевал и, в большинстве случаев, французы начинали свой отход, не принимая атаки, к моменту подхода наступающего на 500 метров".

Не та картина получается, если наступающий не имеет преимущества в огне над обороной. Тогда огонь обороняющегося прижимает к земле и вдавливает в нее все живое, находящееся перед его позицией. Продвижение замирает, так как каждая попытка в этом направлении ведет к большим потерям. И если продвижение все-таки совершается, то происходит в высшей степени нерешительно, людей с трудом можно поднять от земли, уверенность в своих силах и в своем оружии отсутствует, нет и уверенности в победе.

Наоборот, противник, при виде нерешительности продвижений наступающего, слабости и малой, поэтому, действительности его огня— чувствует большую уверенность в своем оружии и огне.

В конечном итоге такое наступление будет безрезультатным и захлебнется, не добросив наступающего к противнику на дистанцию штыкового удара.

Таким образом только мощный огонь может обеспечить продвижение вперед, а, следовательно, и победу. Причем огонь понимается могущим оказывать поддержку продвижению на всех дистанциях, включительно до овладения расположением противника, потому что в последний решительный момент атаки только полное ошеломление противника, как огнем, так и движением, лишив возможности его самого вести огонь, дает победу.

Но мощный огонь требует большого количества патронов, вследствие чего вопрос о питании ими приобретает огромное значение.

Нужно сказать, что вопрос о том, как будет выполнено условие необходимости ведения мощного огня до конца боя, вопрос очень сложный и решением только вопроса о питании патронами разрешен быть не может, так как запасы патронов вообще не безграничны, и все патроны, положенные на стрелка, могут быть им выпущены в чрезвычайно короткий срок, совершенно недостаточный для проведения всего боя. Этот вопрос тем более осложняется, когда примем во внимание скорострельность автоматического оружия, вводимого в настоящее время взамен винтовок.

Вследствие чего решением вопроса о технической стороне питания патронами, т. е. о своевременном подносе патронов стреляющим частям, вопрос о мощном огне вовсе не разрешается и для его решения приходится искать новых путей. Решение же этого вопроса необходимо, так как уже появились робкие умы, невидящие никакой пользы в замене винтовок автоматическим оружием. Главным образом их пугает увеличившийся расход патронов, которых при автоматической стрельбе, по их мнению, хватит только на несколько минут, а после чего запас их быстро истощится, питать же их можно только в известных пределах и, в конце концов, они превратятся, в самую решительную минуту боя, т. е. при подходе к дистанции атаки, в ненужные, обременяющие стрелка, палки.

Смотрящие на автоматическое оружие таким образом, напуганные большим расходом патронов при его стрельбе, колеблются между ним и способом огневой борьбы с помощью огня винтовок, как способом более старым, верным и испытанным.

Нельзя сказать, чтобы скептически смотрящие на автоматическое оружие были совсем не правы, но правы они только постольку, поскольку говорят о трудности питания патронами в бою—и только.

С этим, конечно, нельзя не согласиться, но нельзя также из этого делать вывод, что в конечном итоге автоматическое оружие менее пригодно, чем винтовка.

Сказать так, значит совершить большую ошибку.

Наоборот, введение автоматического оружия, вместе с требованием большого количества патронов для стрельбы, дало также возможность разрешить вопрос и о питании ими, вместе с возможностью иметь мощный огонь, т. е. тот вопрос, который, пессимистически смотрящим на пользу автоматического оружия, кажется не разрешимым.

Между тем решение этого вопроса тесно связано с свойствами автоматического оружия и вообще с применением огнестрельного оружия в бою.

Но прежде чем перейти к разрешению вопроса о мощном огне и о питании патронами, необходимо остановиться на самом определении слов—„мощный огонь, дающий перевес над огнем противника“.

Мощный огонь, надо полагать, должен быть таким, чтобы быть в состоянии нанести такие потери противнику, которые заставили бы его ослабить свой огонь, т. е. стать менее способным на сопротивление, тем самым дав возможность быстрее продвигаться наступающему.

Но мощный огонь состоит из двух составных частей: 1) из силы и 2) меткости. Понятно, что какой бы силы не был огонь, при отсутствии достаточной меткости он будет давать очень слабое поражение, а, следовательно, потребует только большого расхода патронов, не оправдываемого приносимыми результатами.

Таким образом напрашивается вывод, что силой огня ни в коем случае нельзя заменить меткости, так как только меткий огонь может дать действительные результаты и, следовательно, сильного огня можно требовать лишь при условии его меткости.

Принятием этого условия уже делается шаг к разрешению вопроса о питании патронами в бою.

Нужно отметить, что французская военная литература, т. е. литература той страны, которая имеет наиболее технически сильную армию, приобревшую огромный опыт, этот вопрос обсуждает весьма полно, и решение его может быть формулировано словами — „одна пуля убивает—выпускайте только эту пулю“.

Таким образом окончательно установим, что под словом „мощный“ подразумевается такой огонь, который при всякой своей силе, т. е. при всяком количестве выпускаемых патронов, будет в то же время и метким.

Следовательно, разрешение вопроса о мощном огне прежде всего, требует тщательного обучения стрелка.

Обучение красноармейца поэтому должно состоять в выработке из него спокойного, сознательного, меткого стрелка, который умел бы не только метко стрелять, но стрелять по тем целям, которые будут наиболее важными в момент стрельбы, т. е. обстрел которых дал бы наибольшие результаты.

Это условие приобретает особую важность с введением автоматического оружия, когда огонь стрелков из винтовок отходит уже на второй план, и бой разыгрывается в такой обстановке, когда стрелок из автоматического оружия, часто с расстояния 1000 шагов, будет предоставлен самому себе и только изредка получит поправки от начальника.

Итак, первым условием сохранения до конца боя возможности иметь мощный огонь—является обучение ведению меткого сознательного огня.

Вторым условием будет постепенное введение в бой оружия, а, следовательно, и постепенное же его нагромождение к моменту атаки, когда количество введенного в бой оружия будет наивысшим.

Причем постепенным нагромождением, конечно, надо считать не возрастающее количество оружия стреляющего в тот или иной момент, а количество оружия, могущего быть с успехом использованным.

Кроме того, с введением каждого нового вида оружия—дается как бы передышка оружию предварительно введенному.

Такой способ введения в дело оружия, а значит и ведение огня даст те результаты, что каждый род оружия получит свою собствен-

ную полосу действия. Правда, часто оно будет действовать лишь при относительной поддержке остальных, но это обстоятельство тем более заставит правильно использовать его свойства. Постепенность введения в дело оружия, надо полагать, будет такова: 1) на предельных дистанциях до 3000 шагов при возможности видеть пр-ка, а значит, в зависимости от местности и необходимости, огонь ведут тяжелые пулеметы, как оружие наиболее точное, перекатами продвигающиеся за стрелковыми частямн, сменяя друг друга, т. е. в тот момент, когда часть тяжелых пулеметов участка находится в действии, другая часть продвигается за стрелками и, выдвинувшись на определенное расстояние, приступает к обстрелу. В это время ранее приступившие к стрельбе пулеметы прекращают огонь и продвигаются вперед, чтобы, в свою очередь, занять позицию впереди действующих пулеметов и т. д.

Огонь тяжелых пулеметов будет продолжаться до тех пор, пока под действием огня пр-ка, при своей сравнительной громоздкости, они, постепенно отставая, не будут уже давать достаточно сильную поддержку продвигающимся частям, и те, для обеспечения своего продвижения, принуждены будут прибегнуть к действию своих огневых средств, т. е. в дело будут введены легкие пулеметы. Надо полагать, что это произойдет на дистанции около 900 шагов от пр-ка.

2) Введение в дело легких пулеметов заменит огонь тяжелых пулеметов и даст им возможность сделать скачек вперед, на выгодный для стрельбы рубеж, но вместе с тем потребует остановки большей части боевого порядка.

Меньшая же часть, под прикрытием огня легких пулеметов и местности, надо думать, получит возможность выдвинуться до 600 шагов от пр-ка, т. е. на то расстояние, с которого уже можно рассчитывать на хорошие результаты от огня ружей-автоматов.

К моменту выдвижения ружей-автоматов на дистанцию 600 шагов от пр-ка, полагаю, тяжелые пулеметы уже займут рубежи вплотную к остановившемуся боевому порядку, и тот, под прикрытием огня автоматов и тяжелых пулеметов, делает скачек вперед, вместе с составляющими его основу легкими пулеметами, заняв по выдвижении выгодные и удобные для стрельбы рубежи.

3) Таким образом замена видов оружия одного другим или одних другими происходит до самого момента атаки, т. е. до 300 и менее шагов.

Как было видно из вышесказанного, сперва были введены в дело тяжелые пулеметы, потом их поддержали и сменили легкие, затем к огню легких присоединились ружья-автоматы и снова выдвинувшиеся вперед тяжелые пулеметы.

С подходом же к дистанции атаки к ранее введенным в бой видам оружия присоединяются и винтовки.

4) Перед переходом в атаку все виды оружия открывают самый сильный „ударный“ огонь, в котором винтовки, до того слабо использованные, должны принять самое живое участие. Гренадеры под прикрытием огня выдвигаются вперед. Затем часть оружия, располо-

женного на флангах, продолжает обстрел, а весь остальной боевой порядок идет в атаку, поддерживая ее расстрелом на вскидку появляющегося над окопами пр-ка.

Гренадеры забрасывают окопы обороняющегося гранатами, и наступающий овладевает позицией пр-ка.

Таким образом огонь ведется до конца атаки, которая поддерживается огнем до последнего момента. Во время атаки огнестрельное оружие, введенное до этого в бой, пополняется последним огневым резервом—сперва ружейными, а потом и ручными гранатами, и нагромождение оружия и огонь будут в это время наибольшими. Внимательное рассмотрение картины огневого боя, постепенного введения оружия и взаимная замена одного вида его другим, убедительно говорят за то, что применение автоматического оружия, при тщательном изучении его свойств и обучении, дает возможность благоприятно разрешить такие трудные вопросы, как: 1) получение до конца боя мощного огня, так и 2) питание патронами.

Боевой опыт говорит, что при соблюдении вышеизложенных условий, запаса патронов, полученного перед боем, даже без пополнения, хватит до конца его, тем более, что правильно веденный бой, с правильным применением средств борьбы, не будет и не должен быть тягуч.

Выводы будут слелующие.

Для достижения возможности иметь мощный огонь, с попутным разрешением вопроса о питании патронами, необходимо:

1) Изменение тактических приемов в наступательном бою введя в систему последовательное введение в бой огневых средств борьбы, с взаимною заменою друг друга.

2) Тщательное изучение всем комсоставом свойств автоматического оружия и его тактики.

3) Обучение кр-ца: а) выработав из него артиста-стрелка, способного не только хорошо стрелять, но и оценивать цели для стрельбы, выбирая более важные, и б) развитием каждого, соответственно его особенностям.

Хаханьян.

Диалектика огня.

Целью войны пролетарского государства может быть или защита государства от попыток капиталистических коалиций уничтожить его или стремление уничтожить капиталистические формы правления для утверждения пролетарской диктатуры. Завоевание территорий, исходя из соображений стратегической, экономической или политической необходимости, входит составным элементом в совокупность активных действий для достижения вышеуказанных целей.

Средство войны—бой; цель боя—устранение препятствий. Современный бой—это именно диалектическое столкновение двух матери-

альных масс, разрешающееся парализованием одной из сталкивающихся сил. Методы ведения боя всецело диктуются материальными условиями такового, в состав которых входят: человек, оружие, среда. Эти материальные условия исчерпывающе определяют методы ведения боя, способы ведения боя, короче говоря, тактику (включая сюда и боевую группировку). Не игнорировать нужно эти условия, а исходить из них; не заменять более совершенные из них менее совершенными, а базироваться на более совершенных.

Введение большого количества автоматического оружия изменяло постепенно в процессе империалистической и гражданской войны тактические приемы мелких единиц, перестраивало организационно армию, изменяло соотношение родов оружия; тому способствовало и успешное развитие прочих механических способов ведения войны (артиллерия, танки). Многие представляют себе, как будто гражданская война по своим формам боя велась приемами более примитивными, чем империалистическая война: два обстоятельства доказывают противоположное: наличие в боевых единицах большего количества автоматического оружия в процентном отношении к числу стрелков и сопровождение легкой артиллерией по существу мелких боевых пехотных единиц. Если в последнем периоде империалистической войны в полку 1 пулемет приходился в среднем на 25 стрелков, в гражданскую войну 1 пулемет приходится уже на 12—15 стрелков—так обстояло дело, по крайней мере, в большинстве дивизий Восточного фронта.

В бою на огонь, на продвижение и на маневр выпадают различные задачи, причем решающее значение безусловно имеет маневр, как результат боя, завершающийся выведением одной какой-либо стороны из строя (путем уничтожения или захвата в плен). Значение огня не столько-как средства сломить сопротивление противника с целью вывода из строя большего числа стрелков, сколько-как средства сломить сопротивление противника для приведения его в состояние, при котором намеченный маневр завершается успехом и дает максимум результатов. Сближение—огонь—продвижение—маневр,—такова общая схема боя, тактических и стратегических действий. И чем меньше уходит времени и сил на огонь и продвижение, тем быстрее и успешнее исход боя; тем значительнее результат маневрирующих частей. Распределение сил для боя должно быть таковым, чтобы непосредственно на участке боя почти вся задача была возложена на машину, а большая масса живых сил была брошена на маневр. Тут и сказывается решающая роль автоматического оружия; роль этого оружия делается решающим, во первых, потому, что оно является господствующим на вооружении пехоты (по своему боевому удельному весу) как противника, так и у нас и, во вторых, для ускорения исхода боя маневром Оставим в стороне пока маневр, как один из элементов боя, и его относительное значение в связи с другими элементами боя и остановимся на первом моменте: продвижении и огне пехоты.

Принимая во внимание, что при наличии небывалого количества выбрасываемого пехотой противника свинца в единицу времени, продвижение нашей пехоты делается возможным лишь при содействии столь же могучего огня как своего, так и артиллерии,—на сцену выплывает вопрос о питании патронами при столь большом расходе их. Ясно, что для продвижения нашей пехоты до схватки с противником требуется максимум развития огня, особенно с близких дистанций, и, в связи с этим, наибольшее напряжение процесса питания патронами именно в этот момент. Это обстоятельство приобретает тем большее значение, что питание патронами у обороняющегося противника по многим причинам значительно более облегчено и имеет меньшую остроту значения.

Таким образом, развитие мощного огня, большой расход огнеприпасов, хотя бы за самый короткий промежуток времени, предшествующего схватке с противником, иначе говоря, являющиеся необходимым условием для быстрого продвижения нашей пехоты,—требует увеличения и усложнения аппарата питания. Ясно, последнее обстоятельство задерживает наше продвижение, ибо нет смысла сближаться с противником на близкие дистанции, не будучи обеспеченным вполне соответствующими огнеприпасами. Диалектическое противоречие на лицо: необходимость быстрого продвижения требует большого развития огня—развитие мощного огня требует большого расхода патронов—это, в свою очередь, усложняет аппарат питания, а последнее влияет задерживающим образом на продвижение. Устранима ли хоть одна из частей, составляющих это диалектическое противоречие: необходимость продвижения остается, развитие массового огня и вместе с тем соответственный расход патронов неустранимый, стало быть и неотложно усложнение аппарата питания. В чем же разрешение создавшегося противоречия.

Азбука диалектики говорит, что всякое диалектическое противоречие разрешается устранением его путем создания новой системы, заключающей в себе оба члена противоречия.

В данном случае создавшееся противоречие должно быть разрешено именно так, чтобы устранить необходимость дальнейшего усложнения аппарата питания и в то же время сохранить нужный огневой эффект. Многим может быть покажется, что штыковой удар, представляет собой полное отрицание огня, разрешает создавшееся противоречие; в действительности штыковой удар не только не разрешает его, а, наоборот, сам предполагает противоречие уже разрешенным т. е. предполагает, что продвижение и огневой эффект уже возымели свое действие. Острота же вопроса именно и заключается в том, что указанное противоречие заявляет свои права до штыкового удара, до схватки. Разрешение противоречия, повторяем, должно заключаться в сохранении огневого эффекта и устранении дальнейшего усложнения аппарата питания.

Достигается это по опыту последних войн несколькими способами: введением огня ружейных гранат, введением артиллерии сопро-

вождения, усилением и согласованными действиями полевой артиллерии, а наилучшим образом противоречие разрешено было в империалистическую войну в широком применении танков. Долго распространяться о значении упомянутых средств боя, именно как средств, устраняющих ослабление огневого эффекта. не приходится; достаточно поглубже вдуматься в вопрос и иметь навык диалектического мышления, чтобы согласиться с этим. Конечно, необходимость введения только что перечисленных средств боя будет вызвана только тогда, когда огонь вооружения пехоты сам по себе не возымел свое действие и когда отсутствие людской массы не даст возможность заменить ею огневой эффект, что, впрочем, не всегда будет и возможно. С другой стороны, смотреть на маневр, как на средство, заменяющее огневой эффект, не приходится уже просто потому, что маневр мыслится лишь при сломлении сопротивления противника боем при посредстве огня и продвижения. Еще одно обстоятельство, имеющее большое значение, надо иметь ввиду, а именно: подготовку боем маневра нужно производить в направлении наименьшего огневого сопротивления противника, что чаще всего будут представлять собою стыки боевых участков и промежутки между групповыми расположениями сил противника.

Колесников.

Питание патронами.

Колоссально прогрессирующий рост современной техники, как и во все прошлые эпохи, не мог и не может не отразиться на самой чуткой в этом отношении военной области. Всякое новое техническое открытие и завоевание привлекает к себе настороженную военную мысль, и все, что может быть использовано, находит себе практическое применение. Выяснившееся во время мировой войны значение технических средств вооруженной борьбы не ослабевает и по сей день.

Появившееся в конце ее автоматическое оружие, применявшееся случайно, так сказать, на ощупь, завоевало себе штатное и привиллегированное положение в современном вооружении как на западе, так и у нас.

В связи с этим резко изменяются и формы боевых действий. Теперь уж нет места растянутым сплошным стрелковым цепям, представляющим собою отличную цель и обреченным на неминуемую гибель от мощного огня противника. На смену им пришли новые строи и боевые порядки: узкие по фронту, сильные автоматическим оружием, развивающим губительный огонь. На сцену вышли змейки и короткие цепи. Действуя на значительных интервалах, поддерживая между собою непрерывную боевую связь, располагая достаточным огнестрельным оружием (винтовки, легкие пулеметы, автоматические ружья, гранатометы, ручные гранаты), они представляют собою само-

стоятельные единицы, получающие собственные ближайшие задания для достижения общей цели.

Предстоящий пехотный бой сложится из двух факторов: огня и маневра. Первый будет предшествовать движению пехоты вперед. Жестоким и мощным огнем проложив себе путь, пехота будет решать исход боя.

Таким образом на ведение огня необходимо обратить самое серьезное внимание. Управление им должно быть первою заботою каждого начальника. В этом отношении управление огнем должно быть сообразовано как с поставленною тактическою задачею, так и с соображениями экономного расходования патронов.

Современный ружейный и пулеметный огонь при длительности и напряжении боя вызывает громадный расход патронов. Так взвод (в одну минуту боя израсходует минимум.

1. Отделение	140 патронов	+600 патронов	14 винтовок	и 2 лег. пулемета.
II. „	140 „	+100 „	14 винтовок	и 2 авторужей.
III. „	140 „	+100 „	14 винтовок	и 2 авторужья.
	420 патронов	+800 патр. =1220.		

Кроме того два гранатомета выпустят 12—16 гранат, к чему еще прибавится расход ручных гранат. Час боя при условии непрерывного огня требует расхода более **73.000** патронов. Если к этой цифре приложить роботу одного тяжелого пулемета, то она возрастет более чем на 100.000 патронов в один час.

Таким образом в своевременном бою расход патронов громаден, и дело питания ими требует к себе самого заботливого отношения, а организация—самого вдумчивого проведения. Питание патронами боевых частей должно быть организовано так, чтобы в решительный момент действующие единицы не лишились бы возможности продолжать огонь. Каждый начальник, начиная с командира звена, постоянно должен знать каким количеством патронов располагает вверенная ему часть и своевременно требовать их пополнения.

В начале боя представляется возможность непосредственного управления огнем со стороны старшего начальника, а, следовательно, и расход патронов будет согласован с действительною необходимостью. По мере же продвижения на расстояние среднего и ближнего огня дело управления последним последовательно передается младшим начальникам (командирам взводов, отделений, звеньев) и даже отдельным стрелкам. Здесь необходимо полное напряжение сил этих лиц держать в руках подчиненных и поддерживать дисциплину огня. При одиночном огне сознательность и выдержка стрелка—единственный корректив разумности стрельбы. Управление огнем, его дисциплина, имеет громадное значение в деле экономного расходования патронов, что составляет существенный момент современного боя и облегчает вопрос питания патронами.

Организация подачи патронов действующим частям весьма трудное дело и требует к себе исключительного внимания, так как огонь подготовляет разрешение поставленных задач. Мы предусматриваем поднос патрон, предназначая для *этого во взводе 8 стрелков.* Взвод получает необходимые патроны из ротной двуколки и отделения—от подносчиков патронов. Принимая во внимание интенсивность огня боевых единиц, люди, предназначенные для подноса патронов, будут беспрерывно заняты снабжением своего взвода и вряд ли смогут принимать участие в боевых действиях. В данном случае имеется в виду наступление. При обороне вопрос с питанием патронов значительно облегчается, благодаря возможности иметь их запасы непосредственно на боевой линии, помимо положенного на людях.

Наибольший расход патронов дают пулеметы как тяжелые, так и легкие, а потому на их огонь необходимо обратить наибольшее внимание, открывая его исключительно по ясно видимым целям. Легкими пулеметами ни в коем случае не следует вести огня с дальних дистанций. Такой порядок ведения огня избавит части от лишней траты патронов.

Вообще, как правило, огонь следует открывать на возможно близкой дистанции к противнику, что поведет к экономному расходованию патронов.

Современный бой, слагающийся преимущественно из огня, ведет к громадной трате патронов, а потому все силы должны быть направлены: во 1-х—к целесообразному и возможному расходованию патронов, и во 2-х—к своевременному питанию ими боевых частей.

Чтобы достигнуть разумного расхода патронов, необходимо в мирное время основательно подготовить стрелка и впитать ему сознание бережливого отношения к патронам во время стрельбы.

Полк. Ганри.

Пехота и огонь*).

(Перевод с французского С. М.).

22 июня 1916 года действия развернулись на сильно укрепленной местности.

Основательное знание местности, основательные постройки, дававшие укрытие машинам не только от разрывов снарядов, но и от прямого попадания, давали действовавшим уверенность и абсолютное спокойствие.

*) Статья полковника французской службы Ганри „Пехота и огонь", помещенная в июльском номере журнала „Обозрение пехоты", представляет значительный интерес с точки зрения организации пехоты и применения огня.

Увлечение „машинностью" борьбы в пехоте приводит к крайним пунктам огнепоклонства и часто „технике" отдается большее предпочтение нежели „духу". На страницах нашего журнала уже выдвигалась необходимость применения „пулеметных батарей". Автор статьи называет их „пулеметными группами". Это понятие более соответствует принципу рассосредоточения при расположении и централизации в применении огня.

На открытой местности, без солидных укрытий, пулеметчики, перед Тиамоном, полностью осуществят их задачу.

Полк, в ночь с 9 на 10 июля, составлял отряд 60 дивизии. Боевой порядок состоял из двух баталионов в первой линии и одного в резерве.

5 баталион занимал участок, фронтом к Тиамону, протяжением около 1-го километра к северу от дороги Дуамон-Бра.

4 баталион занимал участок того же протяжения на склонах оврага Винь к югу от той же дороги, фронтом к Флери—перед Дуамоном.

6 баталион—в резерве в распоряжении бригады к северо-западу Фруадетерр.

Уверенный в своем огне, полк расположился на широком фронте, группируясь в глубину: это ему позволило выдержать продолжительную бомбардировку без боязни перед большими потерями.

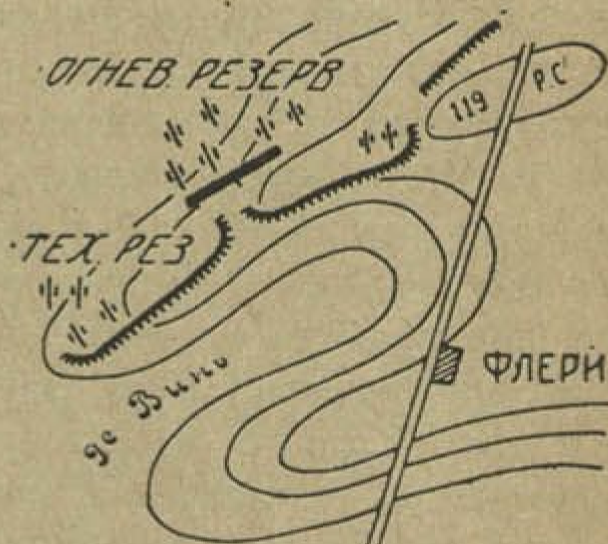

СХЕМА №1

При организации огня, чтобы достигнуть частичной неожиданности, и так как ружья-пулеметы еще не были в употреблении, по два пулеметных взвода было оставлено в распоряжении каждого баталиона первой линии.

Остаток пулеметов, учитывая здесь и пулеметы баталиона резерва, *образовали массу под единым командованием, назначенную маневрировать огнем (огневой резерв).*

Эта масса, в случае общей атаки, имела задачей образовать завесу, которая составит непосредственное прикрытие фронта; артиллерия переносит свой огонь более вперед от передней грани нашего фронта, чтобы она не могла бояться ненормальных разрывов снарядов, тем более вероятных, что изготовление их с каждым днем все делалось хуже.

Артиллерия, освобожденная от всякого заградительного огня по площади, применялась только по участкам, где были признаки подготовлявшейся атаки.

Семь пулеметов, оставленные отмеченными выше частями, прочищены и удержаны вне действия; они образуют непосредственный резерв командира корпуса, готовый вмешаться в дело; фланкируя

Пехота своими средствами должна обеспечить равномерность обстрела боевого поля (ружья-пулеметы боевых групп) на близкую и средние дистанции, она же должна иметь возможность сосредоточения огня на отдельных пунктах или районах (пулеметные группы) для обеспечения маневра при помощи огня. Правило—„Артиллерия стреляет, пехота наступает" теперь относится к дистанциям вне досягаемости пулеметного огня. На этих дистанциях ($1^1/_2$—2 вер.) появилось новое правило: „Пулеметные группы стреляют,—первый эшелон пехоты продвигается". Огонь пехоты развивается не только

южную часть фронта, они прекрасно применены к местности для действия заградительным огнем и нейтрализации обращенного к западу склона оврага Винь; они также имеют назначением бить по верховьям оврага, где противник может, в случае атаки, массировать отряды атаки.

Противник, накануне начавший подготовку бомбардировкой впервые примененной массой химических снарядов, атаковал 11 июля в 3 часа 40 минут.

Заградительный огонь пехоты разбил его усилия; фронт остался незыблемым.

С рассветом выяснилось, что атакующие отряды немцев продвигаются к юго-западу от оврага Винь; они нам подставляют фланг; взятые под огонь пулеметов со стороны четырех дорог они решительно останавливаются. Все попытки к возобновлению наступления ликвидируются в самом начале нашим огнем.

На нашем правом фланге к Шапелль-Сент-Фин и далее к востоку дела идут не так удачно, германцы выиграли значительное пространство перед Сувилль. Чтобы очистить западные склоны оврага Винь, была предпринята организованная атака с участием тяжелой артиллерии. Она началась в 16 часов; под влиянием методического огня 155 м. пушек и огня наших пулеметов, противник оставил промоины, в которых он укрылся под влиянием нашего флангового огня; германская пехота понесла серьезные потери.

В этот день применение огня, *основанное на коротких вспышках и его удалении от первой линии*, не потерпело нарушений со стороны немецкой подготовки; *направление огня было обеспечено путем централизации управления им и сосредоточения большого числа машин; ведение огня было обеспечено обозначенными расстояниями и согласованием наблюдений различных органов этой службы.*

Наша уверенность в огне, позволившая уменьшить насыщение первой линии, помогла нам избежать потерь. Мы в этот день насчитывали не более 14 убитых и 30 раненых.

Последующие дни развернулся ряд операций, одни были наступательными, другие оборонительные, *в течение которых маневрирование огнем и при помощи огня также было применено.*

Маленькие продвижения местного характера, которые противник хотел приостановить при помощи заградительного огня пехоты 15 июля, после короткой подготовки, под прикрытием огня пулеметов и артиллерии, 23 рота захватила Р. С. 119, где она взяла 20 пленных.

из первой линии, но и из последующих эшелонов. Он ведется через промежутки между боевыми группами и через их головы, в зависимости от местности и типов пулеметов. *С. М.*

*) Помещая настоящую статью (перевод с французского), редакция считает, что мысли, высказанные в ней (а равно и в сопутствующем примечании переводчика), могут послужить ценным материалом для развития нашей военно-научной мысли в затронутой области. Однако к ним следует отнестись критически. *Ред.*

Каждый день, перед лицом настойчивого противника, пытавшегося накапливанием сосредоточиться на дистанцию атаки, велась упорная борьба путем сосредоточения комбинированного огня пулеметов и артиллерии. Малейшее движение противника, по донесениям из первой линии, бралось под огонь; артиллерия, освобожденная от обязанностей заградительного огня, посвятила себя задаче, вполне ей соответствующей. Она благословляла долгие промежутки отдыха, который доставался на долю ее материальной части и прислуге, и действовала в нужный момент.

При более плодотворной работе, она расходовала на половину меньше снарядов, так как ей не приходилось исполнять задач по непосредственному прикрытию пехоты.

С каждым днем пленные прибывали, которые свидетельствовали наши значительные успехи в этих частных операциях. Один из них. 14 полка пехоты, сказал, что его рота в течение 3 дней потеряла 2 офицеров и 70 солдат. Другой, также, подтвердил хорошие результаты нашего массированного огня, даже в оврагах, по которым должны были пройти немецкие отряды, чтобы достигнуть поля боя.

Части противника, попадавшие под наш огонь, рассеивались Всякая вылазка гренадер, для освидетельствования воронок, приводила к захвату групп, состоявших из людей многих полков; все свидетельствовало о беспорядке у противника.

Позиция являлась стеной для атакующего.

Изводящие действия подобного рода не давали вздохнуть противнику, прервали его снабжение и днем и ночью и 2-го августа заставили защитников хребта Флери очистить позицию перед простой угрозой атаки.

96 полк, который сменил ночью, с 1-го на 2-ое, наши истощенные физически баталионы, имел, к своему большому удивлению, удачу, подготовленную его предшественником, применявшим дисциплину огня.

Как 22 июня--*сущность успеха зиждилась в централизации огня*.

Результат мог быть достигнут только *путем применения массы пулеметов, сгруппированных под единым управлением*.

Кто говорит о маневре, имеет ввиду части и командование, ими управляющее; можно маневрировать только резервами; *централизованная группа пулеметов, с этой точки зрения, является огневым резервом, с помощью которого можно маневрировать*.

Пулеметы, разделенные между баталионами, быть может, с'умеют обеспечить незыблемость фронта, но, даже избежав разрушений в первой линии, они не с'умели бы обеспечить наступательных операций на P. С. 119—15 июля и на депо—20 июля.

Сознательно рассеянные, зависящие от нескольких командиров, они не могут дать эффекта массированного огня, разбивавшего тактические начинания лучших прусских частей, расстреливавшего эти войска в начале выявления их энергии, как это было 2 августа

1916 года с баталионом 96 полка, уничтожившего немцев в тот момент, когда они поднялись для движения в атаку.

Сражения 14-го и 15-го июля 1917 г.: Монт‘о в Шампани.

Маневр с огнем и при помощи огня в наступательном бою против ограниченного числа об‘ектов и в обороне в моменты контр-атак противника.

Целью операции 14 июля 1917 года было предупредить атаку, которую противник хотел произвести на Монт, а с этой целью нужно было выдвинуться для захвата наблюдательных пунктов на холме Монт‘о, еще сохранившихся в руках противника; сверх того мы будем иметь отправную базу для предполагавшегося наступления.

Главным предметом атаки является группа траншей, изображенных на схеме № 2.

Атакующая группа: два баталиона; форма атаки, обозначаясь на захватываемой местности, должна состоять из огневого заграждения, образуемого перекрестным огнем ружей-пулеметов: части первой линии, снабжающие огнем фронт, поддерживающие части, фланкирующие через интервалы.

Артиллерия прямой поддержки, также как и тяжелая артиллерия, выделив части для образования подвижного заградительного огня, остальную часть выделяет для задач по концентрации огня на отдельных целях или сооружениях, которые не могут быть достигнуты ружейным огнем, или по их удалению или же по их характеру. Пехота берет полностью на себя заботы о ближней защите.

Атака располагает для действий четырьмя пулеметными ротами и, кроме того, возможна поддержка правого фланга более чем двумя взводами пулеметов соседней дивизии.

Тяжелые пулеметы, за исключением четырех, установленных в закрытии первой линии, как материальный резерв, образуют три группы:

Восточная группа: 6 пулеметов.

Западная группа: 10 пулеметов.

Они будут фланкировать атаку в момент ее развития до того момента, пока они ни подойдут к об‘екту атаки.

Центральная группа: 16 пулеметов, установленных вне района действия неприятельской артиллерии; они заботливо применены к местности.

Она должна действовать в течение атаки через головы атакующих войск, взяв под свой огонь район убежищ Веймара, где предполагался резерв неприятельского сектора обороны; с окончанием атаки, она берет на себя обязанности по организации заградительного огня, распределяя его для обеспечения восточного и западного флангов.

ЗАГРАДИТЕЛНЫЙ ОГОНЬ ПЕХОТЫ ПРИ КОНТР АТА-КЕ НЕМЦЕВ

ПРИКРЫТИЕ ПЕХОТЫ ОГНЕМ ПЕХОТЫ

ВОСТОЧНАЯ ГРУППА ПУЛЕМЕТОВ 6п.

УБЕЖИЩЕ ВЕЙМАР

МОНТ'О

ЗАГРАДИТ. ОГОНЬ ПЕХОТЫ ПОСЛЕ ЭВАКУАЦИИ НЕМ. ОКОПОВ

ЗАП. ГРУП. ПУЛЕМЕТОВ 10п.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРУППА ПУЛ. 16 ПУЛЕМ.

РЕЗЕРВ

НЕМЕЦК. ОКОП
„ „ ХОД СООБЩ.
ФРАНЦУЗ. ОКОП
„ „ ХОД. СОВБЩ.

СХЕМА № 2.

Наша атака, начавшаяся 14 в 19 ч. 45 м. вполне удалась: цель атаки была достигнута одним скачком; организация огня тотчас же была применена.

Операция дала в наши руки 400 пленных и много материалов.

Германские резервы, взятые в момент выхода из убежищ под огонь 16 пулеметов центральной группы, в беспорядке рассеялись.

Противник, тщательно организовавший атаку, на другой день пытался отобрать от нас местность, потерянную накануне.

С утра 15, он начал уничтожающую стрельбу по потерянному сектору и по Монт'о орудиями от 105 до 210.

Армейский учет отметил 43 тяжелых батареи, огонь которых был направлен на потерянный сектор, занимавшийся людьми без всяких убежищ и немогшими держаться под этим огнем; очищение траншей Майнц и Кобленц начало, мало по малу, осуществляться, на месте остались только отдельные люди, укрывшиеся в воронках от снарядов.

Огонь 16 пулеметов центральной группы был тотчас же приспособлен, как заградительный, при всякой попытке немцев к занятию местности.

В 19 ч. 30 м. на холмах у Монта появились штыки, указывающие, что атакующие войска двинулись вперед; пулеметы трех групп немедленно обрушились и рассеяли войска атаки, которые в беспорядке разбежались далеко назад от своего исходного положения. Несколькими минутами позже вмешалась в дело и артиллерия.

Наблюдателями установлено, что противник несколько раз сосредоточивал свою пехоту между об'ектом атаки и зоной, обстреливаемой нашей артиллерией.

Думая, после массовой артиллерийской подготовки тяжелыми орудиями, что со стороны занимавших окопы не будет никакого сопротивления, противник устремился в атаку, но был отбит огнем 32 тяжелых пулеметов, действовавших по непрестанным указаниям наблюдателей.

Германские сообщения от 16-го июля безоговорочно признают свою неудачу.

Мы заняли местность, уступленную под влиянием артиллерийского огня, и нашли там только убитых и раненых.

В течение ночи с 16 по 17 было взято несколько немцев, искавших трупы своих офицеров; они рассказали, что потери войск, участвовавших в первой фазе атаки, достигли 2000 убитых и раненых.

Мы потеряли: в баталионе 317 полка, который вел атаку и занимал захваченный сектор, 9 убитых и 56 раненых. Баталион 115, который вел атаку, имел приблизительно такие же потери.

Это дело послужило основанием к большой битве, начатой 4 армией немного позднее и развившейся день ото дня в атаку на фронте Троэзн—Массиж.

В обоих случаях вопрос решался огневым маневром—при нашей атаке и против неприятеля, атаковавшего местность, почти пустую от защитников, но которая была под огнем машин, не захваченных в зону действия артиллерийской подготовки.

Эта неожиданность, благоприятствующая обороне, единственно возможная при действии строго управляемым огнем.

Вооружение с твердыми установками, с точки зрения обороны, дало пехоте широкие возможности.

С ним она имеет возможность обеспечить себя от непосредственной атаки; теперь она совсем может освободить артиллерию от задач, плохо ею выполнявшихся, а этим освобождением она выигрывает во времени и в пространстве и не угрожает потерями своим же войскам.

С точки зрения наступления, этот же вид вооружения придает пехоте независимость. Благодаря этому вооружению, действия приняли планомерный и мощный характер, до самого последнего критического момента—атаки, можно маневрировать в глубоких построениях с применением огня пулеметов и нет надобности растягиваться в стрелковые цепи, исключающие непосредственное управление.

Огонь из глубины при наступлении, очень слабо отмеченный в проекте устава, *должен быть реализован со всею тщательностью.*

Будет странно не использовать его во всем об'еме, это оружие с твердой установкой и хорошо управляемое, как это требовали все предыдущие наставления, указывавшие на огневую поддержку передовых эшелонов задними, и это было тогда, когда огонь пехоты плохо управлялся и с трудом направлялся.

Можно применить стрельбу этих автоматов в промежутках, разделяющих впереди идущую линию, можно осуществить стрельбу машин с мертвой установкой (тяжелые пулеметы) через головы впереди идущих войск, можно применить и тот и другой вид стрельбы; могущественный огонь должен быть доставлен войсками, сохраняющими для боя построения, эшелонированные в глубину; *двигающиеся войска являются огневыми линиями, которые перемещаются.*

Машины с мертвой установкой, которые нужно непрестанно усовершенствовать в смысле точности и устойчивости, позволяя действовать в порядке, под управлением и руководством своих кадров во всех эшелонах, без боязни больших потерь от огня противника, возвратили пехоте ее могущество, которое она когда то утеряла, потеряв возможность и волю к атаке. Ее служебная роль характеризовалась фразой: *„Артиллерия завоевывает, пехота занимает“*, и эта фраза долгое время была печальной действительностью.

В развитии пехоты был момент, когда равновесие между духом и материей было нарушено в пользу последней.

Теперь мы можем здраво оценить и видеть, что пехота может и должна взять на свой счет все то, что она когда то делала в бою—начинать и оканчивать наступательную операцию, которая должна усиливаться другими родами оружия. Бросается в глаза,

что для артистов второго рода не остается главных ролей, и что слабое значение пехоты, при артиллерии всех калибров и оттенков, все-таки, почти, достаточно, чтобы обеспечить ее главную роль.

Дивизия из трех пехотных полков явилась плодом продолжительной войны, где, чтобы не уменьшить количества высших об'единений, вынуждены были вытягивать в веревочку всякий полк.

Если отношение между пехотой и другими родами оружия должно быть проверено новой организацией, состав полка должен быть также урегулирован. Значение девяти не должно останавливать на полудороге и необходимо организацию ставить в тесной гармонии с тактическими приемами, по которым будут эксплоатировать созданные части.

Машины, применяемые к определенным тактическим принципам, должны входить во внутреннюю организацию частей.

В целом проектируемая организация полка должна отвечать принципу, в котором порядок рассматривается, как отправной камень.

Все стремится к методическим действиям различного вооружения, тесно связанного между собой; *огонь является основным видом действия; его управление и его ведение являются преобладающими.*

Для согласованности действий необходимо первейшее условие, чтобы всякий был поставлен на свое место, и впрягать, как правило, в одно дышло равносильных лошадей.

В вооружении пехоты, ружья и ружья-пулеметы являются двумя родами машин, не имеющими существенных различий, почему вполне могут быть использованы одним и тем же владельцем.

Первые и вторые, своей формой и весом, являются по преимуществу инструментом движения и проникновения при наступлении; их место—в стрелковых ротах; они господствуют на участке поля боя, где преобладает хорошая видимость. Относительная устойчивость при стрельбе ружей-пулеметов не позволяет им действовать через головы своих войск, как только в исключительных условиях; их роль ограничивается действием через интервалы на коротких и средних дистанциях.

Они являются оружием первой линии огневого порядка.

Тяжелые пулеметы, наоборот, относительно тяжелы; но, благодаря треноги, обладают устойчивостью стрельбы, которая позволяет достигать точности на дальних дистанциях; их ценность дает себя знать всякий раз, когда они точно установлены на подставке, широко снабжены патронами, действуют после тщательной подготовки стрельбы; движения и частые перемещения противоречат их хорошему применению.

Таким образом они не бесполезны в боевых кадрах баталиона, но почти всегда необходимость вызывает их применение в ограниченном количестве, в большинстве случаев позволяет им действовать короткий срок и требует частого перемещения, вызывая необходимость снимать их с треноги и давать им легкие подставки, превращающие эти тяжелые пулеметы в большие ружья-пулеметы. Таким

образом они теряют большую часть своих главных преимуществ: устойчивость и точность стрельбы.

Примеры боев, анализированные выше, показали, что они могут дать при сгруппировании их под единым управлением и при тщательно подготовленных действиях.

Можно избежать некоторой издержки людей путем применения массированного огня пулеметов, как поддержки передовой линии; и правда: с какой скоростью может достигнуть эта помощь сражающихся! тогда как на помощь одушевленных резервов во время расчитывать почти никогда нельзя.

Если, с другой стороны, рассмотреть роль командования, мы придем к необходимости сохранить полк в таком виде, чтобы его командир, имея в своих руках организацию, нашел бы в ней средства для применения или массы огня, которой можно маневрировать, или средства к исключительному усилению войск боевой линии, таким образом, чтобы он не стоял перед необходимостью ввести в дело, на этом участке, целый баталион или ломать существующие организационные формы. Единственно, пулеметы могут удовлетворить этому требованию, будучи без всяких неудобств применены, даже в одиночку.

Пулеметные роты, организационно связанные с баталионами, не находятся на своем месте.

Мы знаем, что эти роты даны были баталионам только затем, чтобы возместить утерю четвертых рот. Теперь условия, вынудившие нас к такой организации, исчезли. Возвращаясь к основной организации, возвратим баталиону его настоящие формы и дадим ему четыре однородных роты; рота будет состоять из четырех взводов, взвод из четырех групп и одной группы командования.

Кстати, современные группы громоздки и есть необходимость их видоизменения. Они представляют органическое целое, которое в бою должно быть одновременно управляемо и ведомо, действуя под непосредственной командой своего начальника.

Группа не должна превосходить в своей численности такого положения, чтобы командир, под огнем, мог с фланга или из середины управлять ею, при расположении за естественным или наскоро возведенным прикрытием или в воронке от снаряда.

Численность группы должна обеспечить управление ружьем-пулеметом и его снабжение; вполне достаточно состава патруля или максимальная численность в 10 человек вполне удовлетворит этим потребностям.

Пехотный полк, в этой новой организации, представится тогда в следующем виде:

Группа: 1 сержант, 1 стрелок из ружья-пулемета, 2 капрала, 6 гренадер-вольтижер, в общем 10 человек, все несущие службу при пулемете или невдалеке от ружья-пулемета.

Взвод: 4 группы по 10 человек . —		40 ч.
Рота: 4 взвода из 4 групп . . . 160 ч.	}	182 ч.
1 взвод командования . . 22 ч.		
Баталион: 4 роты грен.-вольтижер. 728 ч.	}	778 ч.
взвод командования. . 50 ч.		
3 баталиона по 778 ч.		
1 баталион специалистов:		
Три пулеметные роты по 114 ч.—342 ч.	}	462 ч.
1 рота и 2 взвода пулеметов типа в 3 машины и 2 взвода пехот. пушек. . . . 120 ч.		
Пятая рота. . . . . —		264 ч.
Итого (людей).		3.060

Организованный таким образом пехотный полк будет представлять гармоническое сочетание между машинами и людьми, где всякая машина будет занимать место, соответствующее ее техническим свойствам.

Способная к атаке и к самообороне, находящая в своей организации возможность действовать из глубины, пехота вновь займет подобающее ей место, которое она не имеет права терять с точки зрения общей пользы.

Без хорошей и многочисленной пехоты, нет возможности к широкому наступлению, а, следовательно, и к решению.

В ближайшей войне победа будет за тем, кто лучше сорганизует свою пехоту.

После неудачи в июле 1918 г., вынужденный вести борьбу в невероятно трудных условиях, без возможности предоставить продолжительный отдых своим частям, германский генеральный штаб увидел свою измотанную пехоту со всеми признаками разложения: зная, что это грозит катастрофой, он прекратил борьбу, и Германия стала на колени.

С. Меженинов.

Мысли об обороне в уставной форме *).

I.

Общие основания.

§ 1.

Оборонительный бой ведется с целью:

а) упорно обороняясь, искать решения переходом в общее наступление;

б) обороняясь, выиграть время и нанести потери противнику.

§ 2.

Сущность обороны состоит в удержании позиции в данном виде и в данном месте.

*) Помещая статью т. Меженинова, Редакция открывает на странице журнала широкую дискуссию по затрагиваемым им вопросам и просит читателей присылать свои замечания для напечатания в очередных номерах.

§ 3.

Все усилия обороняющегося должны быть направлены к тому, чтобы сломить наступление противника, заставить его остановиться.

§ 4.

Позиция, занимаемая для обороны, прежде всего, должна обеспечить расположение артиллерии в смысле наличия наблюдательных пунктов и сообщения с тылом. Расположение артиллерии должно быть прикрыто позицией пехоты.

§ 5.

Позиция пехоты должна обеспечить сосредоточение огня перед передней гранью расположения.

§ 6.

В маневренной войне нужно замаскированное и глубокое расположение обороняющегося. Огневые средства должны быть рассосредоточены по фронту и в глубину. Огонь должен быть равномерно распределен перед передней гранью позиции (организация полигона). Искусство управления огнем и группировка огневых средств должны обеспечить его сосредоточение к нужным пунктам, в нужную минуту (огневой удар).

§ 7.

Основой укрепленной позиции являются узлы сопротивления, состоящие из соответственно сорганизованных огневых средств, обеспеченные препятствиями со всех сторон и соответствующим гарнизоном.

§ 8.

Огневые средства и живая сила на укрепленной позиции должны обеспечить борьбу как за первую грань расположения обороняющегося, так и за внутреннее пространство укрепленной зоны.

§ 9.

Каждая ячейка обороны должна сражаться до крайности за пункт своего расположения.

Потерянный пулемет не зря приносится в жертву, если он стрелял до последней минуты. Долг звена, даже окруженного, стрелять и обороняться до рукопашной схватки.

§ 10.

Оборона с целью выиграть время может вестись на одном из участков поля боя с задачей удержать его, пока не будет решен исход боя на участке главного удара.

Для обеспечения мощности удара на главном участке, оборона получает минимум сил и средств.

Прироста сил нужно искать за счет местных предметов и лопаты.

§ 11.

При необходимости оборонительных действий в данный период войны, с целью накопления сил и средств к определенному времени, отдельные участки обороны получат также мало средств и сил. В этом случае оборона может быть соединена с маневром назад и сведется к ряду боев на последовательных позициях.

II.

Выбор и занятие местности для обороны.

§ 12.

Для обороны местность выбирается с таким расчетом, чтобы предоставить все выгоды ведений пехотного и артиллерийского огня. Местность, занятая для обороны, должна быть организована таким образом, что улучшить преимущество в огне как в смысле ведения его, так и питания боевыми припасами. Эта же организация местности должна сбеспечить обороняющегося от потерь.

§ 13.

Относительная неподвижность обороны позволяет со всей тщательностью использовать местные условия, поэтому изучение их должно быть первой заботой обороняющегося. Огонь на изученной местности, движение в контр-атаку по изученному направлению должны облегчить действия обороняющегося.

§ 14.

Как при наступлении намечается главный район для удара, так при обороне по оценке местности выясняются районы, удержание которых обеспечивает устойчивость всего фронта. Поэтому упорство обороны в этих районах должно быть доведено до крайнего предела.

§ 15.

Тактическое значение отдельных участков района обороны, значение местных предметов, в нем находящихся, выявит узлы сопротивления. Наличие сил и средств позволит соответственно организовать сопротивление в этих узлах, основанное на применении огня, движения и мертвых построек.

III.

Организация обороны.

§ 16.

Узел сопротивления состоит из ряда огневых очагов, примененных к местным предметам, отдельным фортификационным постройкам или группе их. Выгодные местные предметы, обеспеченные огневыми средствами, будут являться пунктами сопротивления.

§ 17.

Во время организации местности, намеченной к занятию обороняющимися войсками, прикрытие ее поручается специальным частям, выдвинутым до важных пунктов местности (теснины, препятствия, узлы дорог), в расстоянии дальности огня артиллерии непосредственного содействия. Служба этих частей продолжается и после занятия главной позиции войсками. Задача этих частей состоит в том, чтобы огневым нападением, маневром перед передней гранью главного расположения заставить наступающего развернуться и ввести в дело главные силы, подведя последние под интенсивный огонь первой линии обороны. В этой же зоне полезны будут засады и секреты. Моральное истощение противника, основанное на внезапных действи-

ях, должно быть вполне использовано. С последней целью должны быть использованы на-коротке атаки воздушного флота.

§ 18.

Передняя грань расположения пехоты обороняющегося должна представлять собою ломанную линию огневых центров, дающих перекрестный огонь на близкие и средние дистанции. Подступы к этим огневым центрам должны быть обеспечены огнем из глубины в промежутки между ними. Против скрытых подступов, обеспечивающих продвижение и накопление крупных частей, огневые средства должны быть маскированы.

§ 19.

При обороне в маневренной войне стрелковые места для пулеметов и ружей-пулеметов подыскиваются в местных предметах. При ясной видимости последних со стороны противника, необходимо устраивать укрытия для прислуги вне этого предмета.

§ 20.

Если при организации огневой обороны расположение местных предметов и их характер не обеспечивают систему расположения огневых средств, необходимо прибегнуть к фортификационным постройкам, сила сопротивления которых должна быть основана на маскировке.

§ 21.

Для обеспечения правильности питания и сообщения внутри расположения обороняющегося необходимо обеспечить маскированные пути или же прибегнуть к прорытию ходов сообщения.

§ 22.

Группировка сил и средств обороны должна обеспечить успех борьбы за переднюю грань расположения. С этой целью огневые средства выдвигаются в первую линию или же держатся наготове, чтобы дать огонь к отдельным участкам. Насыщение живой силой должно увеличиваться ночью, в течение же дня большая их часть держится в резервах. Последние имеют назначением контр-атаками ликвидировать части противника, ворвавшиеся в расположение обороны.

§ 23.

Всякая контр-атака ведется по частной инициативе начальника резерва. Она должна быть немедленной, почему всякий резерв должен знать заранее район своего действия.

§ 24

При неудаче частных контр-атак, предпринимается общее наступление, организуемое начальником участка с применением артиллерии. Последняя, кроме пристрелочных данных по отдельным участкам перед передней гранью расположения, должна иметь исходные данные по стрельбе по местным предметам первой линии и глубине расположения обороны.

§ 25.

При обороне на узком фронте или местности, допускающей широкий обзор, командный пункт начальника участка разбивается в месте, допускающем обзор всего участка.

Этот пункт будет часто совпадать с командирским наблюдательным пунктом начальника артиллерии, обеспечивающим участок. Совместное расположение этих начальников облегчает задачи связи как в смысле общего управления, так и достижения безотказного взаимодействия пехоты и артиллерии.

§ 26.

Ввиду возможного навлечения артиллерийского огня и атак летчиков на командирские пункты, нужно центральные телефонные станции разбивать вне этих пунктов. Под влиянием того же артиллерийского огня провода линий часто порываются и отказывают в действии в самый критический момент, почему необходимо дублирование технической связи сигнализацией семафорной, световой, звуковой и радио. Порядок пользования связью ночью и днем должен указываться начальником участка.

§ 27.

От командирского пункта начальника участка связь тянется к начальникам секторов обороны и начальникам резервов, от этого же пункта она тянется к наблюдательному пункту старшего артиллерийского начальника или наблюдательным пунктам артиллерийских начальников, обслуживающих участок. Для связи с тылом необходимо открытие промежуточного поста связи, вне влияния огня противника.

§ 28.

Кроме сети связи, обеспечивающей командование и управление, необходимо установление связи для обеспечения взаимодействия войск по частному почину снизу. С этой целью в первую очередь нужно установить связь от передовой линии пехоты к наблюдательным пунктам артиллерии и иметь всегда исправную сигнализацию для связи с воздушным флотом.

§ 29.

При организации обороны вне влияния главной массы противника для разведки последней направляются воздушные средства, бронеавтомобили, конница и пехота. Предметами разведки воздушного флота явятся узлы дорог, определенные рубежи и дороги. Служба флота сведется к систематическому наблюдению дежурными аппаратами предметов разведки и дежурству на аэродроме.

Разведка бронеавтомобилями с прикрытием пехотой, посаженной на легкие или грузовые машины, может производиться вдоль направлений, совпадающих с дорогами, удобными для движения машин этого рода.

Разведка конницы может быть организована на всем фронте полосы, выводящей к расположению обороняющегося или на направлениях, выводящих на фланг обороняющегося. Удаление конницы

зависит от ее численности, обеспеченности вспомогательными техническими средствами и организации связи.

Разведчики пехоты и артиллерии принимают на себя разведку противника в районе, находящемся под огнем тяжелой артиллерии обороняющегося.

§ 30.

Обороняющийся должен организовать воздушную охрану как своего тыла, так и непосредственно боевого, главным образом артиллерийского расположения. Если участок обороны имеет открытые фланги, необходимо дальше наблюдение за ними воздушным флотом и кавалерией. Непосредственное обеспечение фланга возлагается на отдельные отряды, действующие в определенном районе и ответственные за удержание определенного рубежа.

§ 31.

При значительном удалении противника перед позицией выставляется сторожевое охранение по системе отдельных наблюдательных постов. При непосредственном боевом сопротивлении, с противником устанавливается цепь секретов и наблюдательных постов, для предупреждения внезапного нападения на первую линию обороны. Всякий резерв выставляет пост для собственного охранения.

§ 32.

Вся сила обороны в маневренной войне зиждется на силе собственного огня и малой действительности огня атакующего. В силу этого здесь особо властно выступает требование о маскировке.

Чем меньше фортификационных построек, чем мельче их профили и размеры, тем маскированней расположение обороняющегося, особо от наблюдения сверху. Чем полнее использованы местные предметы для целей обороны, чем искуснее их приспособление к обороне, тем больше шансов на сохранение в тайне своего расположения и тем большая внезапность достигается при оживлении обороны. Ряд ложных построек или трассировок, при умелом обозначении жизни в них, принесет во многих случаях существенную пользу.

§ 33.

Применение легких препятствий в виде заборов колючей проволоки, рогаток и легких фугасов гипнотизирует наступающего в смысле переоценки силы укрепления позиции, почему их применение крайне полезно в обороне при маневренной войне.

§ 34.

При организации тыла обороняющегося, первая забота должна быть направлена к эвакуации всего, ненужного для боя. В первую очередь нужно избавиться от раненых, неблагоприятно действующих на обороняющихся, затем необходимо скорее переотправлять в тыл пленных, дабы не загромождать неблагоприятным элементом ближайший тыл.

§ 35.

Снабжение боевыми припасами должно быть без'отказным при самом интенсивном боевом напряжении. Поэтому необходимо устраивать склады и запасы внутри расположения обороны и даже у отдельных пулеметов. Подвоз и пополнение запасов днем будет затруднительно, почему иногда придется прибегнуть к снабжению аэропланами и бронеавтомобилями.

IV.

Оборона в позиционной войне.

а) Общие указания.

§ 36.

Утомление живых сил, отказ в питании, благодаря растяжке тыла или истощения его запасов, могут вызвать перерыв в маневренных действиях.

§ 37.

Малая глубина театра войны или невозможность терять территорию по политическим причинам вызовет необходимость, зацепившись за местность, укрепившись на ней, организовав ее, перейти к борьбе на укрепленной позиции на долгий период.

§ 38.

Задача обороны в этом случае будет заключаться в систематическом истощении моральных и материальных сил и средств противника с тем, чтобы, после систематической подготовки, прорвать его расположение, захватить его материалы, сосредоточенные в укрепленной полосе и ближайшем тылу, и, получив свободу маневра, уничтожить его живые силы.

§ 39.

В борьбе за укрепленные позиции осуществляется принцип затяжной войны в ограниченной зоне.

§ 40.

Задача сохранения своего расположения в борьбе за укрепленные полосы приобретает особо важное значение.

Упорство войск должно быть доведено до крайней степени. Содействие техники живой силе, замена этой силы в первых линиях обороны машинами, организация огневого полигона перед передней гранью расположения и усиление его препятствиями, развитие огневых полей и системы препятствий внутри расположения обороны, должны создать труднопреодолимую зону укреплений, прорыв которой может быть обеспечен только сильным сосредоточением средств и методикой всех действий, т. е оборона вынудит наступление терять время, силы и средства на подготовку.

§ 41.

Долгая неподвижность фронта позволяет подтянуть мощную артиллерию и другие технические средства. Фортификационные пост-

ройки обороны приобретают особо важное значение. Их сила должна быть расчитана на сопротивляемость самой мощной артиллерии. В первую очередь эти постройки должны обеспечить убежище живой силе и создать препятствия на огневом полигоне перед передней гранью расположения.

§ 42.

Возрастающая мощь авиации и артиллерии, возможность их массирования требуют рассосредоточения построек, маскировки их и расчленения в глубину. Для локализации местных прорывов и сохранения устойчивости всего фронта необходима система отсеков позиции, организованных постройками, препятствиями, огневыми средствами и живой силой для самостоятельной борьбы.

§ 43.

Для уклонения из-под ударов артиллерии главной позиции сопротивления, последняя может быть прикрыта передовой линией укреплений. Эта линия, по занятии ее противником, может явиться рубежем сосредоточения всех видов огня обороны. Для устойчивости обороны в некоторых районах могут быть созданы вторые и третьи зоны укреплений, эшелонированные в глубину от предыдущих, с расчетом на необходимость переустановки артиллерии атаки для их преодоления.

§ 44.

Общий характер действий в укрепленной полосе должен быть таким, чтобы противник чувствовал наше превосходство. Это достигается, прежде всего, активностью в повседневной жизни позиции.

Всякий признак жизни, всякое движение в расположении противника, даже одиночных людей, должны подвергаться огневому воздействию с нашей стороны.

Каждая ночь должна быть использована с целью продвижения на отдельных участках, отдельными постами, к позиции противника.

Чем ближе к расположению противника подвинется наше расположение, тем крепче он будет держаться у нас в руках, тем легче перейти к минной войне на отдельных участках, легче использовать свою траншейную артиллерию, легче влиять на его психику.

§ 45.

Для нарушения планомерности обороны противной стороны необходимы частные операции по захвату отдельных участков расположения противника и частные прорывы на некоторых направлениях. В этих случаях самое важное обеспечить превосходство в силах и средствах с тем, чтобы моральный эффект от нападения был как можно разительный.

Эти же частные операции важны с точки зрения обновления наступательного духа пехоты.

§ 46.

План обороны зиждется, прежде всего, на организации огня всех видов перед передней гранью расположения. Ввиду того, что огневые

средства обороны все же ограничены, необходимо густое расположение этих средств в определенных районах и массирование огня перед определенными участками. Для обеспечения против прорыва промежутков между этими огневыми очагами, необходимо усиление искусственных препятствий против них и сохранение проходов для резервов, предназначенных для частных контр-атак.

§ 47.

Огневой очаг представляет из себя сосредоточение огневых средств пехоты и артиллерии, централизованных под единым управлением, обслуживающих определенный участок фронта и промежутка.

§ 48.

Огневой очаг обеспечивается со всех сторон препятствиями и достаточным гарнизоном для его обслуживания и выделения подвижного резерва для ликвидации мелких партий противника. Эта живая сила должна быть обеспечена солидными убежищами. Управление в таком очаге должно быть обеспечено соответственно организованной связью, централизованной при командном наблюдательном пункте общего начальника.

Организованный таким образом участок составит узел сопротивления, способный к самостоятельному бою фронтом во все стороны.

§ 49.

Система узлов сопротивления, допускающая их огневое взаимодействие, обеспеченная резервами для частных контр-атак на промежутках, прикрывается передней линией наблюдения и охранения.

§ 50.

Для ликвидации противника, прорвавшегося на промежутках или ворвавшегося в узел сопротивления, выделяются резервы секторов обороны.

Этот резерв должен включать артиллерию и авиацию.

§ 51.

Согласно общего плана обороны данного участка, каждый начальник отдельного рода войск вырабатывает свой порядок повседневной службы и план действия при наступлении противника.

§ 52.

Пехотный начальник должен организовать службу наблюдения, разведки и охранения, установить стрелков по отдельным целям в расположении противника, организовать огневое взаимодействие ружей-пулеметов и пулеметов перед передней линией, организовать огневое взаимодействие отдельных огневых пунктов внутри расположения, выделить резервы для обслуживания районов узлов сопротивления и их промежутков, выделить огневые резервы и установить районы их действий, распределить траншейную артиллерию и технические средства, проверить действие связи с артиллерией, проверить

организацию противогазовой и воздушной обороны, составить план питания всеми видами припасов и продовольствия.

Выделить наряд на работы по усовершенствованию и развитию укреплений и препятствий.

§ 53.

Артиллерия на укрепленной позиции должна иметь такие системы орудий и так организовать управление группами батарей, чтобы последние обеспечивали могучее воздействие по всей глубине расположения противника. В зависимости от задач, артиллерия будет сведена в группы под единым управлением старшего артиллерийского начальника.

Воздействие на пункты в глубоком тылу противника достигается системой точных орудий. Их количество будет ограничено, и успех стрельбы должен быть обеспечен качеством орудий и снарядов и правильной организацией воздушного наблюдения.

Их снаряды должны обладать мощностью действия и сильным моральным эффектом.

Для воздействия на пункты и дороги в ближайшем тылу поля боя, где возможно появление подвижных целей, применяются орудия среднего калибра.

По открытии боя придется бороться с батареями противника. Для этой борьбы нужны снаряды, сильно взрывающиеся, с большим количеством металла или газа, но скорость стрельбы требует, чтобы эти калибры были не особо солидны.

Ввиду возможности массовых атак авиации, необходимо наличие противовоздушной артиллерии.

Против войск противника действителен огонь мелких калибров с большой скорострельностью, но могут потребоваться и более мощные калибры для выкуривания противника из убежищ, закрытий и скрытых подступов.

Эта же артиллерия может бороться и против танков при их движении впереди полосы нашего расположения.

При подходе танков к передней грани или вторжении танков в районе расположения обороны, против них направляются мелкокалиберные пушки с большой начальной скоростью и значительной скорострельностью, с той же целью могут быть установлены противоштурмовые орудия.

§ 54.

Группы батарей, предназначенные для действия против войск противника, могут быть подчинены пехотному начальнику определенного участка.

В этом случае старший артиллерийский начальник этой группы имеет непосредственную связь с пехотным начальником. Стрельба артиллерии этого рода может производиться по отдельно появляющимся целям или по определенным рубежам, заранее предусмотренным.

При атаке противника создается зона заградительного огня между двумя заранее пристрелянными рубежами.

При наличии точных карт крупного масштаба возможно разбить местность на квадраты и, по требованию пех. начальника и наблюдательного пункта командира группы, огонь сосредоточивается в определенный квадрат.

§ 55.

При получении сведений о сосредоточении противника для прорыва необходимо усиление артиллерии этого участка, почему необходимо наличие стратегических резервов артиллерии. Для обеспечения стратегической подвижности этих резервов необходимо, чтобы их движение было обеспечено как по железным дорогам, так и вне их.

Для быстрого сосредоточения огня к определенному участку боя необходимо централизованное управление артиллерией.

Если местности не позволяют такое сосредоточение путем переноса огня, необходимо повысить тактическую подвижность групп батарей путем проведения полевых железных дорог и устройства массированных дорог.

§ 56.

Наземные наблюдательные пункты имеют ограниченный обзор в расположении противника. Неподвижность фронта позволяет широко использовать работу воздушного флота в смысле использования его снимков, корректирования пристрелки и постоянного наблюдения и с аэростатов.

Воздушные аппараты должны быть прикомандированы к определенным группам батарей или батареям. Часть аппаратов должна вести наблюдение за определенными целями.

§ 57.

Ввиду интенсивности артиллерийского огня обычная связь наблюдательных пунктов часто прерывается, почему необходимо широкое применение радиотелефона, радиотелеграфа и бронированных кабелей, зарытых на достаточной глубине.

§ 58.

Огневые вспышки при обороне укрепленной позиции достигают интенсивности ураганного огня.

Тайная пристрелка по тылам может приостановить или прервать питание боевыми припасами. Необходимо сосредоточение запасов снарядов непосредственно при батареях и в глубине позиции.

В виду наличия мощной авиации необходимо устройство хранилищ по минному способу.

§ 59.

Система укрепленной позиции может развиваться на месте случайной остановки войск, вследствие неудавшегося наступления.

В этом случае инженерные средства должны притти на помощь в первую очередь по усилению препятствий перед передней гранью

расположения и организации системы укреплений и сообщений в отдельных пунктах сопротивления первой линии.

§ 60.

Под прикрытием организованной первой линии производятся работы по развитию узлов сопротивления, с расчетом на определенный гарнизон и огневые средства.

По организации этих узлов приступают к организации убежищ, ходов сообщений во всей зоне.

В дальнейшем позиция совершенствуется, обращая главное внимание на препятствия.

§ 61.

Передняя линия расположения должна быть снабжена извитыми дымовыми шашками, средствами индивидуального освещения.

Отдельные подступы должны быть взяты под освещение прожекторов, осветительных ракет и различных ламп.

§ 62.

При наличии средств и удобных участков для ведения минной войны закладываются необходимые параллели.

Участки, удобные для прохода танков, должны быть минированы, а где невозможна закладка мин, необходимо устройство эскарпов и скрытых банкетов.

При дальнейшем усовершенствовании позиции и местных возможностях необходима электрофикация проволочных сетей.

§ 63.

Участки, допускающие газовые атаки, должны быть подготовлены для установки газовых баллонов.

Для противодействия газовым атакам противника должны быть организованы средства индивидуальной и коллективной защиты.

§ 64.

Для правильной работы авиации, определения исходных данных для стрельбы точных орудий, для определения возможности газовой атаки должна быть организована метеорологическая сеть.

§ 65.

Санитарное оборудование и обеспечение перевязочных пунктов должно входить в план инженерных работ.

Хозяйственные постройки ближнего тыла производятся средствами инженерных частей.

Для обеспечения успеха инженерных работ необходимо иметь инженерное депо с большим оборудованием мастерских и складами необходимых материалов.

§ 66.

При укреплении позиции вне влияния противника, места и характер узлов сопротивления определяются в результате разведки артиллеристов, инженеров и общевойскового командования.

В этом случае работа начинается с препятствий перед первой линией и устройства убежищ.

Оборонительные постройки возводятся в узлах сопротивления для огневых установок.

Оборудывается основание направления связи.

Дальнейшее развитие и оборудование позиции производится по занятии ее войсками.

§ 67.

При действиях на укрепленной позиции особо ярко выступает потребность в систематической работе различных типов отрядов воздушного флота.

На воздушный флот возлагаются задачи по фотографированию, разведке отдельных участков и построек противника, корректированию стрельбы, чисто боевые задачи по разгрому станций жел. дор., складов, по парализации работы высших штабов, по обороне определенного района от налетов противника.

§ 68.

При организации обороны определенной зоны, действия эскадры должны быть тесно связаны с противо-аэропланной артиллерией и группами пулеметов.

Для полного согласования в работе старший артиллерийский начальник противоаэропланных групп должен быть подчинен начальнику эскадры и связи с его штабом.

При решении задач прикрытия эскадра действует на-коротке от базы.

Аэродромы располагаются за линией расположения батарей, на расстоянии, обеспечивающем набор высоты до потолка данного типа аппаратов.

§ 69.

Конница в борьбе за укрепленные позиции принимает участок только на крайне пассивных участках, при недостатке пехоты.

Ввиду угашающего действия обороны на наступательный дух войск лучше иметь конницу в резерве.

Она принесет полосу в свое время при прорыве укрепленной полосы противника.

Часть конницы может быть использована для комендантской службы в тылах.

§ 70.

Связь при борьбе на укрепленной полосе приобретает особо важное значение.

Командирские пункты общевойсковых начальников, наблюдательные пункты командиров артиллерийских групп должны быть связаны подземным проводом. Эта основная связь должна быть дублирована беспроволочными передатчиками.

Первая линия наблюдения пехоты должна быть связана самым легким проводом и дублирована различными сигналами.

Крайне важно сигналами установить автоматизм открытия огня по требованию первой линии.

Подробности сигнализации частям днем и ночью должны быть точно указаны в инструкции частям и знание проверено общевойсковым командованием и начальниками службы связи.

§ 71.

Близость расположения противника позволяет включиться в его провода путем индукции.

Активность передовых постов связи должна быть направлена в эту сторону.

Для противодействия подобным же попыткам противника необходимо дублирование проводов.

Работы радиостанции противника должны быть подвержены точному контролю с нашей стороны.

При наличии мощных станций возможно организовать узел, мешающий работе противника.

§ 72.

Кроме общевойсковой сети управления и сетей отдельных родов оружия, необходимо установление хозяйственной сети, чтобы разгрузить две первые в период боевых напряжений.

Общеустановленная сигнализация воздушному флоту может быть дополнена подробностями в зависимости от местных условий.

§ 73.

Охранение, разведка и наблюдение за действиями противника в большей части будут сливаться.

Воздушное наблюдение аэростатов следит за ближайшей полосой, обслуживая общевойсковые и артиллерийские нужды.

Дежурные самолеты следят за работой тыла противника и пополняют фотографическими снимками подробности в позиции противника.

Постоянные агенты ближайшего тыла, связанные радиотелеграфом, освещают жизнь противника за определенный период.

§ 74.

Наблюдение пехотных постов и артиллерийских наблюдателей отмечают повседневную жизнь передовой грани расположения противника.

Каждый шум, всякий бугорок свеже насыпанной земли, всякий выстрел орудия со стороны противника должны быть отмечены этим наблюдением.

Систематическое наблюдение, регистрация явлений и изучение жизни противника позволяет составлять определенные выводы о его стремлениях.

§ 75.

Но всякое наблюдение не дает живого общения с противником, не дает документов, освещающих его жизнь.

С этой целью должны предприниматься набеги и организованные частные наступления для захвата защитников первой линии.

Действия подобного рода нельзя возводить в систему, так как потери при них бывают значительны, а видимые результаты малы, что создает в войсках сомнение в их полезности.

§ 76.

На участках минных работ наблюдение должно быть особо тщательным. Кроме послушиваний в галлереях, необходимо наземное и воздушное наблюдение.

Служба газовых постов и постов с противотанковыми ружьями, организация против воздушных налетов должны быть проверены общевойсковым начальником.

Звукоизмерительные отряды артиллерии ведут регистрацию мест батарей, ведшихогонь.

Действия обороны на участках атаки.

§ 77.

Активность в повседневной жизни позиции; видоизменяемость способов и форм действий против частных наступлений противника; перемена мест батарей, ведущих огонь по отдельным целям, должна создать оживленную, подвижную оборону.

Эти подвижности должны сохраняться и в период подготовки противника к наступлению и в момент самого наступления.

§ 78.

Как только появляются признаки возможного наступления в определенном районе, необходимо усилить общую, пехотную и траншейную артиллерию.

Служба воздушного наблюдения должна быть усилена.

§ 79.

По определении мест сосредоточения войск противника, подготовки исходных для наступления позиций, оборудований ближнего тыла артиллерия обороны начинает более интенсивный и систематический изводящий огонь.

Он сведется к периодическому обстрелу определенных целей в течение известного промежутка времени или через определенные промежутки.

В этом случае полезны будут даже систематические выстрелы одиночных орудий.

§ 80.

Группы батарей, предназначенные для борьбы с артиллерией противника, проверяют пристрелку с основных своих позиций и с выдвинутых вперед для того, чтобы действовать по большей глубине

расположения противника. Для этих батарей особенно полезны химические снаряды.

§ 81.

Боевая авиация производит систематические налеты на штабы, склады и места сосредоточения пехоты противника.

Ввиду возможности противодействия авиации противника, необходимо усилить истребителей.

Разведывательная авиация стремится открыть исходные позиции атаки.

Артиллерийская авиация отмечает жизнь на батареях и фиксирует вновь появляющиеся места батарей.

§ 82.

Артиллерия, предназначенная для ведения заградительного огня перед пехотой и уничтожающего по постройкам и подступам противника, ведет огонь с целью разрушения подготовительных работ и расстройства жизни в передней грани позиции противника.

Здесь важно психическое воздействие на противника не столько в смысле разрушений, как в смысле сознания, что место наступления противника известно.

§ 83.

При обозначившемся наступлении противника вся глубина его расположения по определенным целям берется под обстрел. В первый момент это будет самый быстрый огонь по отдельным целям, перечисленным выше, и, главным образом, по исходным позициям.

Если пехоте противника удалось выйти из окопов, вся артиллерия непосредственной поддержки обрушивается на нее, ведя уничтожающий и заградительный огонь.

Для обеспечения этого вида огня на самых близких расстояниях от первой линии, необходимо группы батарей артиллерии этого рода установить для флангового обстрела определенных участков.

С этой же целью необходимо часть батарей отодвинуть в глубину (глубокие позиции). Последнее даст преимущества и в том отношении, что в расположении обороны не все батареи будут парализованы, что легче позволит организовать артиллерийскую поддержку при частных контр-атаках.

Траншейная артиллерия ведет или уничтожающий или заградительный огонь в непосредственной близости от передовой линии.

§ 84.

Пехота не должна надеяться исключительно на силу огня артиллерии, только ее вторжение своим огнем может увеличить общую мощь огневого сопротивления.

Огонь тяжелых пулеметов должен быть сосредоточен по подступам и местам скоплений противника.

Легкие пулеметы и ружейный огонь должны создать непроходимую зону на близкой дистанции от передней грани и поразить все специальные цели (танки), пехотные пушки.

§ 85.

К пункту, где продвижение противника особо интенсивно, необходимо подтянуть части огневых резервов.

При появлении танков стрелки из противотанковых ружей, противотанковые орудия и части орудий общей артиллерии должны сосредоточить по ним огонь.

§ 86.

Если, несмотря на адский огонь всех видов, противнику все же удалось ворваться в наше расположение, все стремления обороны должны быть направлены к тому, чтобы немедленно его выбросить.

§ 87.

Авиация бомбит пункты его присутствия.

Артиллерия непосредственной поддержки заградительным огнем прерывает его сообщения с позицией противника.

Начальник пехотного участка сосредоточивает огневые резервы за счет прочих участков и берет ворвавшихся под интенсивный огонь.

Начальники частных резервов переходят в стремительную контратаку.

§ 88.

Если частная контр-атака не удалась, предпринимается организовать наступление с поддержкой артиллерии, а если есть, и танков с тем, чтобы противник был выброшен за первую линию.

§ 89.

Возможно, что, несмотря на всю тщательность наблюдения и разведки, наступление противника будет внезапным.

От предварительных поверок несения службы и смешанности аппаратов управлений будет зависить успех приведения в действие огневой системы обороны.

§ 90.

Задачи войск первой линии будут заключаться в том, чтобы местными силами и средствами заставить противника остановиться перед передней линией.

С этой целью нужно широко использовать маневрирование мелкими огневыми единицами.

§ 91.

При наступлении в туман, ночью или под прикрытием дымовой завесы, необходимо точное пользование слуховыми и световыми сигналами для обозначения требований о заградительном огне.

§ 92.

При удачном отбитии наступления возможен переход в частичное наступление для окончательного потрясения противника и захвата его материальных средств.

§ 93.

В укрепленной позиции может быть пробита брешь.

Для противодействия срыву обороны на значительном протяжении, необходимо в первую очередь приостановить продвижение прорвавшегося. С этой целью необходимо перед его фронтом создать завесу из легких войск.

§ 94.

На железнодорожных, шоссейных и хороших грунтовых путях эта завеса может быть создана из различного рода броневых частей.

На промежутках между ними с большой выгодой будет использована кавалерия.

§ 95.

Для решительной приостановки продвижения противника необходимо срочно надавить на его тыл и фланги, это может быть осуществлено тоже кавалерией, так как она обладает наибольшей подвижностью, гибкостью и устойчивостью во временной обороне широкого фронта.

§ 96.

Благодаря наличию сильных кадров, кавалерия более устойчива.

После изнурительных боев с наступавшим противником, пехота некоторых участков будет в колеблющемся состоянии. Для сохранения участка придется быстро занять некоторые пункты на флангах и в ближайшем тылу таких моральных траншейных участков, до тех пор пока не подойдет свежая пехота.

§ 97.

Если противнику удалось в пробитую брешь выбросить кавалерию, то, для противодействия ее распространению, все местные войска должны удержать занимаемые ими пункты.

Воздушные эскадры должны последовательными атаками приостановить или рассеять двигающиеся крупные части.

Задача окончательной ликвидации прорвавшихся выпадает на долю кавалерии обороны.

Во всех случаях ее применение должно быть массированным, под единым управлением кавалерийского начальника, избегая дробления на мелкие части и рассовывания кавалерии по пехотным частям.

В. Чернавин.

Огонь и движение.

„Основным способом действия пехоты в современном наступательном бою будет движение вперед с огнем“,—говорит существующая инструкция для боя стрелковой роты.

Эта основная идея проводится красной нитью по всей инструкции.

Движение и огонь неразрывно связаны друг с другом.

Под обстрелом противника движение без огня недопустимо, как недопустим и огонь пехоты без движения вперед в надежде, не прибегая к рукопашной схватке, исключительно одним своим огнем, выкурить противника из прикрывающих его окопов.

В период наступления, с 800 шагов от противника, когда пехоте придется часто прокладывать себе дорогу вперед собственными огневыми средствами без помощи артиллерии, принцип взаимодействия пехотного огня и движения приобретает главенствующее и неоспоримое значение.

Но, как осуществить этот принцип на деле, как облечь его в плоть, инструкция, кроме кратких общих указаний, не дает конкретных наставлений.

Указания инструкции сводятся к тому, что наступление роты ведется мелкими частями (огневыми группами), сочетающими огонь с движением вперед от одной огневой линии к другой, при чем огонь этих частей сосредоточивается по целям, наиболее затрудняющим движение. Огневые группы первой линии действуют на широких интервалах, допускающих возможность стрельбы через эти интервалы групп второй и третьей линии боевого порядка, т. е. взводных поддержек и ротного резерва.

Инструкция не дает определенных ответов на ряд нижеследующих вопросов: 1) Какова должна быть величина, форма строя и способы передвижения каждой огневой единицы? 2) Каково должно быть взаимное расположение всех огневых единиц боевой части роты? 3) Где рекомендуется преимущественно двигать взводные поддержки? где должен следовать ротный резерв, чтобы безотказно иметь возможность огнем с тыла поддерживать наступление ряда боевых частей передней линии? 4) Как организовать огневую поддержку: самостоятельно-ли в каждом взводе или подталкивать наступление одного взвода огнем соседних взводов? 5) В последнем случае, каким способом ротному командиру управлять действиями своих взводов, т. е. их движением и огнем? и 6) какова роль и место тяжелых пулеметов в период ближнего наступления.

Попробуем разобраться в этих вопросах.

Огневые тактические единицы.

Какие боевые части надо признать как нормальные огневые тактические единицы?

Теперь это будет уже не взвод, а отделение или даже звено.

Такая единица должна быть:

1) Достаточна сильна в огневом отношении;

2) удобоприменима к самым мелким укрытиям местности

и 3) легкоуправляема. Отделенному командиру инструкция ставит требование—держать во время боя свое отделение в руках, не отнимая, однако, в отдельных случаях самостоятельности действий звеньев своего отделения.

Первому и третьему условиям очевидно более удовлетворяет отделение, чем звено, так как сила огня отделения вдвое больше, нежели звена, и управление огнем и движением будет непосредственно находиться в руках командира отделения, более подготовленного в тактическом отношении, чем командир звена.

В особенности важно командиру пулеметного отделения, непосредственно руководящему огнем легких пулеметов, иметь оба своих звена вкупе.

Задержки в действии пулемета—явление самое обыденное, и разделением пулеметного отделения на звенья с самостоятельной огневой задачей каждому из них, может создать прекращение огня по неприятельскому пункту, препятствующему наступлению, в самый нужный момент перебежки соседнего звена.

При совокупном расположении звеньев пулеметного отделения задержка в огне одного из пулеметов легко ликвидируется отделенным командиром с помощью другого пулемета, который, прекратив огонь по своей цели, моментально переносит его на цель, предназначенную для обстрела огнем замолчавшего неисправного пулемета, конечно, если эта цель в данный момент приобретает первенствующее значение.

Что касается второго условия—удобоприменяемости к местности, то без сомнения звено легче маскируется, чем целое отделение, ибо для 8—9-ти человек звена малейший бугорок, кустик послужит заслоном для малозаметного продвижения, между тем как этот-же заслон будет недостаточен для укрытого движения 16—18 стрелков отделения. Но это отрицательное свойство построения отделением легко устранимо, если продвигать его не сразу, а по частям, звеньями, при чем заднее звено, двигаясь вперед по пути переднего, будет пользоваться тем же закрытием.

Таким образом огневая единица в целое отделение, как обладающая большими преимуществами, и должна быть преимущественно применяема на боевом поле в период ближнего наступления, что, однако, не отнимает у отделенного командира права в особых случаях делить ее на две части.

В каком же строю огневая единица должна действовать в рассматриваемый период боя: цепью или змейкой, т. е. рассыпанной в глубину колонкой? (Чертежи колонок отделения и звена приложены к инструкции).

Строй цепью, при его способности открытия одновременно огня, как автоматического, так и ружейного, обладает крупными недостатками, а именно:

1) Легко заметен со стороны противника, в особенности в момент движения, а, следовательно, и более поражаем его огнем;

2) требует для укрытого продвижения широких заслонов по фронту

и 3) затрудняет огневую поддержку и со стороны своих ближайших соседей по линии фронта и из глубины, так как, по мере выдвижения вперед, своим широким расположением будет постепенно закрывать огонь стоящих на месте частей и тем преждевременно пресечет необходимую для себя огневую помощь.

Строй змейкой, имеющей в голове автоматическое оружие, сводит

на нет все перечисленные дефекты, ибо змейка обладает нижеследующими свойствами:

1) Она является малозаметной с фронта, а потому и малоуязвимой от фронтального огня противника;

2) гибкой в смысле пользования самыми узкими закрытиями

и 3) не препятствует вести поддерживающий огонь не только со стороны частей, действующих справа и слева, но из глубины, до самой последней огневой линии, как бы близко она ни была от противника.

Единственный недостаток змейки заключается в том, что она может вести *фронтальный огонь* только своей головкой, где находится автоматическое оружие. Но этот недостаток так быстро устраняется рассыпанием змейки в цепь, если обстановка настольно потребует пристегнуть к автоматическому огню еще и винтовочный, т. е. пустить в дело все огневое средство части для стрельбы в направлении своего наступления.

Процедура рассыпания части бегом совершается в несколько мгновений, и потому особенной задержки в открытии огня не произойдет.

Если же одновременное появление на несколько секунд полутора десятка в рост бегущих фигур может вызвать сосредоточенный огонь неприятельских пулеметов, то начальнику этой части никто не возбранит проделать рассыпание ползком, т. е. способом менее заметным, хотя и более медленным.

Итак огневой единицей надо признать отделение, находящееся всегда в руках своего отделенного командира. Оно должно действовать преимущественно змейкой, или, вернее, двумя змейками, по одному звену в каждой.

Эти звеньевые змейки располагаются и двигаются или вместе рядом или раздельно на интервалах и дистанциях, не затрудняющих управление отделением, голосом отделенного командира. При раздельном расположении змейки звеньев становятся или в одну линию по фронту, или в затылок одна другой, или уступом.

Покончив с определением величины и строя тактической огневой единицы, я должен еще остановиться на разрешении вопроса: какие способы продвижения с одной огневой точки на другую наиболее выгодно применять огневым единицам, дабы возможно меньше нести потерь от пулеметного и ружейного неприятельского огня: согнувшись, на четвереньках, ползком, прижавшись к земле или перебежками.

Правильный ответ на этот вопрос дает начальнику части рельеф местности, который своими выпуклостями будет представлять защиту или от всех неприятельских пунктов, угрожающих движению группы, или только от некоторых из них.

В первом случае, т. е. когда рельеф защищает часть от всех огневых точек, мешающих движению вперед, вопрос о способах передвижения разрешается весьма просто и определенно: если выпуклость

местности совершенно скрывает человека, стоящего в рост, группа идет, не сгибаясь, быстрым шагом, если по грудь—согнувшись, при укрытии до пояса—на четвереньках, а когда чуть заметная горбинка рельефа или трава укрывают только нижнюю часть стоящего человека—она передвигается ползком; когда же местность не представляет никакого укрытия, и боец, лежа с прижатой к земле головой, видит неприятельские окопы, продвижение части вперед производится перебежками.

Первые четыре способа не нуждаются в огневой поддержке (местность несет службу поддерживающего огня), последний способ—перебежками обязательно сопровождается огнем соседних частей, а иногда и резервных из глубины боевого порядка, вследствие чего требует быстроты движения, чтобы поддерживающий огонь не вызывал чрезмерной траты патронов.

Несколько сложнее будет обстоять дело, когда рельеф местности будет прикрывать движение на четвереньках или ползком только от некоторых огневых очагов противника, не представляя никакого укрытия от других.

В этом случае командир отделения до начала передвижения должен хорошенько взвесить, что выгоднее будет: двинуть ли вперед отделение ползком или сделать несколько скачков вперед перебежкой.

Чертеж № 1 изображает подобный, часто повторяющийся в бою, случай.

Командир пулеметного отделения 1-го взвода, занимающий огневую точку А, получает от взводного командира задачу—перейти на точку Б.

Боевая обстановка следующая:

1-й взвод наступает на неприятельский пункт № 2, расстояние до него 400 шагов. Точка Б, куда назначено перейти пулеметному отделению, лежит в 180 шагах впереди на незначительной выпуклости местности, которая прикрывает со стороны окопов противника № 1 и № 2 переход отделения на новый огневой пункт, но при условии движения на четвереньках или ползком, и не представляет ни малейшего заслона от флангового огня из неприятельского окопа № 3. Справа от пункта А на точке Г расположена левофланговая часть соседней роты, влево, на пункте В—пулеметное отделение 2-го взвода. Расстояние между неприятельским окопом № 3 и точкой А—750—800 шагов.

Прежде чем окончательно остановиться на выборе способа перехода на указанный огневой пункт и подать команду для движения

вперед, командир пулеметного отделения должен принять в соображение нижеследующее:

Отделение, после короткого броска бегом на 20 шагов, может продолжать дальнейшее движение совершенно укрыто от неприятельских окопов № 1 и № 2, если переход совершится ползком или на четвереньках.

Но такой длительный способ передвижения потребует не менее 15-ти минут для преодоления 180 шагов, отделяющих пункт А от пункта Б. В эти четверть часа переползающая часть будет под фланговым огнем неприятельского окопа № 3 с дистанции 800 шагов.

Если же отделение перекинуть в назначенный пункт, перебежками, то времени понадобится не более 4—5 минут, включая в этот срок и необходимые остановки для передышки. Но за то в моменты перебежек отделение будет расстреливаться перекрестным огнем со всех трех пунктов участка неприятельского расположения, при чем огонь с пунктов № 1 и 2 будет производиться с самых действительных дистанций 400—250 шагов. Для подавления такого огня нельзя ограничиться поддержкой только со стороны стрелковых отделений своего взвода, но необходима и существенная огневая помощь со стороны соседей с пунктов В и Г, на что расчитывать не всегда возможно, в особенности если управление огнем и движением в этот период боя будет возможно не выше как для взводных командиров.

Итак, на каком же способе перехода на новую огневую точку остановиться начальнику пулеметного отделения: перебежками под 4-х минутным сильным огнем с 3-х окопов противника или ползком под более дальним, хотя и более длительным огнем с одного окопа.

Я думаю, что командир отделения предпочтет 2-й способ, если не упустит из вида следующих доводов:

1) Движение ползком змейки, растянутой в глубину с дистанциями между стрелками до двадцати шагов, будет представляться со стороны окопа № 3—редкою цепью, незаметно передвигающейся, ползком, как бы вдоль своего фронта, при чем каждый ползущий стрелок будет изображать собой цель весьма незначительную по вышине, а потому и слабо уязвимую с 800 шагов.

2) Легкий пулемет противника, стреляющий из окопа № 3, не может действовать безостановочно в течении четверти часа, но будет работать с перерывами, а, следовательно, и время нахождения под огнем передвигающегося отделения сократится чуть не вдвое, и

3) в период продвижения отделения лучшие стрелки 3-го отделения, стоящего сзади, должны по распоряжению взводного командира направить свои меткие выстрелы по голове наводчика пулемета, стоящего в окопе № 3, что будет нервировать наводчика и отражаться на меткости пулемета.

Не будет со стороны командира пулеметного отделения 1-го взвода ошибкой, если он двинет свое отделение по частям, звеньями, пользуясь во время перехода одного звена работой пулемета другого звена.

Если бы окоп противника, препятствующий движению, находился от наступающей части на дистанции прямого выстрела, то очевидно, ей выгоднее было бы перейти на новый пункт перебежками.

Из вышеизложенного явствует, что выбор способов передвижения части зависит: 1) от рельефа местности и 2) от расстояния до неприятельских пунктов, вредящих ее передвижению.

Коснусь теперь вопроса, как производить перебежки: всем отделением сразу, по звеньям или по одиночке.

Этот вопрос решается в зависимости от расстояния до противника и от *рода его огня* (автоматического или ружейного).

Как на средних, так и на близких дистанциях от противника, под его пулеметным огнем, отделению прямой расчет двигаться перебежками по одиночке, небольшими быстрыми скачками.

Трудно допустить, чтобы при таком способе противник стал бросать массу пулеметных пуль по каждому стрелку в отдельности, да и наводчик неприятельского пулемета не будет в состоянии поймать на мушку незначительную по своим размерам цель, в момент между неожиданным ее появлением и быстрым исчезновением.

Несколько иная картина получается, когда перебегающее отделение попадает *под ружейный огонь противника*.

Здесь в определении вида перебежки самую важную роль сыграет дистанция, отделяющая наступающего от обороняющегося.

На дистанциях 900—700 шагов, когда стрелку приходится направлять огонь в целую группу, избирая точки прицеливания или на самой группе, или вне ее (в зависимости от ветра), а не выцеливать каждого стрелка группы в отдельности, естественно, выгоднее подставить под огонь противника наименьшую цель. Поэтому на средних дистанциях следовало бы совершать перебежки по одиночке, не только под пулеметным, но и под ружейным огнем.

На дистанциях же от 600 до 100 шагов, когда требуется более тонкая наводка винтовки в каждого человека в отдельности, придется пользоваться перебежками целыми отделениями или частями их, а отнюдь не по одиночке.

И действительно, если отделение наступающего будет иметь дело перед своим фронтом только с 8 стрелками неприятельского огневого пункта, то при перебежке по одиночке в каждого бегущего стрелка будет направлено 8 винтовок. Шанс добежать до назначенного места невредимым будет очевидно весьма незначителен при таких условиях.

При перебежке по звеньям из 8-ми стрелков, на каждого бегущего может быть направлена только одна винтовка, и возможность добраться целым до нового огневого пункта возрастает в 8 раз.

При перебежке же всем отделением сразу эта возможность увеличится еще в два раза.

Отсюда прямой вывод: под ружейным огнем на близких дистанциях выгоднее перебегать целыми отделениями.

Это правило имело неоспоримое значение и при старом способе действия стрелковыми цепями, но прежний устав и наставление, не

углубляясь в разрешение этого вопроса, предписывали переходить к одиночным перебежкам, как раз на самых близких дистанциях от противника, когда такие перебежки под ружейным неприятельским огнем фактически являлись только средством бесцельной траты живой силы наступающего.

Предупреждаю, что сейчас изложенные соображения о перебежках касаются только тех случаев, когда нельзя расчитывать на сильную огневую поддержку соседних частей.

А какого вида должны быть перебежки, если наступающий располагает достаточными огневыми средствами, чтобы заставить противника спрятать свои головы за бруствером и тем на время перебежки прекратить свой огонь по одиночке или целыми частями.

Несомненно целыми частями. Почему?

Да потому, что огневая помощь перебегающих по одиночке частей потребует такого огромного количества патронов, которого никогда не будет иметь в своем распоряжении наступающий.

Подтвержу это примером.

Если, положим, для перебежки на новый огневой пункт потребуется для каждого стрелка только по полминуте, то все отделение из 16-ти человек, перебегая по очереди, одиночными стрелками, потратит для этого перехода 8 минут ($^1/_2 \times 16$).

За 8 минут каждый легкий пулемет, поддерживающий продвижение вперед, должен израсходовать 2400 патронов (300 патронов, выпускаемых легким пулеметом, помноженных на 8), т. е. каждая перебежка одной группы вызовет такой расход патронов, который вдвое превысит весь носимый боевой комплект легкого пулемета.

И это только для одной перебежки одного отделения. А где же взять патронов для поддержки всех частей роты на всех их перебежках.

Очевидно не откуда, а потому придется отказаться от перебежек по одиночке при поддержке огня и обратиться к перебежкам частями. В нашем примере для перебежки всего отделения сразу на новую огневую точку потребуется столько-же времени, сколько и для перебежки одного стрелка т. е. полминуты.

В полминуты каждый легкий пулемет, поддерживающий огнем движение отделения, выпустит только 150 патронов, т. е. в 16 раз меньше, чем при переходе этого же отделения одиночным порядком.

Такой расход патронов приемлем и не угрожает высосать все огневые средства наступающего к решительному моменту атаки.

При перебежках забота командира отделения должна быть направлена на возможно быстрое и малозаметное продвижение на новый пункт легких пулеметов или автоматов, состоящих на вооружении отделения, с необходимым числом обслуживающих их стрелков.

Поэтому перебежку отделения пожалуй будет выгоднее совершать очередями. В первую очередь командир отделения, командиры звеньев, наблюдатели (в пулеметных отделениях) и по одному стрелку на звено с патронами. Во вторую очередь все остальные люди отде-

ления. Переброска первой очереди должна сопровождаться огневым толчком соседних частей. Вторая же очередь не будет нуждаться в специально назначенной для нее огневой помощи, так как она может воспользоваться для своего продвижения моментом перебежки или соседнего отделения или своей взводной поддержки.

Дабы исчерпать вопрос об одиночных перебежках на близких дистанциях, я скажу несколько слов о том варианте этого способа передвижения, за который до сих пор крепко держатся сторонники перебежек по одиночке.

Этот излюбленный во многих частях армии способ состоит в том, что стрелок, быстро сорвавшись с места, бежит вперед в согнутом положении, вихляя на ходу из стороны в сторону „зигзагами“ и „камнем“ шлепается животом на землю, пробежав 20—30 шагов.

Способ этот, появившийся в прежней армии после Японской кампании и усиленно рекомендуемый многими старыми наставлениями, ставился в основу обучения бойца рассыпному строю.

Ярые сторонники такого способа продвижения стараются доказать, что неожиданное появление нагоризонте бегущего стрелка, его зигзаобразный бег и падение „камнем“ не дают возможности неприятельским стрелкам поймать его на мушку и тем обеспечивают перебегающего от неприятельской пули.

Так-ли это?

Непременным условием для неожиданного появления стрелка должно быть скрытое его расположение за складкой местности до момента перебежки. Если это условие не соблюдено и готовящийся к перебежке боец виден с неприятельской позиции, то что же помешает противнику заранее навести в него винтовку и спустить курок в момент вскакивания его для перебежки, когда он собой представит наиболее поражаемую цель.

Если же стрелок скрыт горбинкой рельефа от глаз противника, то зачем же ему, вскакивая, подставлять себя под вражеский огонь, когда он может укрыто, пользуясь горбинкой, продвинуться вперед ползком на те же 20-30 шагов.

Что касается целесообразности перебежки „зигзагами“ в согнутом положении перебегающего, то, по моему мнению, такое движение вдвое замедляет быстроту бега, а потому и дает больше времени противнику для прицеливания.

Боевой порядок роты.

Следующий на очереди вопрос, подлежащий разрешению—это: каково должно быть взаимное расположение огневых единиц или порядок боевой части роты в условиях современного боя в период ближнего наступления.

Прежде, чем приступить к рассмотрению этого вопроса, необходимо выяснить, какой ширины должна быть полоса местности, предоставляемая роте для маневрирования на поле боя.

Инструкция, не упоминая о ширине полосы действий роты, говорит, что для уменьшения потерь от огня противника ширина фронта роты может достигать при наступлении до 400 шагов, взвода до 200 шагов.

Таким образом инструкция не дает указаний, какой нормальной ширины должна быть полоса, назначаемая для действий роты. Должна ли она равняться ширине фронта роты или может быть шире его.

Если указанная ширина фронта в 400 шагов будет, вместе с тем, и шириной полосы маневрирования роты, то рота флангами своего боевого порядка может примкнуть вплотную к флангам соседних рот, что, очевидно, вызовет не малое неудобство в управлении движениями и огнем роты, лишенной необходимых интервалов между своими соседями справа и слева.

Ясно, что инструкция, ставя в основу боевого порядка его прерывчатость, не имеет в виду ширину фронта и ширину полосы действий роты сливать во-едино. Поэтому полоса действий роты должна быть, примерно, в 600 шагов, дабы рота имела необходимые интервалы от соседних рот, или же самый фронт боевой части роты придется для этой цели с'узить до 200—250 шагов, что, в свою очередь, значительно стеснит боевую работу роты огнем и маневром.

В дальнейшей разработке вопроса о боевом порядке роты, я буду принимать нормальную полосу действий роты в 600 шагов, а ширину фронта роты в 400 шагов, как более удовлетворяющих современным требованиям прерывчатого фронта наступления частей в пределах 900—200 шагов от позиции противника*).

Рассмотрю теперь, как ротному командиру наиболее выгодно и целесообразно расположить и двигать отделения взводов боевой части роты в предоставленной ей полосе.

В расположении единиц боевой части может быть два основных порядка: в одну линию и в две линии.

Если в боевой части роты находятся два взвода, то при расположении в одну линию, на ширине фронта роты должны разместиться 12 звеньев (по 6-ти в каждом взводе). Следовательно, интервал между звеньями в общем будет в 38—40 шагов (интервалов, фронт—400 шагов).

Сближением звеньев в каждом отделении до 20 шагов можно увеличить интервалы между отделениями до 60 шагов (чертеж № 2).

Однолинейный порядок боевой части роты неоспоримо обладает крупными преимуществами, а именно:

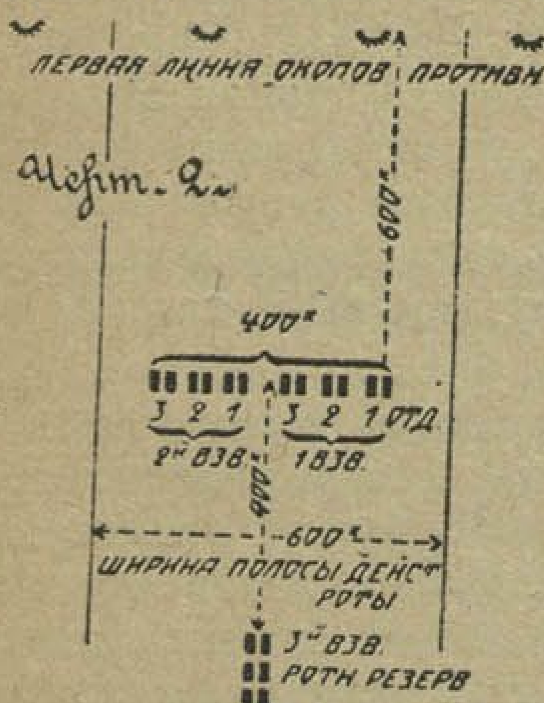
1) Он малозаметен, открывая противнику только 12 головок своих змеек.

2) Удобоприменением к местности, имея возможность, благодаря своей прерывчатости, принимать вправо или влево (не свыше, впрочем, 50 шагов), чтобы пользоваться небольшими укрытиями для своего движения.

*) Необходимость усилить огневое действие наступающей пехоты зачастую заставит давать ротам в два раза меньше участки (а иногда и еще уже). *Ред.*

3) При расположении на одной прямой может использовать огневую силу всех своих автомашин по любой точке неприятельской позиции, не только на своем фронте, но и по участкам, лежащим против соседних рот.

4) Не лишает возможности, не перестраиваясь в цепь, производить и ружейный огонь по некоторым пунктам фронта противника, на сколько это допускают пятидесятишаговые интервалы между отделениями.

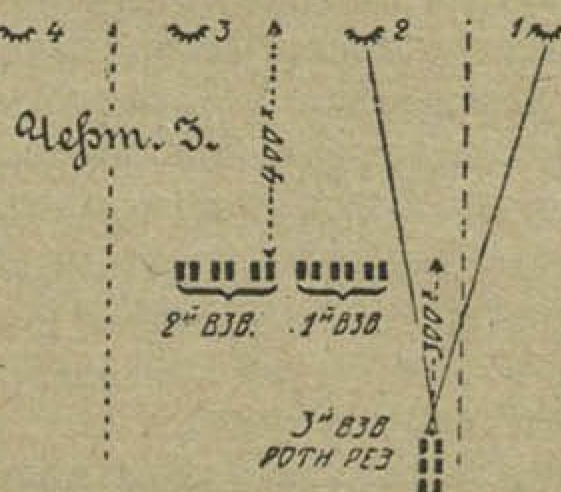
5) Удобен для рассыпания в цепь, как всем фронтом, так и частично участками его.

Но однолинейный порядок при всех своих достоинствах имеет один крупный недостаток: препятствует ротному резерву принимать огневое участие в проталкивании вперед частей боевой линии, так как небольшие интервалы между последними не дают возможности через узкие корридоры обстреливать огневые пункты неприятельского расположения.

Правда, этот недостаток может быть, отчасти, устранен размещением резерва на фланге в уступном порядке в пределах полосы, предназначенной для роты (чертеж № 3).

Но при уступном расположении резерва он безболезненно может направить огонь своих легких пулеметов только на фланговый окоп (№ 1) неприятельского фронта, предназначенного для атаки соседней части, и, не без риска попасть в спину своей фланговой группе, по крайнему неприятельскому окопу своего участка (№ 2).

Затем к невыгодам однолинейного порядка может быть отнесена и ограниченность маневра отделений, связанных малыми интервалами, а также и необходимость наличия прямолинейных рубежей, так как каждая выдвинувшаяся из общей линии часть будет мешать огню сзади стоящей.

Но перечисленные недостатки однолинейного порядка не дают еще основания окончательно отказаться от применения его в период ближнего наступления.

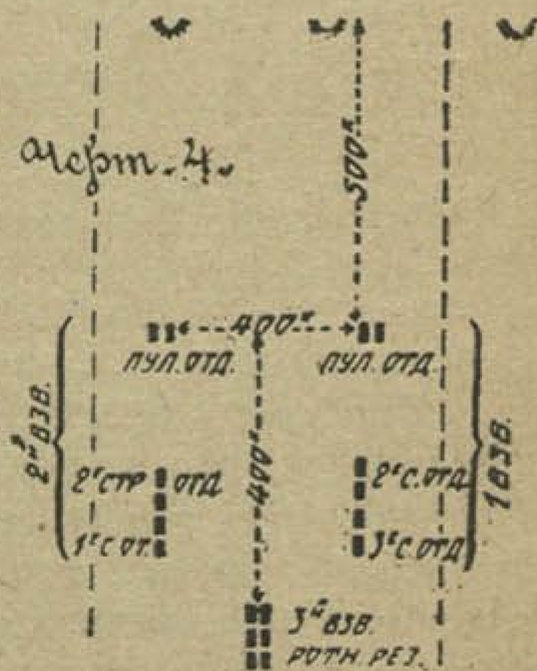
Нет, этот порядок должен и будет применяться во всех случаях, когда пересеченная местность и обилие на ней местных предметов сделает невозможным поддержку движения боевой части из глубины, а также, как мы увидим дальше, и тогда, когда управление огнем и движением взводов будет передано всецело в руки их командиров.

Местность открытия, ровная, не богатая местными предметами, облегчающими скрытность движения, требует применения двухлинейного порядка боевой части роты.

При определении формы строев этого порядка во взводах нужно руководиться тем соображением, чтобы предлагаемые строи, при сохранении преимуществ однолинейного боевого порядка, были чужды его главным недостаткам.

Одним из наилучших строев боевой части роты для действия на открытой местности будет строй для каждого взвода, растянутый в глубину, с большими интервалами между отделениями 1-й линии, которую будут составлять пулеметные отделения, представляющие как бн основу всего боевого порядка роты; вторую линию составят стрелковые отделения взводов, расположенные в затылок пулеметным отделениям, как показано на чертеже № 4.

Изображенный порядок обладает всеми достоинствами однолинейного и устраняет его недостатки, а именно:

1) Отделения 1-й линии (пулеметные) имеют полную свободу в меневрировании на широком фронте без опасения быть поражаемыми с тыла огнем своих поддержек и ротного резерва.

2) Представляют для противника только четыре прицельных точки.

3) Могут направить свой огонь в любой окоп неприятельского расположения.

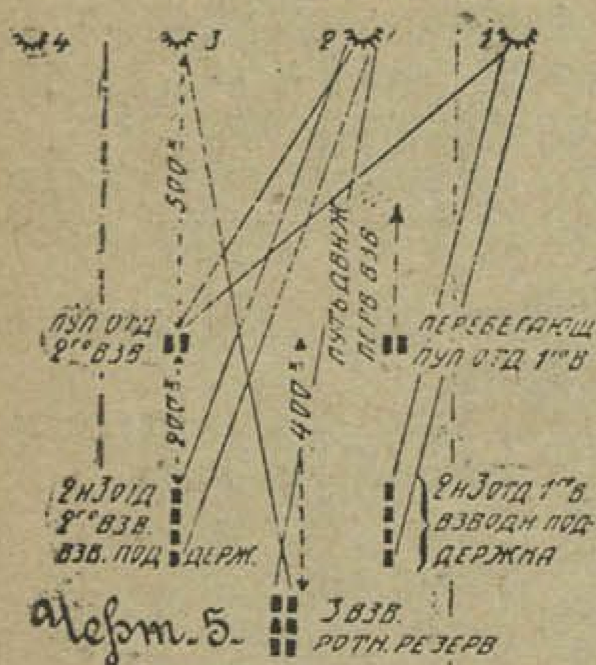
4) Не стеснены необходимостью занимать свои огневые пункты на одной прямой, параллельной фронту неприятельской позиции.

5) Стрелковые отделения взводов, составляющие 2-ю огневую линию, при такой же свободе маневрирования, возможности остановки на любой точке местности и малой заметности со стороны противника, не теряют способности поддерживать наступление групп 1-й линии косоприцельным огнем по всему протяжению участка неприятельской позиции за исключением пунктов, лежащих в направлении движения передовых групп, своих взводов. Но эти пункты в момент наступления пулеметного отделения одного взвода могут расстреливаться самым сосредоточенным и полным огнем (автоматным и ружейным) всех отделений другого взвода. Если прибавить еще и огонь легких пулеметов ротного резерва через широкий интервал между взводами (400 шагов), то огневая помощь перебегающей группе будет весьма могущественна.

Чертеж № 5 схематически изображает огневую поддержку продвижения вперед пулеметного отделения 1-го взвода. В момент перебежки пулеметного отделения 1-го взвода на правофланговый наприятельский окоп № 1 направляется огонь одного пулемета 3-го взвода и огонь (автоматов и ружей) двух стрелковых отделений 1-го взвода, на средний окоп № 2, наиболее препятствующий движению вперед перебегающего отделения, направлен огонь одного пулемета 2-го взвода, одного пулемета ротного резерва и двух стрелковых

отделений 2-го взвода, и левофланговый окоп противника № 3 обстреливается огнем одного пулемета резерва.

Если бы главным препятствием к продвижению пулеметного отделения 1-го взвода был левофланговый пункт противника № 3, а огневая угроза из пунктов № 2 и № 3, благодаря рельефу местности была не велика, то предлагаемый боевой порядок допускает сосредоточить по окопу № 3 огонь всех пулеметов 2-го и 3-го взводов, держа под обстрелом автоматов и стрелков второй огневой линии неприятельские пункты № 1 и № 2.

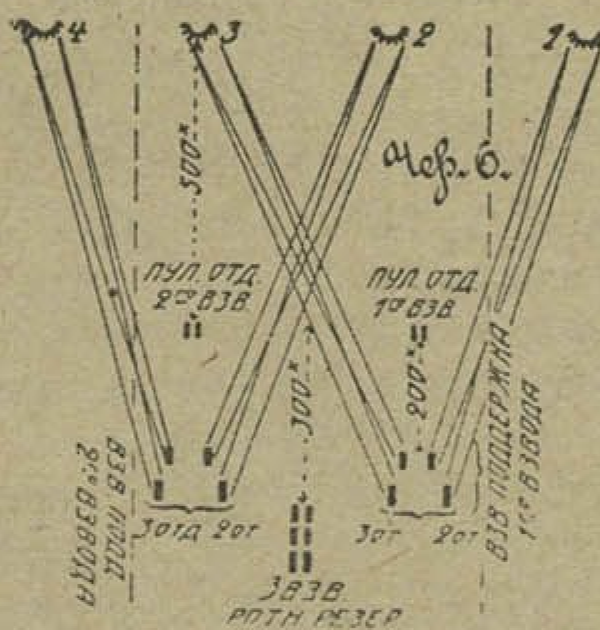
Черт. 5.

Вообще этот боевой порядок в отношении гибкости и удобоприменяемости к местности обладает несомненными плюсами.

Но растянутый в глубину порядок взводов имеет и существенный минус, заключающийся в том, что он отрезывает огнем задних линий путь назад всем одиночным людям, посылаемым из передней огневой линии в тыл за патронами, для связи, раненым и т. п.

Это обстоятельство заставляет отказаться категорически от такого порядка и видоизменить его построением взводов клиньями, при которых отделения 2-й линии располагаются не в затылок группам 1-й линии, а уступами за ними, строя корридоры, обеспечивающие безопасность движения в тыл людей из 1-й огневой линии. (Чертеж № 6).

Клиновой боевой порядок взводов, давая возможность сохранения живой связи с тылом из передовой линии, не нарушает, вместе с тем, ни свободы маневрирования, ни огневой помощи взводных поддержек и ротного резерва.

Чер. 6.

Этот порядок уступает предыдущему порядку растянутых в одну линию в глубину поддержек только некоторым ограничением огня из 2-й линии, откуда уже будет невозможно переносить огонь с правого фланга участка неприятельской позиции на левый и обратно одновременно обоими стрелковыми отделениями взводных поддержек, так как он допускает косоприцельную стрельбу правого отделения во взводе исключительно вправо, а левого только влево от направления движения своего взвода.

Итак боевой порядок взводов в две линии нужно признать наиболее целесообразным для действия на ровной открытой местности, лишенной солидных укрытий.

Предупреждаю, что указанные мною порядки боевой части роты есть не более, как формы, которые потребуют от взводных командиров

умелого приспособления их к местности, а, следовательно, и некоторого изменения в их форме в зависимости от рельефа.

Взводным командирам следует всегда памятовать, что местность повелевает формой и служит самым верным указателем интервалов, дистанций и строев боевого порядка.

Если командир взвода будет глух к требованиям, которые пред'явит ему местность, то он рискует, слепо держась формы, заплатить за пренебрежение к указаниям местности, обильной кровью своих подчиненных, а, может быть, и обречь на неуспех выполнение данной ему боевой задачи.

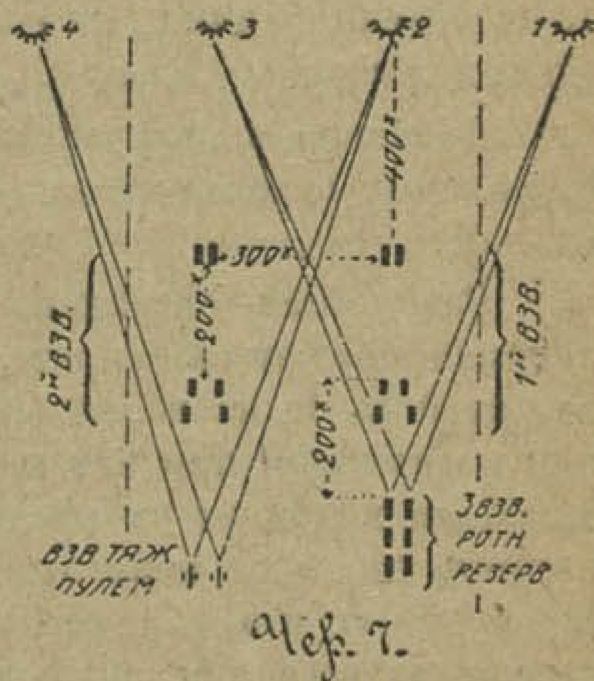
Вопрос о размещении взводных поддержек мною уже разрешен при рассмотрении порядков боевой части роты.

Дистанции между взводными поддержками и 1-й огневой линией определяются не только расположением и движением их в таком расстоянии, чтобы неприятельский пехотный огонь, направленный по отделениям боевой части, не поражал их и чтобы они находились от боевой части ближе, чем противник, но, главным образом, удаление взводных поддержек от передовых частей определится условием возможности огневой помощи этим частям.

А это непременное условие, тесно связанное с рельефом местности, вынудит в некоторых случаях не только сокращать дистанции (при остановках на огневых пунктах) между 1-й и 2-й огневыми линиями, но и сливать их вместе, образуя однолинейный боевой порядок.

А где же располагать и двигать в период ближнего наступления ротный резерв?

Ответ прост: ротный резерв располагается там, где он может успешно из глубины направить огонь свой по наиболее важным пунктам участка неприятельской позиции, предназначенного для атаки роты, захватывая, если возможно, своим огнем и ближайшие пункты соседних участков расположения противника.

Черт. 7.

Местность и порядок боевой части укажут, где останавливаться ротному резерву для огневой поддержки: в интервалах-ли между боевыми взводами, на фланге или в затылок одному из взводов.

Последнее размещение имеет неоспоримые выгоды, в особенности если в распоряжении ротного командира будет находиться взвод тяжелых пулеметов, который ему удастся выдвинуть на высоту ротного резерва.

Расположив, при клиновом строе взводов, ротный резерв в затылок одному из них, командир роты может тяжелые пулеметы поставить за другим взводом (Чертеж № 7).

При этом расположении не только все пункты неприятельского фронта, лежащие в полосе действия роты, будут обстреливаться из

глубины 3-й огневой линии, но и ближайшие огневые очаги соседних участков противника будут под огнем этой же линии.

Выбор пути движения ротного резерва должен быть предоставлен его начальнику, которому следует отдать для использования всю ширину полосы, назначенную для действия роты, дабы все складки и местные предметы могли служить резерву укрытием для незаметного продвижения вперед на те пункты, где командир резервного взвода может безопасно, в зависимости от формы боевого порядка передней линии, открывать поддерживающий огонь с тыла.

Движение и огонь роты.

Взаимодействие огня и движения роты разрешается двумя способами:

Первый способ Взводным командирам предоставляется полная свобода огня и маневра, при чем поддержка продвижения вперед каждой огневой единицы производится только огневыми силами взвода, без содействия соседей.

Второй способ. Организацию движения и огневой поддержки командир роты берет в свои руки, заставляя два взвода открывать огонь в моменты движения третьего.

Чтобы прийти к обоснованному заключению, какой способ более действителен в огневом отношении, придется обратиться к подсчету огневых сил взвода.

Принимая за огневую единицу огонь автомата (50 выстрелов в минуту), огонь легкого пулемета будет равен 6-ти огневым единицам (300 выстрелов в минуту), а ружейный огонь звена составит приблизительно также одну огневую единицу (10 выстрелов в минуту из 5—6 винтовок).

Следовательно, сила автоматического огня взвода будет равна 16-ти огневым единицам: 4-х огневых единиц автоматов, 12 таковых же единиц легких пулеметов.

Прибавив к этой сумме еще 4 огневых единицы ружейного огня стрелковых отделений, вся сила огня взвода выразится в 20 огневых единиц.

Располагая названным количеством огневых единиц, взводный командир может самостоятельно вести наступление, только перекатывая свой взвод на новые огневые точки по частям, т. е. по отделениям или по звеньям, при чем перебегающие вперед части будут поддерживаться в момент их продвижения огнем частей, стоящих на месте, которые для этой цели вынуждены будут иногда перестраиваться в строй цепью, что повлечет за собой сокращение интервалов между соседними взводами, а это, в свою очередь, может вызвать прекращение из глубины огня тяжелых пулеметов, если они не могут по расстоянию от противника и по условиям местности вести огонь через головы передовой линии.

Если потребуется перекатить на следующий огневой пункт одно из стрелковых отделений, командир взвода для его поддержки может пустить в ход 16 огневых единиц (20 всех огневых единиц взвода минус 4 единицы перебегающего отделения).

Если же предстоит продвижение вперед пулеметного отделения, взводный командир будет располагать для его поддержки только восемью огневыми единицами (20—12=8).

Но таковой огневой помощи будет далеко не достаточно, если принять в соображение, что взводу в момент броска вперед придется иметь дело минимум с тремя огневыми пунктами противника: одним—перед фронтом и двумя—с флангов на участках наступления соседних взводов.

Если каждый неприятельский пункт будет занят только одной боевой группой или дружиной в составе 12 стрелков (польская и французская организация) с одним легким пулеметом, а, может быть, еще и с одним автоматом, то сила каждого пункта сопротивления будет равна 7-ми огневым единицам, не считая его ружейного огня.

Следовательно, нашему наступающему взводу выпадает на долю вести борьбу в моменты перебежек с 21-й огневой единицей противника.

Очевидно, что побороть огонь этих двух десятков огневых единиц огнем своих 8-ми единиц будет немыслимо, и взводному командиру для усиления огня придется прибегнуть к продвижению пулеметного отделения по частям. Таким способом командир взвода, присоединяя к 8-ми огневым единицам еще один пулемет, увеличит свою огневую силу до 14 единиц.

Эта мера, удлиняя время перехода на новый пункт и увеличивая вследствие этого вдвое расход патронов на каждый пулемет, автомат и ружье, все-таки не достигает своей цели—огневого превосходства над противником, хотя бы на самый короткий промежуток времени, и переброска пулеметного отделения на новое место боевого поля совершится с изрядными потерями.

Я заранее слышу возражение: Позвольте, да ведь фланговые неприятельские пункты расположены в полосах наступления соседних взводов и, естественно, будут направлять свой огонь по этим последним, а, следовательно, продвигающемуся взводу можно будет всю силу своих 14-ти огневых единиц бросить на пункт, предназначенный ему для атаки и таким образом, подавить семь огневых единиц этого пункта.

Да, это так, но при непременном условии одновременной перебежки всех очередных огневых единиц на фронте нескольких рядом действующих рот.

Если какая либо из групп опоздает, хотя бы на одну минуту, подняться для перебежки, лежащий против нее огневой неприятельский очаг в течение этой минуты успеет из своего пулемета и автомата выпустить по перебегающей группе 300—350 пуль, которые, несомненно, произведут не малое опустошение в рядах этой последней.

Да и как достигнуть пунктуальной одновременности перебежек разных взводов и рот.

Может быть сигналом для всеобщего поднятия перебегающих во взводах отделений или звеньев послужит начало перебежки первой из них, изготовившейся для этой цели.

Но такой способ регулирования движения принесет пользу только тогда, когда к моменту перебежки первой изготовившейся части и остальные взводы рот боевой линии баталиона успеют окончательно соорганизовать свой поддерживающий огонь и будут сами готовы к перебежке передовыми частями, иначе перебегающие отделения и звенья произведут перекат на новую линию без огневой помощи и тем дадут возможность противнику безнаказанно расстреливать их во время перебежек.

Может быть будет более целесообразным, взводам, готовым для продвижения вперед, не торопиться со своим маневром, а подождать изготовки прочих взводов боевой части.

А как определить, сколько времени должен продолжаться этот ожидательный период? И как узнать, готовы ли к переходу вперед все взводы боевой части баталиона или нет?

Ведь если каждый взвод в роте, из боязни сорваться для перебежки преждевременно и попасть вследствие этого под перекрестный огонь соседних участков неприятельской позиции будет обрекать себя на выжидательное состояние, то весь боевой порядок, вместо энергического наступления, рискует на неопределенное и весьма продолжительное время пришиться к месту.

Итак, при предоставлении взводам полной свободы огня и маневра в период ближнего наступления, взводным командирам придется располагать только своими весьма скромными огневыми средствами для облегчения сближения на штык с противником и не расчитывать на своевременную помощь пулей своих соседей.

Не та картина получается, когда управление наступлением в рассматриваемый период боя будет находиться в руках ротного командира и основной принцип взаимной огневой выручки в более широком масштабе будет выдвинут на первенствующее место.

Посмотрим, сколько огневых единиц может быть при клиновом порядке пущено в дело для поддержки перебежки пулеметного отделения одного из взводов, когда управление огнем будет сосредоточено в руках ротного командира.

В этом случае к 14-ти огневым единицам взвода, перемещающего свой огневой пункт вперед, можно присоединить огонь двух легких пулеметов другого взвода боевой части роты и полный огонь ближайшего стрелкового отделения 2-й линии того же взвода, т. е. 16 новых огневых единиц.

Прибавив еще сюда огонь двух легких пулеметов ротного резерва, вся огневая выручка наступающего отделения выразится в весьма солидной цифре—в 42 огневых единицы (14+16+12). Это будет действительно огонь, способный заставить противника, владеющего на

участке наступления роты 20-ью огневыми единицами, запрятать свои головы за бруствер и тем прекратить огонь, препятствующий продвижению пулеметного отделения наступающего взвода.

Да, наконец, при таких сильных огневых средствах и не будет надобности продвигать отделения раздельно, по звеньям, а можно будет бросать их вперед целиком, что сократит как время перехода с одного пункта на другой, так и расход драгоценных в бою патронов.

Неоспоримо тесное взаимодействие движения одного взвода с огнем других взводов в значительной мере облегчит трудность приближения наступающего к последнему огневому рубежу, но такое взаимодействие нуждается для своей согласованности в личном управлении ротного командира, что и подчеркивается инструкцией.

Между тем рассосредоточенность боевого порядка служит большим тормазом для этого управления, а иногда и совершенно лишает ротного командира возможности руководить действиями и огнем взводов, как говорит инструкция в главе об управлении огнем.

Какое же обстоятельство может наиболее затруднить, а иногда и совсем вырвать из рук ротного командира управление действиями частей своего боевого порядка.

Только одно обстоятельство может служить препятствием к этому управлению: потеря или совершенная невозможность сохранения непосредственной зрительной связи между ротным командиром и стрелковыми взводами.

Рощи, кустарники, населенные пункты, высокие хребты и отдельные сопки, в изобилии разбросанные по полю боя, конечно будут часто прерывать зрительную связь между ротным и взводными, а, вместе с тем, и прекращать управление огнем и движениями не только боевой части, но может быть и ротного резерва.

При такой обстановке несомненно выгоднее командиру роты отказаться от непосредственного руководства огнем и, передав это руководство всецело в руки взводных командиров, предоставить им полную свободу действий.

Местные предметы, эти вредители зрительной связи, явятся в то же время пособниками для укрытого маневрирования взводов. А укрытое маневрирование в значительной степени сократит надобность в огневой поддержке, так как взводу придется вступать в огневую борьбу только с теми неприятельскими пунктами, от которых местные предметы не будут в состоянии прикрыть наступление взвода.

Обращаюсь теперь к вопросу, каким способом организовать ротному командиру под действительным пехотным огнем противника управление действиями боевой части и ротного резерва, когда на боевом поле нет местных предметов, застилающих от глаз ротного командира впереди действующие взводы.

Самый удобный и верный способ управления зрительной сигнализацией: флагами, указками или ракетами.

Сигнализация эта должна быть проста для передающего и легко-понимаема для принимающего.

В предвидении возражения, что передача приказаний условными знаками или флажками по азбуке Морзе мало применима в бою и вызывает постоянные недоразумения в понимании языка этой сигнализации, я в конкретной форме изложу, как я предполагаю наладить зрительную связь между ротным командиром и взводными, а также и связь между командирами соседних взводов, при условии сохранения простоты и легкой воспринимаемости сигнальных знаков.

Все управление движениями и огнем взводов боевой части резерва будет исполняться по трем знакам.

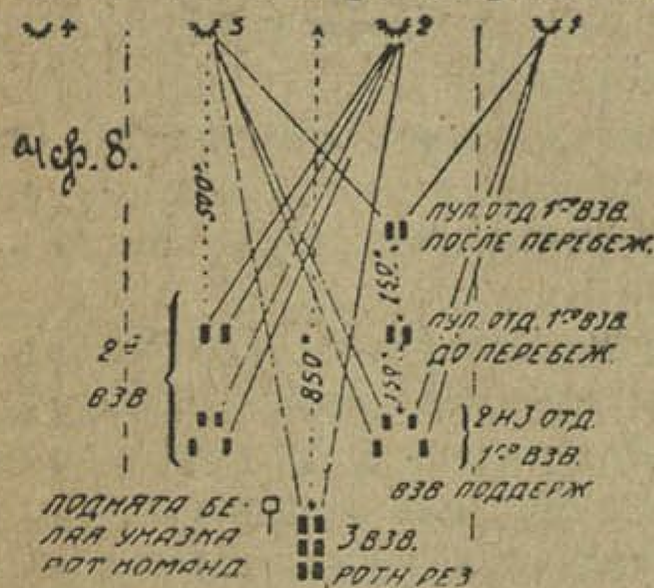
Для этой цели в руках ротного командира или находящегося при нем сигналиста будет два флага или, еще лучше, две указки, прикрепленных на двух аршинных легких древках: одна—красного, другая—белого цвета. (В зимнее время белая указка заменяется темно-синей или черной, как более выделяющейся на фоне снега). Флаги или указки по своим размерам должны быть ясно видимы на расстоянии 600—700 шагов.

Поднятие белого флага будет обозначать начало перехода перебежками первого взвода на новый огневой пункт и в то же время открытие огня остальными двумя взводами.

Красный флаг—знак для движения 2-го взвода и огня 1-го и 3-го взводов.

Поднятые оба флага вместе означают наступление 3-го резервного взвода и одновременную огневую поддержку его движения взводами боевой части.

Таким образом появление белой указки с пункта нахождения ротного командира (чертеж № 8) будет приказанием 2-му взводу направить огонь своих легких пулеметов и правофланговому стрелковому отделению взводной поддержки на пункт № 2 (или пункты), предназначенный для атаки 1-му взводу, и 3-му резервному взводу обстрелять своими пулеметами, через интервал между взводами боевой части, неприятельские пункты (№ 2 и № 3), лежащие в секторе их огневого действия.

По этому же знаку, тотчас же после открытия огня 2-м и 3-м взводами, пулеметное отделение 1-го взвода производит свой бросок на новую огневую точку, поддерживая перебежку огнем отделений 2-й линии на пункты противника (№ 1 и № 3) находящиеся вправо и влево от направления движения пулеметного отделения.

Вторично показанный белый флаг (или белая указка), после перемещения пулеметного отделения 1-го взвода на новый огневой рубеж, будет служить приказом для перехода второй огневой линии 1-м взводом или сразу обоими стрелковыми отделениями или по очереди, по усмотрению командира этого взвода, и для новой вспышки

огня со стороны 2-го и 3-го взводов по вышеуказанным пунктам неприятельской позиции.

Переместившееся на новую точку пулеметное отделение 1-го взвода будет обстреливать по тому же сигналу одним пулеметом пункт (№ 3), лежащий влево от направления его движения, а другим пулеметом пункт (№ 1), расположенный вправо от этого направления т. е. по целям, огонь на которые будет прекращен сзади двигающимися отделениями (чертеж № 8).

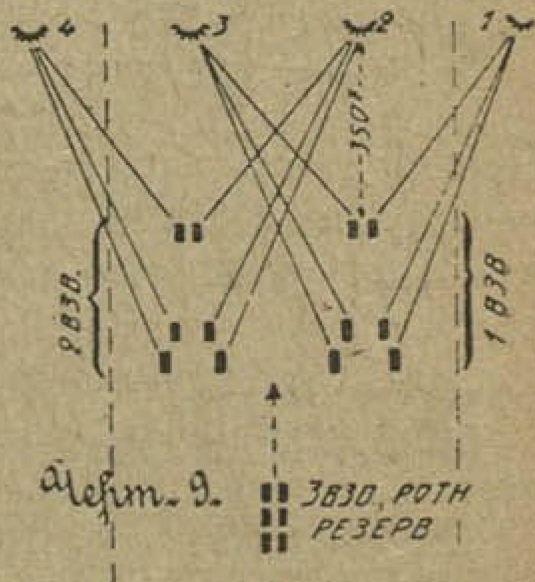
Подобным же образом, по выставленной красной указке, будет производиться переход пулеметного отделения 2-го взвода боевой части на новую огневую линию, при помощи огня 1-го и 3-го взводов,

Если командир роты найдет более выгодным сначала двинуть вперед по очереди пулеметные отделения обоих взводов боевой части, а после их перехода на новые огневые точки постепенно переместить за ними взводные поддержки, то он, после поднятия белой указки, означающей движение пулеметного отделения 1-го взвода, поднимает красную для продвижения вперед пулеметного отделения 2-го взвода, за ней снова белую для перебежки отделений 2-ой линии 1-го взвода и, наконец, опять красную указку для переброски взводной поддержки 2-го взвода.

Переход ротного резерва на удобную для стрельбы точку происходит по одновременному появлению обеих указок (белой и красной).

Огневая помощь по этому сигналу взводов боевой части показана на чертеже № 9.

Принцип взаимной огневой поддержки между взводами не только одной роты, но и соседних рот должен производиться систематически на каждом учении, дабы этот принцип впитался в кровь и плоть каждого начальника, до командира звена включительно, и перенос огня стоящей на месте группы на соседний участок противника в момент движения рядом действующего отделения должен производиться чисто механически.

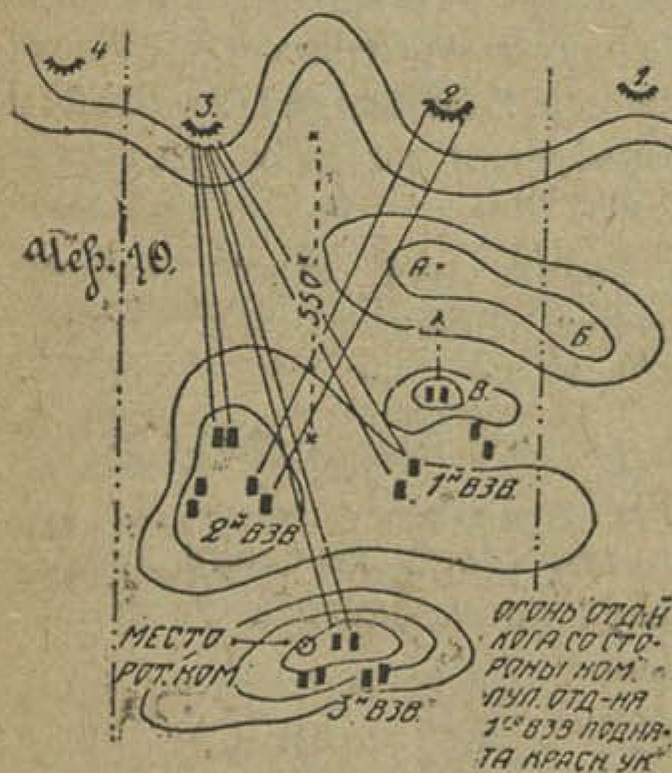
Бросание своего огня по неприятельским пунктам, лежащим против фронта соседних взводов, отвечает также и принципу коспоприцельности огня, что и подчеркивается „Инструкцией".

Но предложенная мною система косоприцельного и перекрестного огня будет правильной только в том случае, когда пунктами, наиболее препятствующими движению вперед огневых групп, будут пункты, расположенные прямо перед фронтом этих последних, что будет иметь место на гладком или покатом к противнику поле с очень слабым рельефом.

Самое обыденное явление, когда выпуклость местности, прикрывая наступающую группу от фронтального огня с пункта, лежащего прямо перед группой, способствует косоприцельному неприятельскому огню со стороны какой нибудь фланговой огневой точки противника, которая и явится в данном случае наиболее угрожающей движению наступающего отделения.

Так на чертеже № 10 возвышенность А—Б прикрывает с фронта от неприятельского окопа № 2 движение пулеметного отделения 1-го взвода с точки В на точку А, но подступы к возвышенности АБ фланкируются со стороны окопа № 3.

Естественно, что задачей поддерживающих частей (в данном примере 2-го и 3-го взводов) будет главным образом парализование огня окопа № 3, затрудняющего движение наступающей группе, а для этого необходимо огонь пулеметов, а отчасти и автоматов поддерживающих частей направить уже не на окоп (№ 2), лежащий в направлении перебегающего отделения, а на окоп № 3, т. е. от командиров отделений, стоящих на месте взводов, требуется в данном случае, чтобы они стреляли не туда, куда указывает им изложенная выше система косоприцельного огня.

Но каким образом командиры поддерживающих отделений (2-го и 3-го взводов) будут знать, что им нужно в данный момент изменить направление их огня.

С места своего расположения они не могут точно определить какой окоп противника наиболее вредоносен для перебегающего отделения.

Командир роты также не в состоянии дать поддерживающим взводам соответствующие указания на этот счет, ибо с места своего нахождения ему не всегда видно, какой огневой очаг противника будет вредить продвигающейся части.

Это будет знать только командир перебегающего отделения, и он один может дать вполне правильное указание для направления огня и соседним взводам и ротному резерву.

А каким же способом он даст это указание?

Сигнализированием указками.

Указки отделенного командира должны быть—одна красная, а другая белая (зимой черная), по размерам своим хорошо различаемая с 500—600 шагов, и непременно иной формы, чем указки ротного командира.

Если последние имеют вид прямоугольника или квадрата, то указки отделенных командиров должны быть трехугольной или круглой формы.

Поднятие вверх красной указки будет обозначать, что от соседнего взвода и резерва требуется сосредоточить огонь по пункту, лежащему влево от линии движения перебегающего отделения, а поднятие белой указки будет требованием поддерживающего огня на правый пункт от указанной линии.

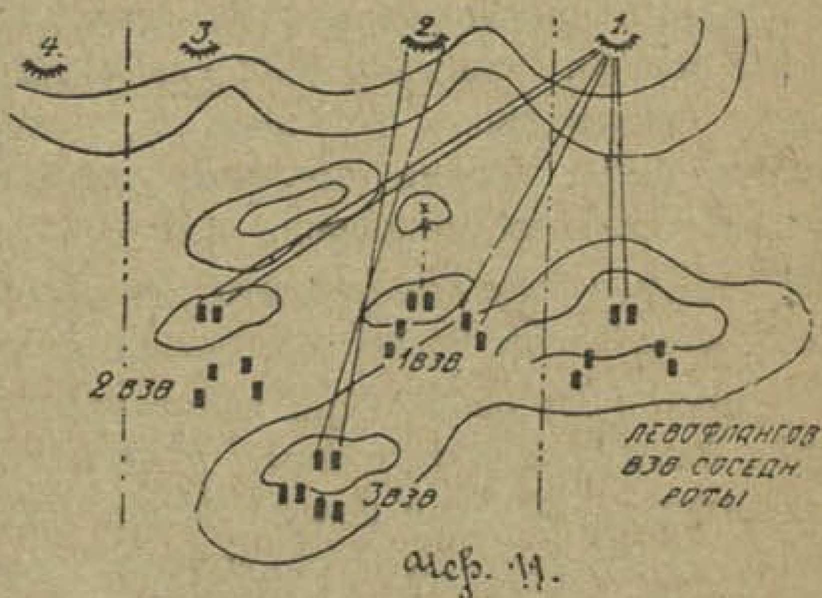
На чертеже № 10 показано, куда пулеметные отделения 2-го и 3-го взводов должны направить свой огонь, когда со стороны командира пулеметного отделения 1-го взвода поднята красная указка.

Исполнение требования отделенного командира об огневой поддержке в определенном направлении обязательно не только для огневых пулеметных отделений своей роты, но и соседней, если угрожающий движению неприятельский пункт будет находиться в полосе действия этой последней, и если ближайшая огневая единица соседней роты в этот момент сама не будет в движении или не будет занята поддержкой продвижения другого отделения своей роты.

А что же делать командиру отделения, изготовившегося к перебежке, когда ближайшее отделение соседней роты само в это время перебегает или поддерживает своим огнем перебежку другой группы своей роты?

Да ничего не делать, так как продвижение какой бы то ни было части рядом действующей роты обеспечивает его перебежку со стороны пунктов, лежащих против фронта этой последней, ибо всякое движение вперед и в соседней роте будет сопровождаться поддерживающим огнем, часть которого будет сосредоточена и по пункту, препятствующему переходу его отделения на новую точку.

Чертеж № 11 изображает направление огня, как своей роты, так и ближайшего отделения соседней роты, когда со стороны командира пулеметного отделения 1-го взвода поднята целая указка.

Черт. 11.

В отношении возможности сохранения непрерывности зрительной связи на открытой местности между ротным командиром и взводными, с одной стороны, и между последними, с другой, возражений, вероятно, не будет, так как для этой цели у командира роты имеется целое звено связных, а у взводного командира его помощник, наблюдатель и два связных.

Если взводный командир назначит одному из связных следить за действиями и сигналами своего правого соседа, другого—за действиями и знаками влево расположенного взвода, наблюдателю не упускать из вида противника и поле боя, и своему помощнику поручит зорко смотреть за сигнализацией ротного командира, то оптическая связь будет надежно обеспечена.

Что касается техники боевой работы тяжелых пулеметов и их расположения, инструкция ограничивается весьма краткими указаниями, которые не дают ротному командиру практических данных, как ему руководить действиями этого могущественного огневого средства для подталкивания вперед в последний период наступления, как боевой части роты, так и ее резерва.

В современном бою тяжелые пулеметы с их закрытыми позициями, наблюдательными пунктами, оптическими прицелами и угломерами берут на себя роль полевой артиллерии с момента сближения с противником на такое расстояние, когда артиллерия откажется содействовать дальнейшему продвижению пехоты огнем по первой линии неприятельских окопов из опасения бить по своим.

С одной стороны, у ротного командира будет стремление ставить приданные роте тяжелые пулеметы на дальние дистанции от противника, дабы дать им возможность, стрельбой через головы наступающих, не переставать проталкивать мелкие части роты вперед до последнего огневого рубежа, а, с другой стороны, у того же ротного командира может явиться весьма понятное желание иметь эту „машину без нервов“ вблизи ротного резерва, чтобы настильным огнем с близких расстояний косить ряды противника.

Наставление не указывает,—может ли командир роты расчитывать на то, что первая задача тяжелых пулеметов будет выполняться огневыми резервами батальонного командира, и он, командир роты, со спокойным сердцем может продвинуть на дистанцию действительного огня приданные в его оперативное подчинение тяжелые пулеметы.

Еще есть не разрешенный вопрос: как будет ставить правильные и выполнимые задачи для тяжелых пулеметов руководитель их огня, ротный командир или его помощник, не знакомый с устройством пулеметного угломера и оптического прицела и имеющий, может быть, весьма смутные представления о технике стрельбы с помощью этих приборов.

Вопрос этот незамедлительно требует своего разрешения с детальной разработкой нового наставления стрельбы из тяжелых пулеметов.

Закончив свой очерк совместных действий мелких частей в период ближнего наступления, я расчитываю, что отделенные и взводные командиры найдут в нем не только канву для пользования инструкцией, но и некоторые практические приемы для управления движением и огнем своих частей на поле боя.

Н. Какурин.

Польский авангард и борьба с ним.

I.

Опыт всякой продолжительной войны, после научной его обработки, дает возможность дополнить или усовершенствовать теорию военного дела, что и обеспечивает ее дальнейший прогресс. В зависимости от того, насколько правильно и всесторонне учтен и изучен этот опыт и насколько правильно сделаны из него выводы, теория военного искусства продолжает итти по верному пути или сбивается на ложный путь, и тогда лишь испытания новой войны и более всесторонняя оценка ее опыта направляют военное искусство на правильный путь.

Всем сказанным выше мы хотим подчеркнуть, что теория военного дела разрабатывается еще в мирное время и предопределяет те способы, которыми будут действовать противники на войне.

Таким образом прогноз военного искусства становится для нас вполне возможным и вполне уместным, иначе-бы, основываясь лишь на опыте и способах действий минувшего, военное дело всегда отставало-бы от современной действительности.

Другое дело—насколько этот прогноз будет близок к грядущей боевой действительности; все будет зависить от тех методов научного исследования, которые положены в его основу.

Во всяком случае боевая действительность будущего является той абсолютной истиной, которую современные методы научного исследования и человеческого мышления не могут предугадать вполне точно и безошибочно; ее можно сравнить с тем математическим центром попадания, вокруг которого с большим или меньшим приближением группируются попадания ряда выстрелов.

Так и выводы теории военного искусства о тактике будущего с большим или меньшим приближением соответствуют боевой действительности будущего или удаляются от нее.

Это наше положение мы могли-бы доказать рядом исторических примеров, но в виду того, что это уже сделано нами в одной из наших статей *) и значительно удлинило-бы нашу настоящую статью, мы предпочитаем перейти прямо к делу.

В настоящее время опыт только-что минувшей эпохи великих войн настолько уже научно обработан, что на основании его военная мысль на Западе и у нас приступила к научным обоснованиям тактики будущего. Эта работа коснулась всех областей военного дела и в каждую из них внесла более или менее заметные коррективы, дополнения и усовершенствования.

Общий характер этой работы, по крайней мере на Западе, представляется нам в виде, если можно так выразиться, детализации

*) «Методологические предпосылки к курсу общей тактики в Военной Академии Р. К. К. А.». *Н. К.*

теории военного дела, являющейся следствием чрезвычайно сильного роста техники, которая вводит в военное дело, вместо ранее бывших неизвестных, постоянные, определенные величины, дающие все менее и менее места случаю и непредвиденности.

Для примера возьмем, хотя-бы, вопрос о содействии артиллерии своей наступающей пехоте на поле сражения. До великой мировой войны тактики всех европейских армий смотрели на этот вопрос весьма просто: они обозначали его несколькими общими штрихами. Основное положение гласило: артиллерия помогает продвижению своей пехоты. Пехота начинает движение и продолжает его самостоятельно, выполняя акты сближения, наступления и штурма, а артиллерия помогает ей, заставляя противника прятаться за бруствера своих окопов и лишь в виде крайней меры вступая в борьбу с артиллерией противника.

Великая мировая война, как мы знаем, произвела полную революцию в этом вопросе, с одной стороны, а, с другой стороны, вопрос о взаимодействии пехоты и артиллерии на поле сражения развила чуть-ли не до степени целой науки. Способы ведения и организации заградительного огня развились, например, в целую теорию. Как мы уже сказали, то-же явление детализации, развития и углубления отдельных общих положений происходит почти и во всех других, какую ни взять, отраслях военного дела. Так постепенно складывается и вырабатывается тактика будущих машинизированных армий. В чем будет заключаться ее характерное отличие от тактики предшествующей эпохи? На наш взгляд в том, что она будет более научна, основываясь главным образом на технике с ее положительными и поддающимися заранее точному учету данными. Короче говоря, тактика машинизированных армий в то уравнение со многими неизвестными, которым до сих пор являлся бой, подставит ряд вполне определенных величин, которые число неизвестных низведут до крайне ограниченных размеров и, может быть, дадут возможность решать боевую задачу так-же, как математик решает свое уравнение с одним, двумя неизвестными. Мы отлично сознаем, что нашу мысль надо подтвердить доказательствами, дабы она не показалась парадоксальной. Когда-нибудь мы и постараемся сделать это, а теперь, сделав это последнее отступление, перейдем к вопросу об авангардах, ибо с столкновения этих последних начнется боевая действительность будущего.

II.

На первый взгляд опыт мировой войны не внес особых изменений в тактические взгляды на роль и значение авангардов, однако, при более внимательном изучении взглядов современной военной мысли в этой области, мы можем подметить некоторые особенности и характерные подробности.

Прежде всего, они касаются роли и значения авангарда в предстоящем боевом столкновении. Французская, а за нею и польская военная литература не склонны придавать особенно самостоятельного

значения авангарду. Французы, в лице Кюльмана, определенно придерживаются взгляда, что авангард является лишь часовым общего развертывания колонны; он должен избегать решительных действий, особенно до начала развертывания колонны, дабы риском отдельного поражения не скомпрометировать этого развертывания.

Немцы придерживаются более решительной точки зрения; они прямо говорят, что назначение авангарда, в числе прочих задач, на него выпадающих, заключается и в том, чтобы *сломить слабое сопротивление неприятеля*, т. е. высказываются за большую его активность; это еще более сквозит в указаниях их устава для действий авангарда во встречном бою, где артиллерии авангарда рекомендуется оказывать поддержку своей авангардной пехоте в „быстром и безудержном отвоевании у противника важных, по фронту и на флангах расположенных, пунктов местности, господствующих высот, удобно расположенных артиллерийских наблюдательных пунктов, деревень и лесов“ (ст. 262 германского устава. Вождение и бой соединенных родов войск. В. В. Р. С. изд. 1922 г.).

Итак, на лицо две точки зрения: одна, французская и польская, о более осторожных, пассивных действиях авангарда, другая, немецкая, о более решительных его действиях.

Эти точки зрения, диаметрально противоположные, являются отражением тех, германской и французской, военных доктрин, которые, можно сказать, не изменились и после опыта великой мировой войны. Французская военная доктрина, как известно, преследует цель, сковав противника на всем фронте, изнурив его продолжительными усилиями, разгадать его намерение и затем нанести ему мощный удар свежими резервами из глубины, сохраняя последнее напряжение для решительного акта боя; германская-же военная доктрина стремится по прежнему, не тратя времени на разгадывание намерений противника, сама навязать ему свое решение, что предопределяет собою более решительный образ действий с развитием маневра на флангах.

Мы позволим себе нашу собственную точку зрения привести в конце настоящей статьи.

Если германская и французская точки зрения на роль и значение авангарда и расходятся между собою, то они сходятся в одном: в необходимости сильного обеспечения авангардов техническими средствами борьбы. Французы силу авангарда основывают на этих именно средствах. Пехота авангарда, по французским взглядам, играет соподчиненную роль при этих средствах, являясь как-бы их охранением. Отсюда необходимость иметь в составе авангарда все те средства огневой борьбы, которые допускают разрешение разнообразных задач современного боя. Следовательно, как правило, наличие в составе авангарда не только полевой, но и дальнобойной и полутяжелой артиллерии. Вот новая данная, как результат опыта мировой войны; то, что делалось раньше лишь некоторыми новаторами и усиленно практиковалось лишь немцами, ныне входит во всеобщую

практику и утверждается теорией и уставами всех армий. Но и в этом вопросе немцы идут дальше и решительнее французов по пути более скорого использования своих средств артиллерийской борьбы; они склонны придавать отдельные орудия или взводы полевой или полутяжелой артиллерии даже некоторым частям походного охранения авангарда.

Вопрос о применении и использовании бронечастей в опыте мировой войны и последующих гражданских нашел лишь подтверждение тех взглядов, которые господствовали в этом отношении до начала великой мировой войны: этот род оружия наиболее пригоден именно для придачи его передовой коннице и авангардам.

Отметим здесь, что наше военное искусство имеет несравненно больший опыт в использовании и применении бронечастей, чем Запад, в силу свойств и особенностей нашей гражданской войны. В развитии этого рода войск и его тактики мы можем пойти вполне самостоятельным путем, если не остановимся на нем или не свернем на проторенную дорожку чужого опыта, когда под руками есть свой богатый и разнообразный. Первые шаги в этом направлении были уже сделаны практикою; их остается продолжить и научно обосновать; мы говорим здесь о типе легкого автогрузовика, приспособленного к нашим дорожным условиям и вооруженного пулеметами, который имеет уже свое славное прошлое в истории нашей борьбы с волною бандитизма.

Наконец, в отношении силы авангарда взгляды почти всех военных авторитетов удивительно совпадают, что можно об'яснить однотипной организацией почти всех современных армий; современная трехполковая дивизия выделяет в авангард, как правило, одну треть своих сил, т. е. один пехотный полк с более значительным, чем это было в период начала мировой войны, количеством артиллерии, при том различного типа. Вот в этом, подчеркиваем еще раз, заключается существенная особенность современной и предстоящей нам эпохи по сравнению с эпохой начала великой мировой войны; *то, что было раньше исключением, ныне является общепризнанным правилом.*

Как известно всем практикам военного дела, вопрос об удалении авангарда от колонны главных сил практически разрешался крайне разнообразно, да и может так разрешаться в зависимости от каждого частного случая обстановки. Поэтому большинство уставов старых и современных, стремясь дать исполнителям в этом отношении большую свободу, ограничиваются очень общими указаниями. Вот что, например, по этому вопросу говорит последний германский полевой устав: „Расстояние между главными силами и авангардом должно определять так, чтобы, с одной стороны, главные силы не могли быть сразу-же вовлечены в бой, в который уже пришлось вступить авангарду, а начальник их мог-бы сохранить за собою свободу действий, а, с другой стороны, чтобы и авангард мог своевременно получить поддержку со стороны главных сил. Поэтому при слабом авангарде рекомендуется удалять его лишь на небольшое расстояние от

главных сил (§ 175 германского устава. Вождение и бой соединенных родов войск. В. В. Р. С. изд. 1922 г.).

Само собою практика влечет к установлению некоторых шаблонов; эти шаблоны, преследуя одну общую цель: обеспечить голову колонны главных сил от дальнего артиллерийского огня противника рекомендуют различные способы расчета удаления колонны авангарда от колонны главных сил.

В практике до-военного времени в старой русской армии считалось вполне достаточным, если между хвостом авангарда и головой колонны главных сил дивизии будет соблюдаться дистанция в 4 версты. Исходя из этого соображения, многие начальники назначали выступление головы колонны главных сил дивизии с общего исходного пункта час спустя после прохождения его хвостом авангарда. Эта норма во времени соответствовала норме в пространстве до тех пор, пока авангард и главные силы двигались с одинаковой скоростью, т. е. вдали от противника.

В сфере возможной близости противника осторожный и предусмотрительный начальник авангарда уменьшал скорость движения его в случаях необходимости усиленно разведать или предварительно занять какой-либо важный рубеж и иногда даже совсем приостанавливал его или переходил в предбоевой порядок. Главные-же силы, продолжая безостановочно свое движение, налезали на хвост авангарда примерно ко второй половине перехода. Для того, чтобы этого не случилось, необходимо было либо регулировать движение колонны главных сил тоже скачками, либо проще—отступить от норм старого полевого устава и назначать выступление головы колонны главных сил с исходного пункта два часа спустя после прохождения его хвостом колонны авангарда, что на местности выражалось расстоянием в 6—8 верст. Эта дистанция, в силу причин, указанных выше, постепенно сокращалась и во вторую половину перехода достигала нормы, рекомендованной уставом.

Насколько можно судить не по уставам, которые дают лишь общие указания в этом отношении и цель, не вдаваясь в технику выполнения, а по приемам, рекомендуемым некоторыми иностранными военными авторами, удаление хвоста авангарда от головы колонны главных сил и в предстоящих войнах, по крайней мере в их начале, будет колебаться именно в пределе от 6 до 8 верст, при чем скорее можно ожидать тенденции к увеличению (первоначальному), а не уменьшению этого расстояния, имея в виду ныне необходимость гораздо чаще, чем раньше, для авангарда уменьшать и даже приостанавливать свое движение, хотя-бы из опасения воздушного наблюдения и атаки.

То же самое можно сказать и о распределении родов войск в колонне авангарда. В уставах мы не найдем прямых указаний по этому поводу и готовых шаблонов. Здесь также исполнителю предоставляется широкое поле для самодеятельности. Однако, опять-таки, повседневная практика устанавливает и в этом отношении некоторые

более общеупотребительные шаблоны, которые являются прямым следствием господствующей военной доктрины и взглядов. Самым существенным на наш взгляд предоставляется определить место артиллерии в колонне авангарда. Мы немного ошибемся, если скажем, что, судя по общему духу доктрины, артиллерия во французском авангарде и авангардах армий, обученных по французской военной доктрине, будет более оттянута к хвосту авангарда, а артиллерия германского авангарда будет находиться ближе к голове его. Нам могут сказать, какое будет иметь это значение при общей сравнительно малой глубине походной колонны авангарда? Значение, на наш взгляд, немаловажное, имея в виду, что в условиях встречного боя, например, каждая минута в упреждении противника в открытии артиллерийского огня имеет особенно важное значение для последующего развития боя.

Нам остается теперь подвести краткий итог всему сказанному для того, чтобы иметь общие основания для наших последующих рассуждений.

Итак, современные и будущие авангарды будут более сильны артиллерией, а, следовательно, и более устойчивы, чем авангарды начала великой мировой войны. Наличие в них, наряду с тяжелой и полутяжелой, артиллерии всех видов, а иногда даже и танков легкого типа явится правилом, а не исключением.

Удаление их от колонны главных сил не будет особенно разниться от норм, существовавших до начала великой мировой войны и во время нее. В течение ближайшего будущего, если в этом отношении и произойдут какие-либо изменения, то скорее в большую, чем в меньшую сторону. Таковы будут общие типовые черты будущих авангардов, но затем замечается уже разница, главным образом, в способах их действий. Авангарды французской школы будут характеризоваться большей методичностью и осторожностью в действиях, более поздним вступлением в дело артиллерии, наконец, предположительно более узким фронтом развертывания. Авангарды германской школы будут действовать более решительно, развертываться на более широком фронте, и действия их будут характеризоваться более ранним введением в дело артиллерии, иногда даже при соприкосновении частей походного охранения.

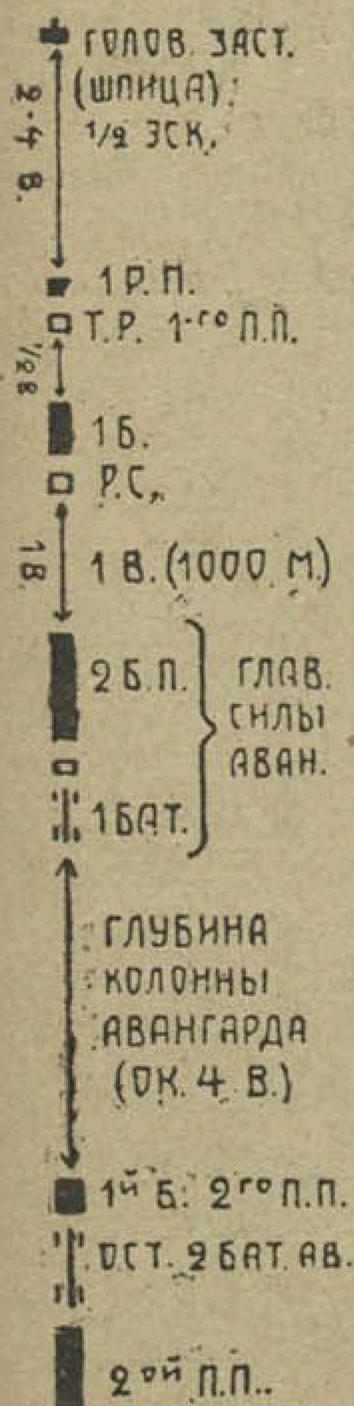
III.

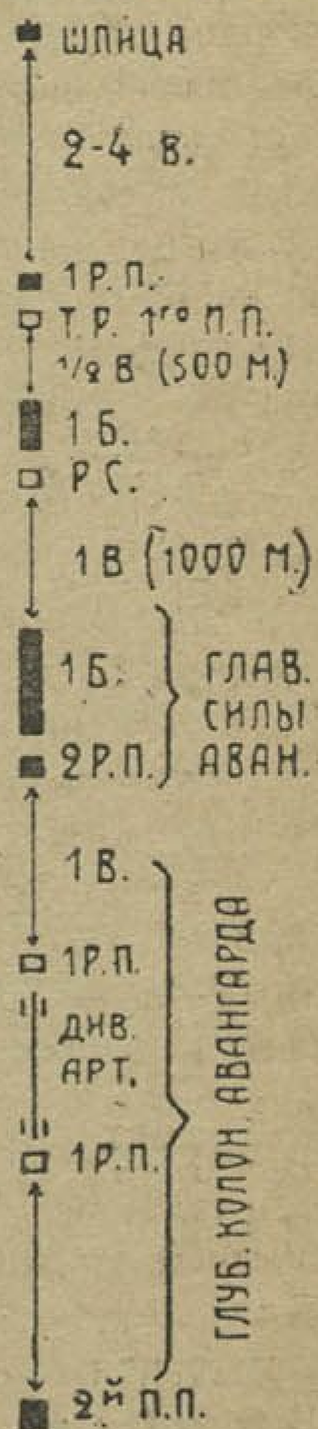
Приступая к нашему исследованию, мы поставили себе целью постараться установить способы действий и организацию авангарда Красной армии при действиях его против польского авангарда.

Предшествовавшее изложение имело задачей ознакомить читателя с современным состоянием взглядов на роль, значение, задачи и организацию авангардов вообще. Теперь мы перейдем прямо к интересующему нас вопросу, которого ранее мы уже коснулись вскользь.

Если-бы мы пожелали остаться на почве действующих уставов и инструкций, нам пришлось бы в отношении польского авангарда

добавить еще очень мало к тому, что было нами сказано относительно французского авангарда. Мы-бы подчеркнули еще раз, что постолько, поскольку польская армия является сколком с французской, французские взгляды на авангард и способ его действий имеют место и в польской армии. Но, как мы уже отметили, для нас интересно не то или иное положение уставов и инструкций, дающее лишь отправные точки зрения и идею, а то, каким образом эта идея исполнителями проводится в жизнь. В силу этого обстоятельства мы теперь более подробно и остановимся на практическом применении и толковании своих уставов польской военной школой. Для нас, конечно, наибольший интерес представляют взгляды, проводимые польским (вернее французским) генеральным штабом в интересующем нас вопросе, ибо их можно считать руководящими для всей польской армии.

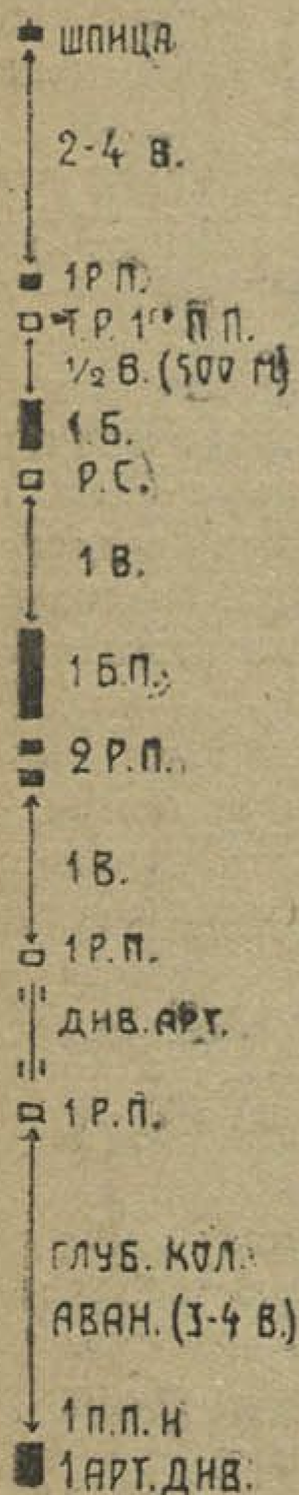

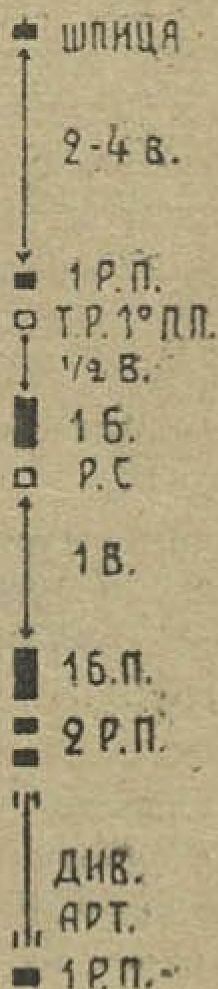

Отметим прежде всего, что польская военная школа рассматривает два способа действий, две тактики: одну—в отношении противника сильного технически, каковым они, даже в течение ближайшего будущего, считают немцев; другая тактика, более упрощенная и решительная, считается ими применимой к технически слабым противникам.

Французская тенденция более осторожного введения в дело артиллерии в авангардном бою особенно резко проглядывает в распределении войск в колонне польского авангарда, о чем подробнее мы скажем ниже. Для нас представляют интерес мотивы, по которым поляки предпочитают оттягивать к тылу артиллерию авангарда; они опасаются неосторожного вступления артиллерии авангарда в зону, подверженную действию дальнобойных контр-батарей противника, которые сразу могут поставить артиллерию авангарда в трудное

положение до того момента, когда им может быть оказана поддержка артиллерией колонны главных сил. Там, где поляки ожидают наличия или возможность действия контр-батарей противника, они предпочитают артиллерию авангарда вести не в колонне авангарда, а в голове колонны главных сил (обыкновенно за головным ее баталионом), не уменьшая при этом дистанции между хвостом колонны авангарда и головой колонны главных сил. Рекомендующий подобный способ распределения родов войск в колонне авангарда, главный руководитель тактики в польской военной академии, полковник Фори, считает, что артиллерия авангарда успеет своевременно поддержать авангард, имея в виду ограниченную задачу, даваемую авангарду: обеспечить развертывание колонны главных сил из глубины, попутно нащупывая расположение противника и стараясь выяснить его намерения. В случаях, когда у противника не предполагается наличия артиллерии в таком количестве, что он заранее может часть ее специально использовать для службы контр-батарей, тот-же полковник Фори рекомендует вести артиллерию либо между колонной главных сил авангарда и головою колонны главных сил того войскового соединения, к которому принадлежит авангард, либо в самом хвосте авангарда.

Эти последние способы распределения родов войск в колонне авангарда он рекомендует применять в случае борьбы поляков на их восточном фронте. Здесь мы приводим несколько типичных схем, даваемых полковником Фори для организации колонны польского авангарда.

В схемах № 2, № 3, № 4 указаны приемы организации колонны авангарда для восточного фронта, где противник еще редко применяет огонь контр-батарей (полутяжелая дальнобойная артиллерия).

Для нас наибольший интерес, для последующих наших рассу-

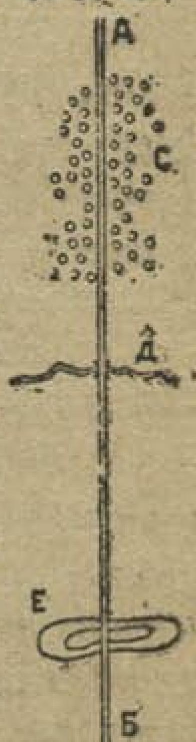
ждений, представляет организация колонны авангарда, приведенная на схеме № 4, ибо не трудно видеть, что здесь артиллерия авангарда в походной колонне наиболее близко расположена к голове его ($2^1/_2$—3 версты).

То обстоятельство, что в авангард включен целый дивизион, причем не оговорено, какого именно рода батареи в него входят (гаубичные или полутяжелые) заставляет нас предположить, что, в случае наших столкновений с польскими авангардами, в их составе нам надлежит расчитывать на наличие, в виде общего правила, лишь полевой легкой артиллерии.

Для последующего для нас интересным является вопрос, как смотрят поляки на удаление авангарда от колонны главных сил и какими расчетами они руководствуются при определении этого удаления.

В этом отношении они основываются также на некоторых общих положениях, которые конкретизируются лишь для каждого частного случая. Положения эти сводятся к следующим: в составе самого авангарда каждая часть должна быть настолько выдвинута вперед от сзади следующей, чтобы обеспечивать ее от внезапного нападения, и, вместе с тем, настолько близка от нее, чтобы быть ею своевременно поддержана. В отношении составных частей авангарда придется стремиться лишь к тому, чтобы они обеспечивались от внезапного нападения со стороны конницы и огня пехоты. Поэтому колонна авангарда расчленяется таким образом, чтобы один эшелон ее обеспечивался другим на дальность пулеметного огня противника на расстояние от 1000—2000 метров.

Расстояние между колонной авангарда и колонной главных сил определяется всякий раз различно, в зависимости от условий местности, которые в этом случае играют преимущественное значение.

Вот как рассуждает по этому поводу полковник Фори: (см. схема № 5):

Дивизия, долженствующая в течение дня перейти из А в Б, на своем пути должна миновать лес С, длиною в 7 верст, и речку Д, переправы на которой обстреливаются с высот Е, лежащих от речки в 9 верстах. Глубина колонны авангарда, считая в том числе и части, его непосредственно прикрывающие, равна $4^1/_2$ верстам.

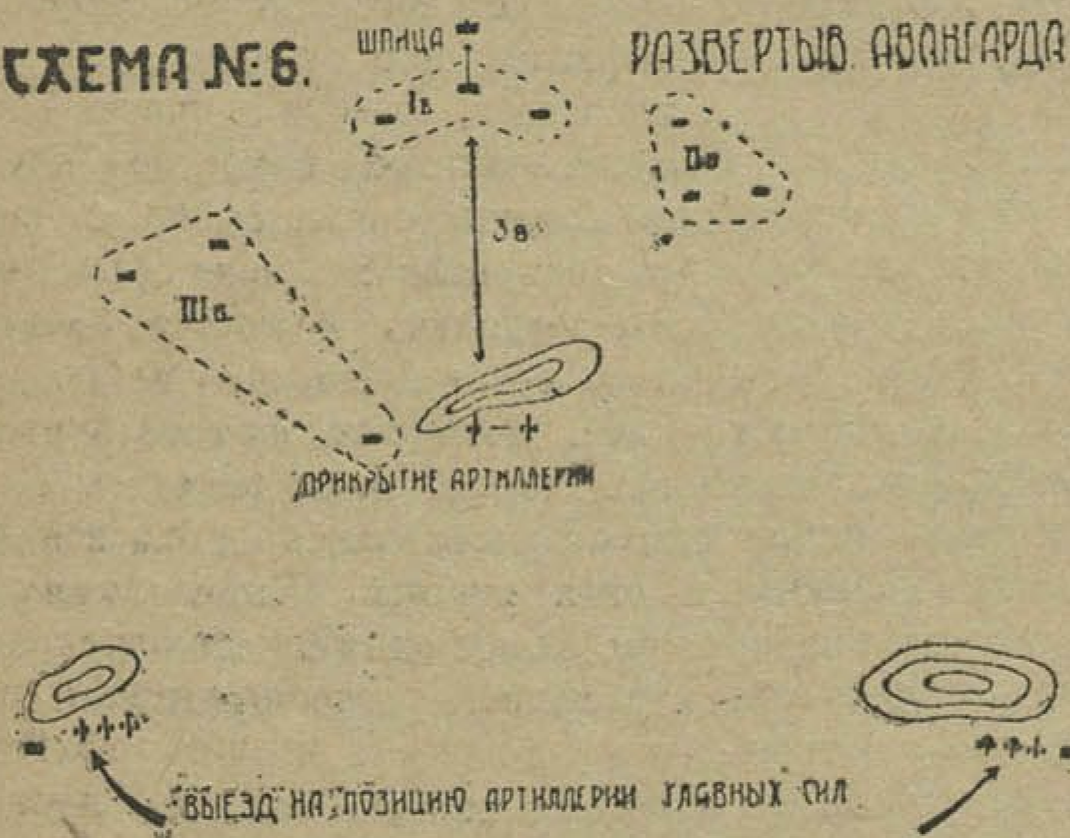
Приняв за правило, что колонна главных сил не должна вступать в лес, пока головная застава пехоты авангарда его не минует, просто получим расстояние между головой колонны главных сил и хвостом авангарда, оно будет равно: 7 верст—$4^1/_2$ версты=$2^1/_2$ версты.

Для прохождения головой колонны главных сил в полной безопасности переправ через речку Д авангард от головы колонны главных сил должен быть удален на расстояние:

9 в.—$4^1/_2$ версты=$4^1/_2$ версты.

Для простоты регулирования расстояний, для данного случая марша должно быть взято наибольшее из расстояний, высчитанных вышеуказанным способом, т. е. расстояние между головой колонны главных сил и хвостом авангарда должно равняться $4^{1}/_{2}$ верстам.

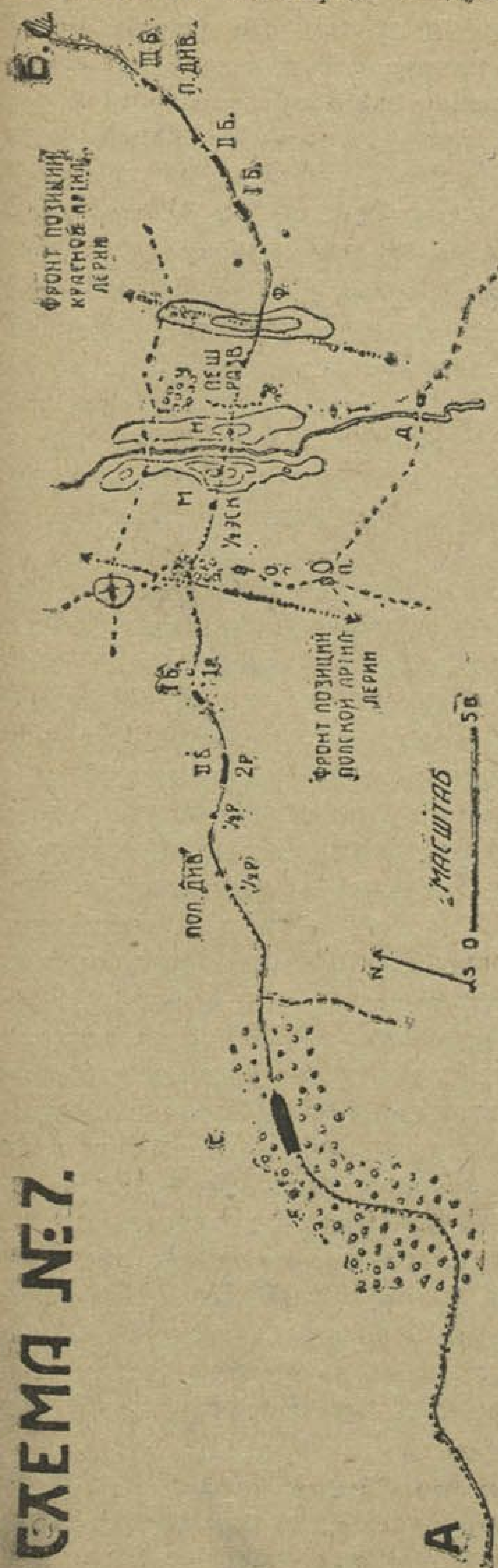
Своевременность вступления в дело батарей авангарда, хотя и подчиненных его начальнику, но следующих при голове колонны главных сил, будет достигнута, по мнению Фори, нахождением командира артиллерийского дивизиона при начальнике авангарда, которому рекомендуется следовать при, во главе головного баталиона авангарда. Заметим еще, что также рекомендуется, чтобы начальник колонны следовал при колонне авангарда.

Теперь подведем итоги всему сказанному нами относительно польского авангарда. Прежде всего расчитывать на присутствие в нем полутяжелой дальнобойной артиллерии не приходится. Та артиллерия, которая будет находиться в его составе, будет более оттянута к хвосту его и даже находиться в голове колонны главных сил. И по духу устава и по мнениям, господствующим в польских военных кругах, задачи польских авангардов будут носить более ограниченный характер: они будут преследовать скорее пассивные цели и при столкновении с противником скорее можно расчитывать на их развертывание на месте, чем с выдвижением вперед. Это особенно важно учитывать, когда предстоит борьба за какой-либо спорный рубеж, захватить который было-бы выгодно для авангардов обеих враждебных сторон.

В дальнейшем следует ожидать, в случае неудачно развивающегося для авангарда боя, скорее отхода его на свои главные силы, чем развертывания их на линии авангарда. Эту нашу мысль мы высказываем лишь как предположение, основывая его на том внимании которое французы, а, следовательно, должны мы сказать, и поляки, уделяют так называемой тактике „ошеломления". Суть этой тактики ошеломления состоит в том, чтобы заранее подготовить свои батареи к широкому охватывающему огневому действию и внезапным огневым нападением скомкать развертывание втянувшегося неосторожно в эту заранее подготовленную огневую зону противника.

Обратим еще внимание на то обстоятельство, что в голове колонны польского авангарда следует небольшое количество кавалерии ($1\frac{1}{2}$ эскадрона), непосредственно предшествующее голове авангарда.

Это, конечно, не исключает наличие более значительной кавалерии перед польскими авангардами, но уже в виде исключения, например, в случае действий армейской кавалерии на фронте данной наступающей колонны.

IV.

Для того, чтобы нагляднее выразить наш взгляд на методы и способы действий против польского авангарда прибегнем к такой же схематизации мысли, к какой часто прибегает Фори при своих рассуждениях. Для этого обратимся к схеме № 7. Первоначально, установим походный порядок польской дивизии, согласно проектов и способов, указываемых польской военной академией. Предположим что польская пехотная дивизия, действующая с обеспеченными соседями флангами должна перейти из А в Б, причем на этом переходе ей предстоит встреча с противником. На переходе от А к Б ближе к Б имеется местный рубеж в виде реки Р, проходимой только по мостам; высоты на правом берегу реки Р (М) командуют над высотами Н, лежащими против них на левом берегу реки. В виду активности своей задачи начальнику польской дивизии выгодно захватить именно высоты и на левом берегу реки, что обеспечит переправу всей его дивизии. На пути дивизии лежит лес длиною 9 верст. Для походной колонны авангарда возьмем колонну, приведенную нами на схеме № 3. Считая общую глубину походной колонны авангарда в 4 версты, мы на основании расчетов и соображений, приведенных в главе III, устанавливаем расстояние между головой колонны главных

сил дивизии и хвостом авангарда в 5 верст. Предположим далее, что навстречу польской дивизии по той-же дороге из Б. в А двигается дивизия Красной Армии; для простоты допустим, что главные силы кавалерийского полка этой дивизии направлены для захвата моста Д в 5 верстах южнее высот Н, а в авангард выделено также не более $1^1/_2$ эскадрона конницы. Красная дивизия также преследует активные цели и ее командиру важно первоначально захватить командующие высоты М на правом берегу реки Р. Предположим далее, что в определенном часу, каком—безразлично, обе стороны находятся в положении и удалении, от интересующих их об'ектов, согласно чертежа на схеме № 7. Оговоримся при этом, что в организации походной колонны красного авангарда мы придержались наиболее у нас практикуемого способа, видоизменим его лишь в том отношении, что колонне авангарда мы также придали полевой артиллерийский дивизион, иначе при самой завязке боя наш авангард оказался-бы в невыгодных в артиллерийском отношении условиях по сравнению с авангардом противника.

Предполагая в дальнейшем, что оба начальника авангардов будут действовать с одинаковыми энергией и искусством, а части обеих сторон будут маневрировать и разворачиваться с одинаковой быстротой, не трудно из той-же схемы № 7 усмотреть, что столкновение авангардов обеих сторон свелось бы к тому, что авангард красных утвердился бы на рубеже Н, а авангард польский на рубеже М., ибо развертывание артиллерии каждой стороны произошло-бы на своем берегу реки для поддержки своих передовых частей, борющихся, между прочим, и за передовые наблюдательные пункты своей артиллерии; вся разница заключалась бы в том, что польская артиллерия несколько позже открыла-бы огонь по сравнению с красной артиллерией.

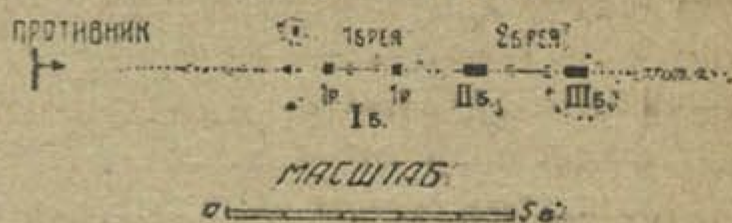
Если допустить, что артиллерийские разведчики и связь артиллерии авангардов обеих сторон одновременно появляются на высотах М и Н, как только на них появились их передовые части, и одновременно начинают вести связь в тыл к позициям своих батарей, выбранным в 3-х верстах к востоку и западу от высот М и Н, то при всех прочих равных условиях артиллерия красного авангарда будет иметь преимущество в 5 минут для открытия огня (расчет: двигаясь рысью, артиллерия польского авангарда должна пройти до своих позиций из хвоста колонны авангарда 6 верст, а красная артиллерия из головы колонны своего авангарда 5 верст. Скорость движения рысью принята 1 верста в 5 минут). Как мы знаем, в условиях встречного боя каждая минута в упреждении противника в открытии огня имеет особое значение.

Итак, одно только расположение артиллерии ближе к голове колонны авангарда, а не в его хвосте, как то делают поляки (заметим—тут-же, что мы взяли для нашего примера наиболее выгодный для поляков случай; при организации походных колонн, согласно схемы № 1, разница в открытии артиллерийского огня обоими авангардами достигла-бы в нашем примере одного часу времени, ибо ар-

тиллерии авангарда из головы колонны главных сил до своих позиций пришлось-бы сделать 13 верст и быстрее 8 верст в час переменным аллюром она-бы не пошла дает нам некоторый выигрыш во времени в отношении открытия артиллерийского огня; но выигрыш этот пока еще слишком незначителен, чтобы оказать особо существенное значение на развитие столкновения обоих авангардов в условиях одинакового искусства их в действиях и одинаковой решительности их, почему мы и посчитали, что оба они захватят командующие высоты, каждый на своем берегу реки и для захвата высот противоположного берега противным сторонам придется прибегнуть к развертыванию своих главных сил. В начале этой главы мы поставили вопрос о способах атаки на польский авангард.

Пример, приведенный нами выше, показывает нам, что красный авангард способен в равных условиях бороться с польским авангардом. Но тенденция последнего к известной пассивности и осторожности сама по себе должна нас побудить к большей активности, особенно, когда вопрос идет о захвате весьма выгодных рубежей на местности.

Посмотрим располагает-ли для этого авангард красной дивизии необходимыми возможностями? Прежде чем перейти к разрешению этого вопроса, сделаем общую предпосылку, которая не должна возбуждать, нам кажется, особых споров и не требует особых доказательств: чем раньше артиллерия вступает в дело и энергичнее поддерживает свою пехоту, тем быстрее последняя продвигается впереди, тем скорее сдает перед нею противник. Оставляя в силе все прочие условия для взятого нами примера, попробуем расположить войска в колонне авангарда красной дивизии так, как нами это указано на схеме № 8.

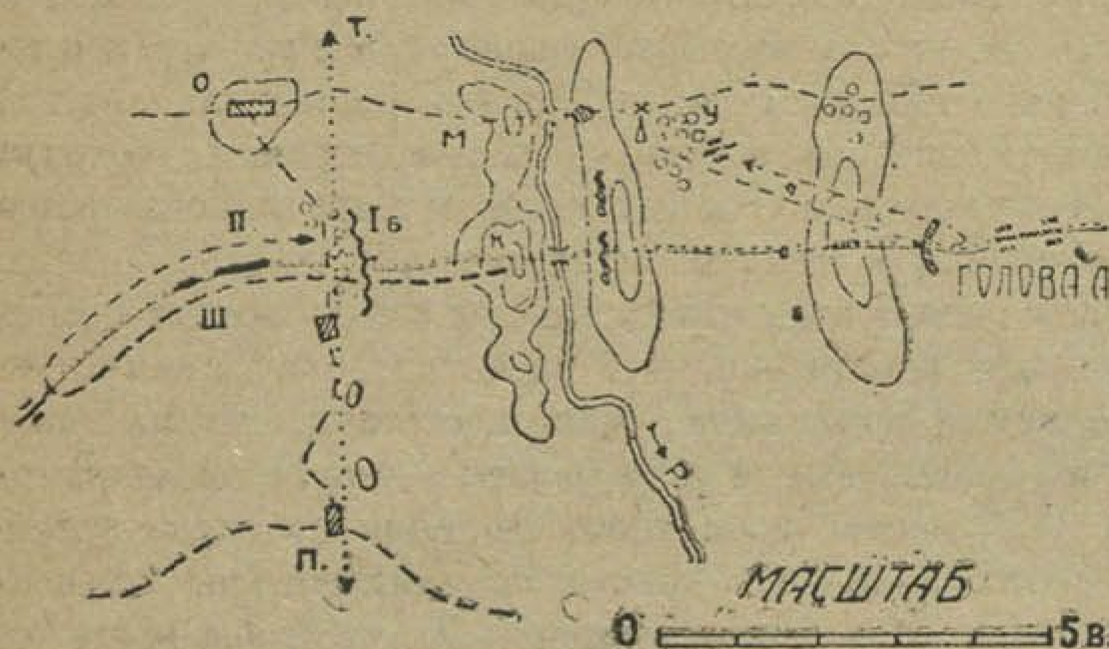

А затем для наших дальнейших рассуждений опять обратимся к схеме № 7, при чем рассмотрим момент, когда разведывательные органы обеих сторон, заняв восточные и западные скаты высот М и Н, вступили между собою в перестрелку. Если при этом артиллерийские разведчики с командиром батареи, назначенной нами в головной отряд, будут находиться при этих органах передовой разведки (разведчики стрелкового полка, следующего в авангарде) и от выбранного наблюдательного пункта, допустим мельницы у рощи откуда видны все восточные скаты высот М и местные предметы на рубеже О П, тот-час-же поведут связь к выбранной для батареи позиции вблизи восточной опушки рощи У, то батарея головного отряда, расположившись на этой позиции согласно схеме № 9, будет готова к открытию огня и откроет его на 50 минут раньше, чем артиллерия авангарда противника, при том с более близкой дистанции.

Прежде чем говорить о том, какое значение имеет и что может дать упреждение на 50 минут в открытии артиллерийского огня аван-

гардом, мы приведем вкратце те расчеты, на основании которых мы приходим к указанной цыфре. В наших расчетах мы принимаем скорость движения всадника рысью 1 в.—в 5 минут; скорость движения пехоты и артиллерии в общей походной колонне 15 м.—1 в.; скорость двпжения артиллерии рысью 5 м.—1 верста. Тогда ординарец, посланный командиром батареи от мельницы навстречу батарее, чтобы вывести ее на позицию к роще, встретит через 20 минут, двигаясь по маршруту, указанному пунктиром в точке З, и столько-же времени затратит батарея для передвижения на свою позьцию (обратный пунктир). К этому времени от мельницы к позиции батареи будет закончена уже проводка телефона (считая скорость проводки 2 вер. в 1 час.), и таким образом через 40 минут батарея будет готова к открытию огня. В это время головной отряд и походное охранение будут находиться в пунктах, как они показаны на схеме № 9, а голова авангарда подтянется к точке З. Таким образом положение нашей батареи нельзя считать слишком изолированным, ибо спереди она будет обеспечена нашей конной и пешей разведкой, уже вступившей в тесное соприкосновение с противником, а через 15 минут на линию ее выйдут, а затем продвинутся вперед походные заставы, а за ними и головной отряд. Положение нашей батареи особенно упрочится, если мы сумеем дать ей небольшое конное прикрытие.

СХЕМА №9

Для того, чтобы окончательно обосновать наш вывод об упреждении противника в открытии артиллерийского огня на 50 минут, обратимся к действиям польской артиллерии. При этом мы будем основываться на тех-же расчетах времени и пространства. Тогда ординарец командира польского дивизиона, посланный командиром дивизиона от точки К, через 30 минут застанет голову колонны дивизиона в точке Ж; двинувшись рысью, дивизион через 20 минут подойдет к западной опушке рощи, что на большой дороге на рубеже ОП. В это время положение всех частей авангарда будет таково, как обозначено на схеме № 9. Головной баталион авангарда в это время должен будет развернуться на восточной окраине упомянутой рощи, ибо дальнейшее его продвижение вперед будет уже задержано огнем нашей батареи из района рощи У. Поэтому польскому дивизиону придется стать на позиции западнее линии Т. Х. и тогда ему придется ждать еще около получаса до того времени как будет оконче-

на проводка связи из района высот М к его расположению. (Расчет времени и пространства: надо провести связь на протяжении 3-х верст; считая в час 2 версты, на это потребуется $1^1/_2$ часа времени, т. е. 90 м.). Таким образом мы и приходим к окончательному выводу, что польскому дивизиону для окончательного выезда и изготовления к открытию огня потребно 90 минут, а нашей батареи 40 минут, что и дает вышеуказанное упреждение в 50 минут. Правда, командир польского дивизиона может задаться более ограниченными целями обстрела лишь западных скатов высот М и может быть отчасти района рощи У и выбрать наблюдательные пункты на рубеже ОП.

Тогда его дивизион откроет огонь лишь на 10—15 минут позже, чем наша батарея (см. выше приведенный расчет). Однако, имеющихся в нашем распоряжении 10—15 минут будет достаточно, чтобы сбить разведку противника с высот М и перебросить нашу разведку на правый берег реки Т. В случае последнего решения польской артиллерии, задача польского авангарда будет уже заключаться даже не в том, чтобы удержать в своих руках высоты М, а чтобы взять их. Дальнейшая-же задача нашего авангарда сведется к тому, чтобы закрепить свое положение на высотах М, для чего на них надо будет поскорее подтянуть головной отряд. Наступление пехоты противника М не сможет развиться до тех пор пока на поле сражения будет господствовать наша артиллерия. Не будем забывать, что в худшем для нас случае через 10—15 минут в дело могут вступить уже все три батареи польского авангарда против нашей одной, и тогда огневое превосходство склонится на сторону противника, и положение наших передовых частей на высотах М может стать трудным. Чтобы не допустить до этого, необходимо не медлить с выездом на позицию и остальной артиллерии нашего авангарда. Как мы видели на схеме № 9, в момент открытия огня батареей головного отряда голова колонны батарей авангарда будет тоже находиться в точке З. Если эти батареи расположить в районе расположения батареи, уже открывшей огонь, то эти батареи могут воспользоваться ее данными для стрельбы и до ее района придется сделать около $2^1/_2$ верст, те через 10—15 минут они также могут принять участие в артиллерийском бое. Таким образом, при соблюдении выше приведенного условия, равновесие в артиллерийском отношении между обоими авангардами не нарушится, а, следовательно, авангард красной дивизии может продолжать планомерно развивать свои дальнейшие операции. Как мы уже указали, его ближайшей задачей будет прочно закрепиться на рубеже высот М.

В наших предшествующих рассуждениях мы старались главным образом опереться на элементы, легче всего поддающиеся учету и не подвергающиеся оспариванию: расчет времени и пространства. Для упрощения нашего исследования мы нарочно не коснулись тех элементов, которые не могут браться на учет в теоретическом исследовании, именно состояние обучения войск, энергия и настойчивость начальников, искусство управления войсками и пр. Для простоты

нашего исследования и большей схематизации нашего примера мы допустили, что в этом отношении войска обеих сторон находятся в равных условиях.

Полученный материал, на наш взгляд, имеет достаточную обоснованность, чтобы на основании него сделать уже определенные выводы, которые мы позволим себе привести здесь в виде общей сводки. Как мы видели на нашем примере, соответствующее распределение артиллерии в общей колонне авангарда и энергия в действиях его передовых частей, а главным образом быстрота в развертывании хотя-бы части артиллерии авангарда, дает нам сразу ряд конкретных и значительных выгод. Мы раньше противника захватываем рубеж М, который обеспечивает дальнейшую активность красной дивизии и создает выгодные условия для ее дальнейшего развертывания, мы не допускаем противника до выгодного и важного для него рубежа К и, наконец, заставляем его авангард начать развертывание на совершенно случайном для него рубеже О. П., не доходя 4—5 верст до рубежей, к которым он должен стремиться по общим целям своей дивизии. Таковы неоспоримые выгоды, которые мы получаем от возможно дальнего продвижения артиллерии авангарда к головам его передовых частей и раннего развертывания артиллерии нашего авангарда.

Итак переходим к нашим выводам:

1) При действиях против польского авангарда действия нашего авангарда должны быть проникнуты крайней энергией и решительностью.

2) Эта энергия и решительность выразится главным образом и энергичном и смелом введении в дело, с первого-же столкновения, передовых частей артиллерии авангарда.

3) В целях удовлетворения последнему требованию, артиллерия авангарда должна быть возможно ближе подтянута к головам передовых частей авангарда.

4) Последнему требованию, на наш взгляд, лучше всего удовлетворит придача части артиллерии авангарда головному отряду с тем, однако, условием, чтобы не перегрузить последний артиллерией. При нашей организации для этого можно будет головному отряду придавать не более одной батареи из состава артиллерии авангарда.

5) Для успешности действий авангарда необходимо, чтобы в составе его находилось не меньшее количество артиллерии, чем в составе колонны авангарда польской дивизии, т. е. не менее дивизиона; пусть лучше меньше артиллерии следует в колонне главных сил дивизии.

6) Наличие полевой гаубичной артиллерии в составе колонны авангарда будет также уместно в зависимости от условий местности. Например, местность сильно пересеченная, закрытая или изобилующая рядом опорных пунктов с массивными постройками. В последнем случае мы можем встретиться с необходимостью комбинирован-

ных артиллерийских соединений: например, две полевых и одна гаубичная батарея или наоборот.

7) Если только мы не будем в последующих столкновениях наших с поляками в том положении, в каком мы были в прошлую кампанию, когда дивизионная, (по аналогии нынешней организации—корпусная конница) работала по заданиям армейского командования, то наше значительное превосходство в органах дивизионной конницы должно быть использовано в самом широком размере опять-таки с активными целями.

Предопределенная духом польской тактики известная пассивность польских авангардов открывает широкий простор для действий нашей дивизионной конницы перед фронтом противника и на его флангах. Само собою разумется, что если наша дивизия будет располагать бронеотрядами, то место их будет при коннице или при головных частях авангарда.

8) Авангард красной дивизии, учитывая вышеуказанную пассивность польского авангарда и известную огневую устойчивость даже слабых частей, может занимать более широкий фронт, особенно тогда, когда на флангах имеются местные предметы, упреждение в занятии которых может дать нам существенные преимущества в отношении противника. Естественно при этом возникнет вопрос, каким образом избегнуть возможного перемешивания частей при дальнейшем развертывании главных сил дивизии? Практическим выходом из этого было-бы назначение боковых отрядов из состава полков колонны главных сил с временным подчинением их начальнику авангарда; тогда при развертывании дивизии эти выброшенные от своих частей передовые отряды послужили-бы ячейками боевого порядка своих полков.

9) Все изложенное заставляет нас признать, что для действий против польской армии нам весьма подошли-бы указания германского устава полевой службы и тот дух, которым проникнут весь этот устав.

10) Наконец, учитывая нашу все-таки относительную техническую слабость, не будем пренебрегать и возможностью ночных действий, которые могут иметь место и в практике авангардов, особенно для сближения с противником.

Наше исследование было-бы не полно, если бы мы не упомянули о распределении и назначении полутяжелой корпусной артиллерии (под этим термином мы разумеем 42 линейные и 6—дюймовые гаубичные батареи), если-бы она была включена в походную колонну дивизии. В последнем случае мы предпочли бы одну 42 линейную батарею также включить в состав артиллерии авангарда. Эта батарея, следуя опять-таки ближе к голове колонны авангарда и открыв огонь тотчас за артиллерией головного отряда, могла-бы еще более значительно повлиять на образ действий авангарда противника. Начальник последнего, действуя по духу и смыслу своих уставов и инструкций, а главным образом по практике применения их в мирной

маневренной обстановке, попав под огонь дальнобойной артиллерии, вероятнее всего посчитал-бы, что он имеет дело с уже заранее развернувшимся противником, успевшим выставить свои контр-батареи; дабы не подвергнуться внезапному огневому нападению, он, вероятнее всего, еще более назад отнес бы развертывание своей артиллерии и ограничился-бы лишь только пассивным обеспечением ее до подхода своих главных сил.

Мы рассмотрели наши примеры, на основании которых делали свои выводы, в условиях по возможности нормальной боевой обстановки, т. е. такой, когда органы разведки и охранения достаточно эшелонированы в глубину и своевременно получают сведения о противнике и передают в высшие инстанции. Однако, после продолжительного мирного периода, всегда случается так, что эти органы запаздывают в получении и донесении сведений о противнике, которые начинают поступать только тогда, когда части столкнутся, что называется, нос к носу; в этом случае развертывание происходит прямо из походных колонн, и тут-то еще более скажется значение присутствия артиллерии в голове походных колонн; стреляя иногда просто прямой наводкой, она сможет совершенно скомкать развертывание походных колонн противника и принудить его не только к обороне, но даже к беспорядочному отступлению.

Наше исследование мы прервали на развертывании обоих авангардов и на захвате красным авангардом выгодного для него рубежа М (см. чертеж № 7), который у него пытался оспаривать авангард противника. Мы это сделали умышленно, ибо дальнейшие наши рассуждения носили бы уже слишком гадательный характер. Скажем только еще, что не исключена, конечно, возможность в случаях исключительных преследования авангарда противника нашим авангардом, но в этом отношении следует быть осторожным, имея в виду, что, тесня авангард противника прямо перед собою, мы можем быть наведены им на свои развернувшиеся главные силы, и тогда уже сами попадем в невыгодное в огневом отношении положение, дав возможность противнику в широкой мере применить свою тактику „ошеломления“, на которую он возлагает столь большие ожидания. Это последнее соображение выдвигает на очередь вопрос, непосредственно вытекающий из затронутого нами, но по своей обширности требующий специального исследования, именно о способах и приемах атаки на развернувшуюся польскую дивизию. Этому вопросу мы посвятим одно из ближайших наших исследований.

В. Микулин.

Штык в коннице.

Мы не имеем в виду задерживать внимание читателей на вопросе о принципиальной необходимости штыка в кавалерийских частях, ибо считаем, что он может иметь лишь одно решение, чтобы там ни говорили сторонники консервативных методов решения конницей своих современных боевых задач. Наше намерение—рассмотреть вопрос о штыке с точки зрения технического соответствия существующего его образца особенностям боевой службы конницы.

Принятая у нас трехлинейная драгунская винтовка имеет штык пехотного образца, составляющего неот'емлемую часть винтовки во время пользования ею, как примыкающийся во всех случаях снятия винтовки из-за спины, что определенно требуется Строевым Кавалерийским Уставом (ст. 326).

Примкнутый штык оказывает влияние на перемещение центра тяжести винтовки вправо. Это обстоятельство вызывает необходимость передвижения мушки также вправо, чем и парализуется боковое отклонение траектории, которое имело бы место при стрельбе с примкнутым штыком и с мушкой, укрепленной в нормальном положении, т. е. в плоскости вертикального разреза по линии оси канала ствола.

Таким образом, поскольку конница, в силу требований своего строевого устава, *всегда* должна примыкать штыки при спешивании, постольку и пристрелка производится со штыком.

Практически это приводит к закреплению мушек, примерно, на 2 точки правее нормального положения (средняя норма заводской установки).

Независимо от этого, влияние примкнутого штыка сказывается и на высоте боя, в силу чего высота мушки над осью канала ствола у драгунской винтовки и у казачьей (не имевшей вовсе штыка) разнятся—у казачьей она несколько больше.

В силу этих баллистических особенностей, драгунская винтовка оказывается совершенно непригодной к *непосредственному* использованию без штыка, так как она дает в этом случае чувствительное боковое отклонение влево и некоторое отклонение в высоту. Иначе говоря, стрельба без штыка практически никакого значения с точки зрения правильности боя—а, следовательно, и действительности огня—не имеет и требует предварительной пристрелки с заменой мушек и передвижением их в сторону. Между тем стрельба без штыка как раз и является тем видом стрельбы, которая типична для спешившейся конницы, хотя устав и требует примыкания штыка во *всех* случаях спешивания.

Это требование явно не целесообразно и отражает главным образом „драгунские“ увлечения этого периода, который совпадает с поголовным введением в регулярной коннице винтовки со штыком вместо прежнего карабина, а то и вообще вновь.

В самом деле—большинство случаев огневых действий *мелких* частей (разведывательная и сторожевая служба) протекают при условиях, обычно исключающих пользование штыками, как таковыми.

Это естественно вытекает из мелочного и эпизодического характера таких действий. Один из таких случаев—стрельба с коня в лаве,—даже зафиксирован Строевым Кавалерийским Уставом, так как очевидно что в этом случае штык примыкаться не может. Вытекающие из этого последствия ускользнули, повидимому, от внимания составителей устава, так как отклонение траектории при стрельбе без штыка, как уже указано, довольно значительно, около 3-х дюймов при стрельбе на 100 шагов, и возрастает дальше пропорционально увеличению расстояния, достигая на 800 шагов примерно 24 дюймов, или около аршина, т. е. размера, явно исключающего возможность говорить о какой либо точности стрельбы, да еще с коня. Впрочем, стрельба при таких условиях не сулит ровно ничего и для пешего стрелка—это ясно.

Что же касается крупных спешенных частей, втянутых в огневой бой, то и здесь штык не всегда оказывается нужным.

По крайней мере, в ряде случаев маневренной войны конница *сознательно* не доводит до штыкового удара в порядке использования своих основных свойств—подвижности и быстроты, как средств переноса огня.

Этот способ действий будет типичным для большинства арьергардных боев, для огневых нападений на крупные неприятельские колонны из всех родов войск и в аналогичных случаях, часть которых прямо предусмотрена 3-ей частью Строевого Кавалерийского Устава (ст. ст. 62, 78 и 81).

Во всех этих случаях применение штыка, *как оружия боя*, было бы явной нецелесообразностью, не отвечающей самой внутренней сущности, самой природе комбинированного боя конницы, построенного на сочетании огневых действий с действиями в конном строю на основе использования быстрых переносов массированного огня, открытого группами на широком фронте (ст. 62 Устава).

Штык, опять таки *как оружие боя*, найдет себе применение исключительно в случаях необходимости упорного отстаивания, а чаще всего—захвата тех или иных тактически важных рубежей. Эта необходимость может возникнуть в наши дни довольно часто, *даже* в условиях маневренной войны. В обстановке же войны позиционной, привлекающей конницу к разрешению „по пехотному“ чисто пехотных задач на линии укрепленных полос—эта необходимость будет уже обычным явлением.

Таким образом, суммируя сказанное, надо признать, что примыкание штыка *во всех случаях* спешивания отнюдь не может найти себе основание в чисто оперативных соображениях. Практически же необходимость прибегать к этому приему в интересах обеспечения действительности огня (поскольку драгунская винтовка пристрелена со штыком) бывает часто просто стеснительно. В условиях тех дей-

ствий спешенным порядком, когда необходимость и даже возможность применения штыка заведомо отпадает, это просто бесцельная сама по себе трата времени. Мы видели уже, что таких случаев бывает не мало — отсюда нецелесообразность существующей системы штыка очевидна сама собой.

К этому надо добавить все те детали, которые естественно вытекают из того, что штык *пехотного* типа, предназначенный для постоянной носки на винтовке, оказался примененным для эпизодического использования, а также перечень последствий, вытекающих из принятого способа его носки.

Штыковая трубка, сама по себе довольно длинная, при примкнутом штыке (в пехоте) плотно прилегает своей внутренней поверхностью к стволу и этим самым вполне защищена от засорения, что, в свою очередь, обеспечивает свободное снятие и примыкание штыка. Штык же у всадника возится отдельно от винтовки и в силу этого штыковая трубка предоставлена засорению, а, главным образом—ржавчине. Уследить за этим в условиях походной жизни, да еще при эпизодичности употребления самого штыка, как оружия атаки в пешем строю, крайне трудно, это признает всякий строевой начальник.

Теоретическому подходу здесь нет места и надо прямо сказать, что практически штыковые трубки бывают внутри обычно в таком виде, что насадить штык на ствол удается лишь с большим усилием, а то бывает вовсе и невозможно. Прямым последствием этого оказывается то, что после нескольких безнадежных попыток примкнуть штык—он вкладывается обратно в гнездо, если не летит в ближайшую канаву или кусты в сопровождении крепкого словечка. Этот психологический момент легко об'ясним, если учесть торопливость и известную нервность, которые неизбежно характеризуют всякое спешивание, а в сфере действительного огня—и подавно.

Бывает и другое столь же недопустимое с точки зрения уставных требований, но и столь же жизненное в походных условиях—штык вообще не извлекается из гнезда, где он „зарос" или приржавел от продолжительного бездействия. Бывает зато и обратное—что штыки незаметно для их владельцев вываливаются из гнезд, если последние слишком свободны, и остаются на дороге.

Слов нет, что все эти доводы не выдерживают никакой критики с точки зрения отвлеченного кабинетного подхода к делу—штыковая трубка *должна* быть всегда вычищена и смазана, сам штык *должен* быть тщательно пригнан в гнезде и также вычищен и смазан и „утрате безусловно не подлежит". Практически же мы неизменно наблюдаем частичную стрельбу без штыка со всеми ее последствиями—неверный бой, случайность попаданий и прочие явления, ставящие под знак вопроса самую целесообразность ведения огня при таких условиях.

Но даже в тех случаях, когда штыки удается вытащить и примкнуть, еще не все обстоит благополучно.

Дело в том, что штык при существующем способе его носки на ножне шашки, подвержен тем толчкам, ударам и проч., которые приходятся на ее долю, а таких при езде в строю и вообще на походе немало.

Между тем, изгибы и искривления штыка имеют *самостоятельное вредное* действие на правильность боя винтовок, пристреленных со штыком. Таким образом самый факт примыкания штыка еще ни в какой мере не гарантирует правильности боя, и стрельба со штыком носит в коннице нормальный характер в сущности лишь тогда, когда она находится вне всякой зависимости от условий походной жизни, т. е. в мирное время, на полигонах и стрельбищах.

Таковы главные основания, говорящие в пользу возможно скорейшей замены существующего штыка каким либо иным типом оружия.

В основу такой замены должны быть положены и чисто психологические соображения. Все прелести существующего штыка, вполне дискредитирующие его бойцов, создают то, что это оружие пользуется полным пренебрежением, которое механически переносится на принципиальное значение штыка для конницы. Отсюда вытекает, между прочим, и чрезвычайная затруднительность поддержания штыков на походе в порядке—их не любят, в них не верят и видят в них лишь стеснительную обузу, каковой они в существующем виде несомненно и являются вне моментов использования их по прямому назначению.

И поскольку добиться ухода за винтовкой нетрудно даже на походе, настолько это стремление естественно обречено на неуспех в отношении штыка.

Чисто же баллистическое влияние штыка на бой винтовки настолько мало известно, даже командному составу, что оно едва ли может быть сделано стимулом для более внимательного отношения в штыку. Да психологически и трудная задача—доказывать необходимость штыка ради правильности боя. Сам собой напрашивается ответ, что проще его не иметь совсем или иметь такой, кототорый не влиял бы на стрельбу, примыкаясь по желанию в минуту необходимости.

К этому и сводится в сущности вопрос о штыке, поставленный с точки зрения технической.

Штык такого типа узаконен и оправдал себя во всех армиях Запада, главным образом в пехоте, как в роде войск, боевая работа которого, в конечном итоге, подведена под знак штыка. В этом же виде, только в несколько уменьшенном размере, он привился во время мировой войны и кое где в коннице (Германия). Мы не видим решительно никаких препятствий к тому, чтобы признать желательность штыка этого типа и для нашей конницы.

Вопрос только в способе носки и типе. У немцев, например, штык носился на поясе у всадника постольку, поскольку холодное оружие для конного боя—сабля—вообще приторочивалась к седлу.

Это едва ли удобно, так как против постоянного привьючивания шашки или сабли к седлу можно найти много возражений. В кон-

нице она должна быть, мы полагаем, носима на всаднике, с тем, однако, чтобы он мог *в любую минуту* отстегнуть ее и приторочить к седлу. В этом отношении нам кажется особенно приемлемым проект В.К.Ш., внесенный в тезисы Кавсекции В.Н.О. этой школы к совещанию кавалерийских начальников в Москве в апреле месяце этого года. Согласно этого проекта, шашка носится на поясе, *на одном* широком пассике, имеющем на конце карабин, коим пассик и пристягивается к кольцу на поясе. Шашка *вместе с пассиком* может быть при спешивании мгновенно отстегнута и прищеплена к соответствующему кольцу на седле слева у ляжки всадника, а при посадке—надета вновь на пояс, уже сидя верхом. Удобно и практично.

В случае введения такого способа носки шашки (что было бы крайне желательно) штык следовало-бы иметь *постоянно* на всаднике ввиде *кинжала*, носимого по образцу таковового спереди на поясе, несколько наискось.

Это решение имело бы ряд преимуществ.

Во первых, и это пожалуй главное, штык перестал бы быть „селедкой", „пырялкой" и т. п., а превратился бы в красивую принадлежность не только вооружения, но и формы кавалериста, освященную традициями и бытом постоянных конниц (Кавказ, Кубань) и пр.

Отсюда—любовь к оружию и внимательный уход за ним, который гарантировал бы содержание штыка в порядке в гораздо большей мере, чем всевозможные „нажимы" отделенных и взводных командиров (и то больше по долгу службы, чем по убеждению).

Во вторых—штык-кинжал превратился бы в весьма полезную принадлежность на походе, так как при надобности мог бы быть использован в обиходе бойца, как нож для резки мяса, хлеба и т. п.

В силу этих особенностей штыка-кинжала он был бы всегда в порядке и никогда не был бы брошен. Достаточно вспомнить тенденцию к носке кинжалов у наших бойцов. Опыт показывает, что ко многим вопросам военного быта нельзя подходить с одним лишь дисциплинарным уставом в руках, нужно учитывать и психологическую сторону вопроса, что будет, в конце концов, лишь законной данью здравому смыслу, который должен лежать в основе всякого мероприятия.

В чисто боевом отношении штык-кинжал не стеснял бы всадника, примыкался бы мгновенно *лишь в минуту действительной надобности*, не стесняя таким образом стрельбу и не ставя действительность огня в зависимость от своего наличия на винтовке. Спешившийся кавалерист имел бы на себе *лишь то*, что необходимо для боя пешком и был бы избавлен от шашки, путающейся под ногами при перебежках и самоокапывании.

Кроме того штык—кинжал оказался бы весьма ценным оружием (уже как кинжал только) в руках разведчиков при ночных поисках, внезапных нападениях пешком на посты сторожевого охранения противника и в других случаях действий партизанского типа в на-

шем строю, когда шашка крайне неудобна, а ручное холодное оружие совершенно необходимо. При предложенной системе носки шашки она на это время оставалась бы на седлах (как и при спешивании).

Полагаем, что все преимущества предлагаемого штыка говорят сами за себя.

Введение его на замен существующего позволило бы разрешить одновременно и другую неотложную задачу—снабдить нашу винтовку боковыми предохранителями мушки от погибов, по типу, принятому в германской и английской кавалерийских винтовках, что при существующем типе штыка сделать технически невозможно, и что *совершенно необходимо* именно в коннице, где мушка естественно подвергается большому числу случайностей—удары и т. п.

Что же касается самого типа штыка-кинжала то, мы полагаем, что всего удобнее было бы иметь его лезвие по типу охотничьего ножа—широкое, с двумя долами, обоюдоострое, не слишком заостренное во избежание поломки кончика (кавказский кинжал черезмерно утончен) и в тонкой металлической ножне, выложенной внутри тонким слоем дерева и обтянутой снаружи кожей, с медной арматурой. Приемлема была бы деревянная ножна при условии не меньшей ее прочности, чем ножна кавалерийских шашек.

Длина штыка не должна быть чрезмерной, дабы не стеснять всадника.

Для крепления к винтовке следовало бы насадить между концом клинка и рукояткой стальную планку*) с выступом, с дырой для надевания на конец ствола, в рукоятке же иметь пружинную защелку на подобие принятой во французском и прочих штыках, и соответствующей фасонированный выступ на конце цевья винтовки.

Предполагаем, что штык удобнее всего было бы примыкать с правой стороны и при том так, чтобы плоскость клинка было бы параллельна плоскости вертикального разреза по линии оси канала ствола.

Это соответствовало бы естественному движению рук при вынимании и примыкании кинжала (винтовка передается в левую руку, правая рука вынимает штык, охватывая его в это время сверху с правой—наружной—стороны, и подносит справа к концу ствола, переворачивая его в это время концом кверху. Штык примыкается, после чего правая рука подхватывает винтовку либо в положение на изготовку, либо в положение на руку).

Выступ планки с дырой для конца ствола и пружинная защелка приходились бы таким образом при носке во внутрь, к всаднику, и не портили бы наружного вида кинжала.

Что же касается рукоятки, то она могла бы быть из черной кости и обычного типа кавказской кинжальной рукоятки; таким образом стиль штыка-кинжала был бы вполне выдержан.

*) Благодаря относительно небольшой толщине планки, тем самым—и высоты дыры для надевания на ствол—сама дыра была бы легко доступна для чистки, не в пример нашей штыковой трубке, которую, благодаря ее длине, трудно чистить внутри.

В заключение позволим себе выразить пожелание о том, чтобы отделка предлагаемого штыка, если бы он когда либо оказался принятым, придала бы ему действительно красивый вид, чуждый той топорности, которая, к сожалению, была всегда почему то характерна для всех изделий нашего бывшего военного ведомства—будь ли то солдатские сапоги, строевые седла или ложи для винтовок.

Эта удивительная неотзывчивость на чисто эстетические запросы должна быть, раз на всегда, изжита. Еще Наполеоном кажется, сказано, что даже оловянным пуговицам следует уделять должное внимание, ибо за них можно потребовать жизнь.

Это следует твердо помнить прожекторам из Г. А. У. и прочих причастных учреждений военведа.

Р. И. Башинский.

Употребление артиллерии

по „полевому уставу" Великобританской армии

изд. 1920 г.

В одном из германских военных ежемесячников за 1921 г. *) приводятся выдержки из Полевого Английского устава, вышедшего в свет в октябре мес. 1920 г.; назначение и употребление артиллерии при различных условиях боя этим уставом формулируются в существеннейших чертах следующим образом:

Часть общая.—Артиллерия преодолевает сопротивление противника и оказывает своей пехоте всяческое содействие. Благодаря тому, что артиллерия может внезапно развить очень действительный огонь, установить заградительный огонь, а также благодаря употреблению химических и дымовых снарядов, она во время минувшей войны приобрела громадное значение. Возможность артиллерии производить и ночью весьма действительный обстрел заставляет предусматривать смену для отдыха как орудийному расчету самой артиллерии, так и для пехотных передовых частей.

Атака.—Употребление артиллерии во встречном бою отличается от применения ее при планомерной атаке.

Во встречном бою артиллерия главных сил должна занимать позиции под прикрытием авангарда и открывать огонь по целям, выдвигаемым ходом боя. Как правило, число стреляющих орудий не должно превосходить настоятельно необходимого; остальное остается на подготовительных или выжидательных позициях. По мере развития боя часть этой артиллерии выдвигается для своевременной поддержки своей пехоты, для обстрела опорных пунктов, задерживающих развитие наступления, или против неприятельских бронечастей и возможных контр-атак.

---

*) Artilleristische Monatshefte, von H. Rohne, sept.-okt. 1921.

При *планомерном наступлении* нужно, в соответствии с имеющимися в распоряжении орудиями, тщательно определить число батарей, которые в различные периоды боя должны применяться для стрельбы на подавление, на уничтожение, для разрушения, подвижного заградительного огня и для борьбы с артиллерией противника. Всякая перемена позиции должна быть тщательным образом подготовлена, равным образом как и распределение управления огнем, чтобы низшие войсковые начальники, в соответствии с ходом наступления, могли бы самостоятельно распорядиться определенным числом орудий, вводя их в дело непосредственно, сообразно с меняющейся боевой обстановкой или при каких либо неожиданностях. Чем слабее сопротивление противника, тем раньше должно быть осуществлено это распределение. При выполнении подвижного заградительного огня (Feuerwalze) это распределение наступает в момент достижения рубежа этого огня.

Сравнивая выгоды и недостатки предварительной артиллерийской подготовки атаки, устав приходит к заключению, что недостатки таковой подготовки перевесят преимущества, если обстрел „продолжается более часа“: поэтому устав особенно не рекомендует такой длительной артиллерийской подготовки во встречном бою. При планомерном наступлении он указывает, на ряду с артиллерийской подготовкой атаки, на использование танков, отдавая, повидимому, предпочтение этому последнему средству содействия атаке. Но при этом напоминает, что необстрелянные деревни, отдельные строения, рощи—естественные убежища для пулеметов—для бронемашин представляют неблагодарные цели.

Предпочтительно кратковременное, но достаточно интенсивное обстреливание. При разрушении оборонительных сооружений противника нужно тщательно взвесить применяемые для этого приемы и средства, так как изрытое глубокими воронками поле создает атакующему новые препятствия, дав противнику весьма трудно преодолимые убежища для расположения пулеметных гнезд.

Для разрушения проволочных заграждений, требующего особенно тесного взаимодействия артиллерии и пехоты, рекомендуются минометы и полевые гаубицы, в случае настоятельной надобности подкрепленные некоторым количеством гаубиц средних калибров. Борьба с неприятельской артиллерией рекомендуется самым решительным образом с самого начала наступления.

При *встречном бою* связь пехоты с артиллерией должна быть особенно тесной, чтобы последняя могла получить от пехоты непрерывные указания о направлении и характере направленного на пехоту артиллерийского огня и, обнаруживая помощью аэропланов батареи противника, обстреливающие свою пехоту, принимать меры к их уничтожению.

При *планомерном наступлении*, а тем более в *позиционной войне*, позиции всех батарей противника должны быть точно известны, чтобы во время атаки их держать под обстрелом.

Чтобы дать возможность артиллерии организовать подвижной заградительный огонь, т. е. для составления таблиц или схем его выполнения, ей должны даваться точные задания: исходная линия наступления пехоты, темп подвижного заградительного огня, точное положение расположенных по пути целей, продолжительность задержки огня на этих рубежах и конечную цель, если таковая намечена, и конечный рубеж.

Оборона.—Артиллерию предписывается располагать уступами в глубину. Основная задача—поддержка пехоты при обороне главной позиции. В соответствии с намеченным сопротивлением, которое должно оказываться в передовых линиях, назначенные для этого войска будут поддерживаться артиллерией; при этом тяжелая и средняя артиллерия оттягиваются настолько назад, чтобы это не препятствовало производству действительного обстрела для разрушения и состязанию с артиллерией противника. При значительной глубине позиций рекомендуются отдельные орудия выдвигать в передовые линии.

Большое значение придается подвижным артиллерийским резервам с точки зрения непосредственной поддержки наступательного духа и быстрого разрешения различных задач. Чем слабее артиллерия обороняющегося, тем важнее удержание в тылу подвижного артиллерийского резерва, чтобы именно им располагать непосредственно в момент устремления атакующего на обороняемую позицию.

При обороне особенно нужно более широко проведенное распределение [децентрализация] управления огнем, чем при планомерном наступлении, потому что обстановка может быстрее меняться, и низшие войсковые начальники должны располагать большею свободою в требовании артиллерийской поддержки.

Кроме этой непосредственной поддержки, устав предусматривает здесь еще и другие специальные задачи, выпадающие на долю артиллерии обороняющегося. Важнейшею из них он считает задачу затруднять неприятельской артиллерии подготовку, для чего рекомендует использовать самым широким образом подвижность путем неоднократных перемен позиций и частые обстрелы химическими снарядами.

Если фронт противника настолько близок, что наступающий с него уже может непосредственно броситься в атаку, или если разделяющий обе стороны промежуток настолько мал, что может быть пройден, несмотря на огонь большей части артиллерии, то нужно употребить в дело все имеющиеся в распоряжении орудия для взаимной работы с пехотою, минометами и пулеметами по отражению атаки. Где это возможно, действительность артиллерийской стрельбы корректируется наблюдателями; где же это невозможно, там устанавливается заградительный огонь. О наступлении неприятельской пехоты батареи оповещаются путем световых сигналов пехотных и артиллерийских наблюдателей. Начальник дивизии указывает, куда направить заградительный огонь, и именно вначале возможно ближе перед ближайшими поддержками передовых линий наступающего. Так как количество орудий большею частью не безгранично, чтобы

можно было заградительный огонь установить по всему фронту, то его сосредоточивают против пунктов, которые не могут обороняться пехотою и пулеметами в достаточной мере.

В схеме заградительного огня всегда должны быть указания о переведении огня от передовой или главной позиции на тот случай, что противник может проникнуть на позицию. Ни под каким предлогом не допускается перенос заградительного огня без особого приказания соответствующего участкового начальника, который сперва должен убедиться, что впереди лежащий опорный пункт оставлен бывшим в нем гарнизоном и что заградительный огонь можно перенести на другой пункт без ущерба для обороны соседних участков.

Части артиллерии поручается особая задача борьбы с танками. Так как основная опасность броневых машин заключается в той поддержке, которую они оказывают наступающей пехоте, то важнейшей задачей артиллерии всегда будет выведение этой пехоты из строя. Если танки пробились до ближайших подступов к артиллерийским позициям, то они должны обстреливаться прямым огнем всех орудий, могущих это сделать.

Позиционная война.—В этой части устав прежде всего требует, чтобы был надлежаще использован каждый снаряд, выпущенный даже с самых больших дистанций.

Борьба с артиллерией противника имеет целью подавление ее при штурме. Если предварительный обстрел упущен, то задача будет много труднее, но все же застигнутый врасплох противник не будет располагать никакими новыми батареями для введения в дело, а, с другой стороны, и орудийный расчет артиллерии наступающего, при открытии огня на подавление, ни моральнио ни физически не будет истощен предварительным артиллерийским состязанием.

Довольно своеобразны правила установления огневой завесы и подвижного заградительного огня. Устанавливаются различные полосы обстрела, так, чтобы огонь был распределен на надлежащую глубину. Большая часть полевых орудий направляет свой огонь на полосы, вначале расположенные в непосредственной близости перед своей пехотой. Далее идет вторая зона, расположенная в непосредственной близости от окопов и обстреливаемая остальными полевыми пушками и легкими гаубицами. Эти зоны и составляют подвижную огневую завесу [Feuerwalze], передвигающуюся по указанию специального расписания. Затем идет еще одна зона, обстреливаемая тяжелыми полевыми гаубицами и включающая в себе тяжелые пулеметы противника, стреляющие с укрытых позиций. В то же время дымовые снаряды направляются в те пункты, откуда угрожает фланкирующий огонь. Гаубицы средних калибров могут применяться для обстреля полос, обстреливаемых легкими или тяжелыми гаубицами.

Схемы и расписание подвижного заградительного огня сообщаются соответствующим батареям по крайней мере за 12 часов до штурма. Обстрел, производимый в промежуток времени между моментом овладения одним пунктом и атакованием непосредственно следую-

щего пункта, назван „protecitve barrage"—огневая завеса. Средние минометы в начале штурма, на ряду с другими орудиями, также применяются против неприятельских препятствий. Затем они придаются пехотным бригадам и уступами передвигаются на заранее выбранные позиции в непосредственной близости позади пехоты. Легкие минометы перевозятся баталионами, а боевые припасы к ним доставляются на вьюках.

Об употреблении артиллерии при обороне в позиционной войне устав не дает чего либо нового и оригинального.

Н. Пуць.

Опыт тактического исследования связи.

Определение связи, как понятия, в военном деле.

Военные исследователи вскользь затрагивали вопрос о роли связи только в период действий войсковых масс в войне, ничуть не касаясь этого вопроса в мирное время, при чем в этих исследованиях более детально разбирался вопрос об управлении войсками, чем вопрос о связи. Сущность управления безусловно тесно связана с вопросом связи, и до тех пор пока не было необходимости, или, вернее, сама обстановка военных действий не привлекла необходимых вспомогательных сил и средств, и пока техника сношений не достигла своего развития, чтобы иметь возможность предоставить средства, вполне отвечающие обстановке и могущие обеспечить управление войсками не только на театре военных действий, но и на поле сражения, вопрос о связи разбирался, как несущественная, мало заметная деталь управления. Между тем как связь есть обширная и довольно важная отрасль военного дела. Связь по характеру исследуемых ее вопросов можно, пожалуй, без ошибки разбить на два основных отдела:

а) Связь духовную и

б) связь, обеспечивающую управление войсками.

Эта два основных отдела заключают центр тяжести современного управления громадными армиями, раскидывающимися на больших пространствах. В современной войне, как никогда, выявилась необходимость точного разделения труда между главным начальником и его подчиненными, а также расширилась область действий подчиненных начальников, что и заставило современных руководителей армиями обратить внимание на связь. Необходимость разумной индивидуальной деятельности каждого участника, направленной к самостоятельной постановке новых целей, развитие поставленных, достаточно выявлена современной войной, в которой тесно переплетались действия войск, основанные на приказаниях высшего начальника, с действиями, вызванными свободным выбором цели подчиненными, ограничиваясь с их стороны только ориентировкой высшему начальнику. Принимая во

внимание, что успех каждой операции зависит от согласованности, цельности и т. д. действий, то привычка к связи, приобретенная войсками в мирное время, становится сущностью управления. Этой привычки можно достичь только духовной связью. Духовная связь достигается:

а) Выработкой единых основ воспитания войск,

б) едиными взглядами на ведение военных действий,

в) частыми сборами войск с целью обновления своих знаний,

г) приучением войск к известным лицам в мирное время, кои назначены руководить их действиями в военное время,

д) изменением военного дела согласно достижений в науке и технике,

е) взаимной выручкой и поддержкой каждого рода оружия, особыми формированиями и т. д.

Соблюдая вышеизложенное, части достигают духовной связи. Единое воспитание, построенное на разумном развитии воли, инициативы и характера, дают возможность определить высшему начальнику задачу, которую можно поставить на решение войсковым частям. При чем развитие способности принимать решения, оправдываемые обстановкой, должно быть широко применено. Единый взгляд даст твердую уверенность, что цель, поставленная войскам только в идее, будет исполнена так, как ее понимал высший военноначальник. Только единым пониманием военных явлений, обстановки, можно достичь успеха. Частые сборы войск, особенно в тех частях, где им придется служить в военное время, приучают к единому духу части и способствуют обновлению их знаний, приобретенных ранее, при других условиях и обстановке, морально связывая с кадром находящихся на службе в данное время. Какой бы ни был промежуток времени, но знания имеют эволюцию, следовательно находящийся в запасе и ранее прошедший контингент, необновляющий их, не будет иметь тех взглядов, какие имеют находящиеся на службе части и с влитием в их ряды внесет разнобой. Даже знание технических средств им будет не знакомо. Части войск должны быть приучены к тем начальникам, которые будут ими руководить в военное время да и сами руководители, знакомясь с частями и изучая их, будут иметь возможность знать качества войск, которыми им придется руководить, что особенно важно в отношении постановок целей и определения, кто из подчиненных способен пользоваться самостоятельностью. В свою очередь военные науки должны быть связаны с общими науками, чтобы иметь возможность определять, постигать формы, способы, приемы, которые необходимо ввести в военное дело, и, соответственно этому, изменять их, чтобы призванные могли бы обучаться согласно приобретенным познаниям до прохождения службы. Взаимная выручка, поддержка, знакомство, формирование, основанное на территориальности и т. д., это довольно известные основы, о которых говорить не приходится. И если эти основы широко применяются в армии мирного времени, этим уже достигается и бу-

дущая связь в операциях войск, чем облегчается работа по управлению войсками. Ее сущность, т. е. сущность духовной связи, заключается в выработке у подчиненного способности самостоятельной постановки себе цели действия и развития полученной основной идеи в предстоящих действиях в дальнейшем, в случае, если не будут своевременно получены указания от старшего начальника, таким образом, чтобы решения были приняты не только сообразно общим условиям военных действий и обстановки, но и развиты соответственно основной идее, не внося противоречий. Эта связь является до некоторой степени психологией связи. Но одной духовной связью нельзя достичь правильного управления и единства действий. Правильное управление, единство действий достигаются другой основой связи. Это—связь, обеспечивающая управление действиями войск. Эта связь заключает в себе формы, способы, приемы использования, применения средств и сил связи для обеспечения непрерывного управления командованию действиями войск посредством директив, приказаний, ориентировок и т. д. Этот род связи занимает далеко не последнее место среди способов обеспечения правильного управления войсками в вооруженной борьбе, ибо одной согласованностью без связи, организованной путем применений различных средств, успех не достигается. Это есть не только способ проверки результатов, достигнутых духовной связью, но и способ направления всех сил, как к целесообразности, так и эксплоатации достигнутых целей, привлекая в качестве средств и сил телеграф, телефон, радио-телеграф, сигнальный, световой аппарат, голубя, всадника и т. д., дающих полную возможность командованию войти в детали действия подчиненных войск и этим иметь полную возможность получить должную ориентировку вечно изменяющейся обстановки театра военных действий. Все задачи, решаемые войсками на маневрах, все данные в расположении собственных войск и войск противника, видоизмененные оперативной обстановкой и свойствами местности, все передается средствами этой связи. Эта же связь, путем умелого комбинирования и применения новых технических средств, дает возможность ведения разведки, сведения которой, подтверждаемые другими видами разведки, представляют для действия войск ценный материал, эти-же средства представляют возможность производства ложных маневров путем применения радио-телеграфа. Благодаря этому, войска получают своевременно указания по решению поставленных им задач, намерений противника, чем достигается сглаженность, согласованность войск всего театра военных действий. Изучая тактические свойства главных родов оружия, связь, в свою очередь, стремится в отношении приданных ей средств:

а) наиболее выгодно использовать положительные свойства всех средств связи, необходимые для обеспечения управления.

б) принять меры к смягчению влияния отрицательных условий оперативной обстановки, времени, состояния атмосферы и

других особенностей, сопровождающих действия войск, на действия введенных средств связи,

в) сохранить беспрерывность связи,

г) заложить в состав предназначенных для организации связи войск значение общей цели с действиями, таким образом, чтобы войска связи проникались общей целью,

д) способствовать своими средствами целям разведки, наблюдению, производству ложных маневров и парализованию правильного функционирования средств связи у противника.

Этот отдел связи, занимаясь вышеуказанными задачами и действиями войск связи, приданными для осуществления этих задач, составляет тактику связи. Определяя постоянные средства связи, применяемые в войне, обследуя формы, способы, приемы их применения в условиях, требуемых обстановкой военных действий, и в многообразных условиях и свойствах местности, связь выясняет цель каждого средства, приема, способа и степень его годности для обеспечения управления. Имея своей основой технику развития средств связи, связь привлекает к себе на службу только те средства сношений, которые могут быть применены в условиях военной обстановки. Делая определенный разбор, расценку с точки зрения возможности их применения, тактика связи дает практические указания своего обследования для правильного управления. Насколько видоизменяются вооруженные силы, насколько нарождаются новые данные в отношении их устройства, системы образования и т. д., настолько и связь видоизменяется, приспособливается к этим новым формам и выводам. Это видоизменение приводит к новым приемам использования и применения средств связи для управления. Имея конечной целью правильное обеспечение управления войсками, связь должна иметь способность применять свои средства так, чтобы они, независимо от обстановки, действовали безотказно. Изменчивость оперативных условий, топографические свойства местности, состояние атмосферы, не должны для связи служить препятствием. Изучая тактику других родов оружия, местность, атмосферу, имея обширный запас многочисленных средств связи, зная тактику связи, можно преодолеть вышеуказанные препятствия.

Скапливая сведения путем опытного применения средств связи при различных условиях, устанавливая анализ теоретического и прикладного характера применения своих средств, связь дает полную возможность правильно организовать, обеспечить управление. Результатом является полная самостоятельность разобраться в обстановке, намеченной командованием, и применить средства так, как требует действительность.

Таким образом, определяя связь, как отрасль военного дела, занимающуюся вопросами применения средств и сил связи для целей управления войсками, в полном соответствии с стратегическими и тактическими формами и приемами, указывающую, с одной стороны,

на правильное расположение войск, в смысле их управления, а, с другой—обеспечивающую управление ими.

Путем правильного применения военных и технических знаний о средствах связи, можно выделять связь, как науку военного дела, вполне самостоятельную и имеющую логическую подкладку, далекую от отвлеченных наук.

Значение связи.

В войнах прошлых веков многие стороны военного дела, а, в особенности, служба связи не привлекала внимания военных историков, следствием чего установился, вкоренился неправильный и общепринятый взгляд на связь, как на нечто второстепенное. Благодаря этому, у большинства лиц командного состава вкоренилась привычка смотреть на связь сквозь пальцы или же, по мнению ф. Гольца, ждать, пока „явится одаренный божественной искрою гений, который сумеет найти средства для господствования над битвой будущего". Кир находил необходимым подтверждать свои приказы лично начальникам отдельных частей боевого порядка. Александр Македонский учел необходимость и пользу полевой почты. Юлий Цезарь нашел нужным ввести в легионы голубиную почту и шифр. Наполеон ввел в армию оптический телеграф и наконец современная война, а вместе с ней развитие техники сношений, признало полную необходимость службы связи в современной войне. Таким образом каждый полководец, который держал в своих руках управление войсками, всегда прибегал к тем средствам сношений, которые эпоха могла дать. Чем больше привлекалось для вооруженной борьбы масс, чем дальше переносились военные действия от центра своей страны, тем быстрее ощущалась необходимость в правильном управлении и обеспечении его, как среди войск, так и для сношений с тылом. Многомиллионные армии, громадное протяжение фронтов, необходимость сношений с тылом, особенно с центрами, пополняющими убыль войск и т. д., вот факторы, которые оказывают влияние на трудность управления, а вместе и на развитие службы связи. Это постоянное возрастание трудности управления войсками было замечено еще Наполеоном, который говорил: „Задача главнокомандующего труднее при современных армиях, чем то было при армиях прежних... Требуется гораздо больше опытности и высшего гения для управления армией, чем армией древних времен". Остается жалеть, что эпоха, в которой жил Наполеон, дала только из средств сношений оптический телеграф *Шаппа*. Бывшая в загоне с давнего времени службы связи по истине получила свое развитие только с войны 1914—1918 гг., хотя развитие ее началось с войн 1858 года. Военная история не достаточна разработана, чтобы предоставить возможность привести ряд доказательств, насколько отрицательный исход был операции, где отсутствовала хорошо организованная и правильно налаженная служба связи, в каких бы то ни было видах. При таком положении не было ничего удивительного в том, что военные умы, воспитанные атмосферой популярности личного при-

сутствия военноначальника в передовой линии, стали смотреть отрицательно на средства, обеспечивающие управление, помимо личного присутствия среди войск, считая эти средства роскошью. Этот вкоренившийся взгляд они находили вполне законным, не замечая того, что развитие техники сношений дает прекрасное средство для управления. Но все же в этой истории есть, хотя скудное, доказательство, что в армии тех государств, цивилизация и культура которых стояла на высокой степени развития, средства сношений играли не последнюю роль, как в жизни страны, так и в военных походах и битвах. Кто может знать, какую роль сыграл Арасп, привезший своевременно Киру сведения о построении армии Креза Лидийского при Фимрах, да и сам Кир широко применяет средства связи общения старшего начальника, подтверждая отдельные приказания, беседуя с воинами и, наконец, при преследовании пользуется зрительной связью, чтобы видеть исход сражения. Сравнительно малая длина фронта, личный об'езд старших военноначальников пред линией расположения войск, подтверждение своих приказаний, воодушевление войск своим присутствием в первых рядах,— вот способ управления войсками в древнее время. Это управление имеет громадное значение на исход сражения. Дальнейшие войны из эпохи римского владычества, походы Аннибала, кампании Юлия Цезаря, сравнительное развитие письменности безусловно оказали влияние на привлечение средств сношений для целей управления войсками. Здесь необходимо указать, что стоит ошибка, допущенная неправильным применением связи. Достигнув р. Метавры, Аздрубал послал донесение Аннибалу о своем прибытии. Это донесение, посланное одним вестовым (а связь говорит о посылке приказаний в нескольких экземплярах, несколькими вестовыми), было перехвачено Клавдием Нероном, что дало возможность узнать намерение своего противника и тем одержать над Аздрубалом полную победу. Аннибал не подозревал этой трагедии, и только голова Аздрубала, брошенная римлянами в его лагерь, указала и дала понять то, что совершилось по соседству с ним. Разбросанные легионы Юлия Цезаря в Галлии, когда эта область была охвачена восстанием, нуждались в связи, почему Юлий Цезарь прибегнул к услугам голубиной почты. Он же писал распоряжения своему полководцу Цицерону, окруженному бельгийцами, греческими буквами, употребляя различные сокращенные перестановки букв для того, чтобы, в случае перехвата неприятелем, он не мог открыть плана римлян. Таким образом в классическое время связь играла в военном деле не последнюю роль, что ярко подчеркивается умением всех полководцев этой эпохи держать войска в своих руках, что и указывает на правильное управление. Как указано было выше, Наполеон сознал необходимость правильного управления. Прекрасные исполнители, под его руководством, предоставленные сами себе, оказались неспособными к самостоятельным действиям. Жаль, что вывод Наполеона не с'умели во время применить к теперешним армиям. Какая существовала связь, какая была

организация этой службы и какие были средства—это дело истории связи. Эти выхваченные наугад примеры имеют целью только подтвердить значение связи даже в отдаленные эпохи. Последнее большое сражение из мировой войны на Марне, поведшее из-за удаленности ставки, а, следовательно, невозможности обеспечить правильное управление, вызвало посылку на фронт одного из второстепенных чинов генерального штаба,—было германской армией проиграно. Эта современная война положила начало акции службы связи. Хотя в промежутках времени до современной войны происходила эволюция развития средств сношений в армии, путем привлечения средств, существовавших в эпохи возникновения войны. Если кратко и бегло просмотреть историю развития средств сношений, то можно убедиться, что армия берет себе те средства, которые открыты наукой—техникой. Так со времен Кира вводится обычай устройства сигнальных постов на горах и возвышенных пунктах для передачи путем голоса извещений и т. д. Перенявшие это средство от персов, древние греки усовершенствовали его оптической и факельной сигнализацией, между прочим, по словам Геродота (VII—192), эти сигнальные средства употреблялись греческой армией в войне с Ксерксом. Наконец, изобретение французским инженером Кладе Шаппе оптического телеграфа повело к применению его в французских войсках, но, причина присущих недостатков всякому оптическому прибору, применение дальше осад крепостей (Кенуа, Майнц) не пошло. Работы Ампера, Шиллинга, Гаусса, Вебера в области применения электричества для сношений не дали желательных результатов следствием чего и армии не могли использовать эти средства для своих целей. Только открытие Эрстеда, Араго дало возможность Морзе заявить в 1838 году патент на свой аппарат, который спустя 20 лет, т. е. в 1858 году, был принят англичанами для военных целей. Имевшиеся до войн 1870—78 годов аппараты Юза, Уитстона не привлекались к военным целям. Эти войны дали толчек к усовершенствованию изолированных и облегченных проводников. Открытия в области радио-телеграфии, предшествовавшие Русско-Японской войне, были применены последней. Таким образом связь в военном деле прогрессирует параллельно развитию техники. Те средства связи, которые находились на службе до современной войны, были крайне недостаточны. Призванные специалисты определили их непригодность к условиям оперативной обстановки, и их знания с‘умели их заменить, приспособить для целей управления. Развитие техники дало возможность ввести, новой конструкции, средства связи. Появились „фуллерфон“, „лампа Люкса“, упрощенный флаг и т. п. и на помощь к службе связи была привлечена авиация, радио-телеграф стал широко использоваться для целей управления и, кто знает, может быть современная война его с‘умела усовершенствовать до тех размеров, до каких это средство достигло сейчас. Эта же война указала, что плохо организованная, не снабженная многочисленными средствами, неподготовленная в мирное время связь не может обеспечить правильного управления. Имея тесную связь

с техникой развития средств сношений, следя за открытиями в этой области, предугадывая будущие формы управления войсками на театре военных действий, связь приобретает громадное значение. Прибавьте к этому заранее и хорошо развитую сеть телеграфно-телефонных магистралей будущего театра военных действий и вы получите обеспеченное управление. Дать непрерывное управление, обеспечить его,—вот значение связи. Твердо надо запомнить, что всякое препятствие, разобщающее войска передовой линии с соседом, с тылом, вредно отзывается на моральном настроении войск. Находящимися средствами связи надо стремиться преодолеть эти препятствия—эта способность преодолевать препятствия и подымает значение связи. Что такое самая сильная, вооруженная по последнему слову техники, многочисленная армия, никем не руководимая, никем не эксплоатируемая. Быть оторванным от этой массы и считать себя руководителем, какой толк такому военноначальнику, если его другие, менее многочисленные, армии, но хорошо управляемые и имеющие возможность своевременно получать указания, смогут бить.

Только наличие связи в действиях и своевременность ориентировки дает возможность направить правильно войска. И если Леер в своей книге „Стратегия“, часть II, рекомендует управление армией посредством глаза, вооруженного трубой, ф. дер-Гольд в книге „Вооруженный народ“ сомневался в пользе телеграфа и телефона, рекомендуя надежный способ управления—посылку ординарцев, то это нисколько не умаляет значения связи, а, наоборот, показывает, насколько их взгляды далеки были от техники средств сношений и не допускали дальнейшего развития их, да и самое управление массовыми армиями ими было еще не оценено. „Там, где служба связи функционировала правильно, там успех операций был обеспечен“. Это вывод лекции, читанной полковником Хаппе на информационных курсах высшего комсостава Польской Армии.

Значение связи в том, что она не дает возможности утерять руководства и управления войсками. В тех войсковых соединениях, где умели быстро вводить в действие все средства связи и применять их согласно требований обстановки и местности, там всегда было правильное управление. Там, где командование возлагало на средства связи требования, отвечающие их силам, там не было замешательства и расстройства плана намеченных действий войск, там царила воля и мысль командования.

Командование, не сознавшее, не понимавшее сущности связи, не могло иметь твердой уверенности в правильном проведении плана своих действий. Только правильное введение в действие всех имеющихся средств, как бы они примитивны не были—испортится одно, то будет действовать другое—может дать прочную и надежную связь. Правильное управление есть стройная система организации связи. Вот в чем значение связи.

Назначение связи.

Управление войсками, стоящее на высоте своего назначения, позволяет часто малыми силами бить стойкого и превосходящего силами противника.

Это показал опыт Русско-Японской войны и подтвердила современная война. При современных войнах управление войсками на театре военных действий посредством команд, сигналов, условных знаков, а также личным примером, т. е. появлением начальника впереди войск невозможно. Только хорошо организованная связь может дать правильное управление. Обеспечить своевременным указанием подчиненных во всех обстоятельствах боя, их цели, особенно тем частям, кои находятся в большей опасности, поставить новую задачу,—вот назначение связи. Личное обозрение обстановки неприятеля, соседей и знакомство с местностью заменяется теперь донесениями, отчетами, картами. Своевременность принятия решений, определение действий частей достигается приказанием, директивой. И это достигается хорошо организованной и безотказной связью. Это—первое основное свойство связи. Второе свойство связи это—служить своими средствами для целей разведывательной, наблюдательной и предупредительной службы и применения ложных маневров. Подтверждая данные разведкой, путем сличения данных, добытых средствами связи, связь еще больше подкрепляет командованию принятие решений, давая этим возможность проверять донесения частей о противнике. Отсюда и возникает назначение связи:

а) Дать возможность командованию быть в курсе положения всех находящихся в его распоряжении частей.

б) Передавать командованию свои распоряжения находящимися в их подчинении войсковыми частями.

в) Обеспечить передачу донесений, приказаний, запросов, раз'яснений и вообще всего того, что необходимо для правильного управления.

г) Взаимной ориентировки между войсками и

д) для целей разведывательной службы, ложных маневров путем применения имеющихся средств связи.

Для этого необходима такая группировка сил и средств связи, чтобы управление войсками, независимо от оперативных условий и топографических свойств местности, не прерывалось, почему нужно всегда вводить в действие только часть сил и средств связи всех видов, оставляя другие на случай неблагоприятных обстоятельств. Правильность выполнения связью своих назначений показывает ход событий театра военных действий, ибо правильное осуществление намерений командования войсками есть правильное управление. Для того, чтобы управление на более важных участках было обеспечено необходимой силой и средствами связи, вводить в действие более надежное, вполне отвечающее условиям обстановки и тем количеством донесений и приказаний и т. д., которые необходимо передать. Назна-

чение связи должно быть строго ограничено, и задача, поставленная связи, не должна превышать того, что связь своими средствами может выполнить. Как общее правило, командование должно избегать назначать связи то, чего нельзя выполнить средствами связи, согласно имеющихся в ее распоряжении сил и средств. Только в тех случаях, когда необходимость диктует обеспечить управление на большие расстояния, можно допустить использование сил и средств связи за счет второстепенных линий управления.

Если посредством управления командование получает:

а) возможность твердо держать войска в своих руках,

б) придавать войсковым соединениям согласованность, планомерность действий,

в) своевременно указывать неточности, неисправности, допущенные войсками в решении поставленных им задач,

г) расширять и назначать войскам новые задачи и

д) проверять путем сличения данные разведки со сведениями о противнике, добытые средствами связи, и т. д.

Только при наличии этого связь выполняет свое назначение.

Основные требования, пред'явленные к связи.

Отсюда вытекают основные требования, пред'явленные к связи. Требования эти суть следующие:

а) непрерывность,

б) гибкость,

г) своевременность,

в) прочность,

д) полнота ориентировки,

е) невозможность противнику воспользоваться связью для своих целей и

з) возможность при помощи связи вести наблюдение.

А) Первое требование заключается в том, чтобы связь давала, независимо от условий оперативной обстановки и топографических свойств, а также состояния погоды и т. д., непрерывное обеспечение управления войсками, ибо теперешнее военное предприятие требует, чтобы подчиненные, вплоть до командиров звена, понимали, что нужно им делать, и знали определенную цель. Управлять войсками в бою, даже имея хорошо оборудованные наблюдательные пункты, вследствие оглушительных выстрелов, треска разных снарядов и т. д., не приходится. Теперешние бои безусловно требуют непрестанного наблюдения за имеющейся обстановкой, ибо теперь армия есть ничто иное, как машина, части которой трещат, гнутся под гнетом возложенных на ее части задач боя, и чтобы иметь возможность согласовать и направить усилия отдельных частей к общей цели, нужно обеспеченное управление. Только непрерывная связь дает эту возможность. Непрерывная связь достигается удачным выбором средств связи, правильным выбором места нахождения лиц, управляющих боем, и умелым приме-

нением средств связи. Непрерывность достигается, если связи будут своевременно известны:

а) места стоянок штабов во время перегруппировок и места расположения лиц, управляющих боем,

б) время прибытия их в новые пункты,

в) расчет необходимых сил, средств для обеспечения беспрерывности основанных на расстояниях, продолжительности, нагрузки донесений и т. д.

Б) Гибкость заключается в стремлении преодолеть, парализовать противодействующие силы театра военных действий, а именно:

1) местность,

2) состояние атмосферы,

3) перемены мест стоянок войсковых штабов,

4) удаленность низших штабов от высших и т. д. маневренные действия войск.

Чрезмерные количества войсковых единиц, часто меняющие свои места расположения, заставляют связь быть гибкой, хотя частые перемены мест вредно отражаются на управлении да и польза есть ли в применении искусственных маневров, когда развитие железных дорог, многочисленность армий и т. д. позволяют просто схватиться армиям без хитростно-сплетенных маневров, но связь, примененная сообразно обстоятельствам, не нарушит управления. Обладая многообразием форм, достаточным резервом и знанием местности, атмосферных явлений, она выберет те средства, которые будут подвижны и легки. Точное определение задач каждому средству, согласно требований обстановки, есть залог гибкости связи.

В) Прочность связи заключается в способности противостоять внешним причинам и быть независимыми от них. Современный бой с губительным огнем артиллерии, газами и т. д. не должен оказывать влияния на связь и прерывать ее. Бронированный кабель, глубокое зарывание его в землю, обилие запасных дублирующих средств, маскировка, частая поверка действий и т. д. делают связь прочной.

Г) Своевременность—аккуратное доставление в срок донесений, приказаний и т. д. Только своевременно полученное донесение даст возможность произвести верную оценку обстановки, правильно выбрать решения. Подчиненная же часть, благодаря своевременно полученному приказанию, с'умеет своевременно выполнить его.

Д) Полнота ориентировки дает возможность всем войсковым частям посылать периодические сведения об изменениях в обстановке, успехах своих участников, что при ширине фронта дает возможность для согласованности действий войск в стратегическом масштабе.

Е) Невозможность противнику воспользоваться связью для своих целей, т. е. поставить средства так, чтобы было затруднительно вести противнику подслушивание и радиослежку и включать в линии с целью перехвата приказаний, донесений, и это достигается применением особых мер со стороны связи, чем достигается расстройство правильно управлять войсками противнику.

Ж) Средства связи могут служить также и для предупредительных целей, особенно это важно сейчас, при развитии газового действия и других аналогичных средств.

Таким образом, обладая своей собственной тактикой, многообразием средств, связь с успехом выполнит требования, пред'явленные к ней.

П. Дыбенко.

Принцип связи и оперпункты*).

(Принцип связи снизу вверх, от младшего к старшему).

Военная литература и уставы, на опыте минувшей мировой войны и гражданской, уделяют большое внимание всем вопросам военного искусства. Все подмеченные ошибки и промахи в тактике и применение на полях сражения различных родов оружия, а также способ вооружения и комплектования, методы обучения и воспитания занимают умы не только военных, но и политических работников. Наряду с этим, на связь, неналаженность и отсутствие которой являлось не меньшей причиной многих поражений, уделено слишком мало внимания. Этот существенный нерв каждого командира при управлении войсками, якобы, не вызывает сомнений в его правильности, использовании и применении.

Война будущего, где тактические действия, вплоть до самых мелких войсковых соединений, взвода, примут групповой маневренный характер и где командиру взвода придется управлять, а не командовать, потребует, в первую очередь, правильной постановки связи. Вряд ли можно в войне будущего ожидать продолжительных затяжных боев по всему фронту, где результат сегодняшнего боя не будет решающим на более или менее продолжительный период. При отсутствии должной связи, запоздание донесений, особенно когда будут развиваться скоротечные бои, может быть губительным для всей операции. Переход войск от линейного построения к групповым при наступлении и атаках потребует гибкой и быстрой маневренности—передвижений, а, следовательно, и быстрого перенесения связи с одного участка на другой. В данном случае не потребуется приказ свыше о переносе связи, а должна быть величайшая ответственность и распорядительность того начальника, который непосредственно ведает связью, приданной маневрирующей части. Все эти факторы заставляют своевременно обратить особое внимание на управление связи, ее организацию, техническое установление связи и подготовку в период мирного времени. Рассматривая данный вопрос, необходимо в первую очередь точно установить ответственность за техническое установление связи, ее управление и своевременную разработку и высылку оперативных

---

*) В дискуссионном порядке. *Ред.*

планов связи, схем, а также своевременное снабжение средствами связи. Кроме того необходимо точно разработать: 1-е—подготовку связи в период разработки общего оперативного плана, 2-е—организацию, установление и управление связью во время выполнения войсками оперативного плана (принимая во внимание все фазы боя маневренной и позиционной войны), 3-е—управление связью и распределение технических средств, 4-е—установление связи между менее подвижными штабами и управлениями и между отдельными родами оружия и 5-е—связь в глубину и по фронту.

Установив единый основной взгляд на принцип связи, согласовать данное положение во всех уставах, а с уставами согласовать штаты различных войсковых соединений.

До настоящего момента о принципе связи в нашей Красной армии существует приблизительно одно мнение: „Связь сверху вниз". Об этом положении говорит и полевой устав, утвержденный 22 декабря 1918 г. В отделе полевого устава „Порядок службы связи" ст. 64 гласит: „Каждый начальник имеющимися у него средствами устанавливает связь с своими подчиненными, что не снимает с последних обязанности искать связи с своим начальником, если связь почему либо не установлена или прервана". В строевом же уставе в отделе „Связь в бою пехоты" в ст. 42 говорится: „Внешняя связь достигается непрерывным во все время боя течением от младших начальников к старшим донесений и обратно—приказаний и осведомлений о ходе действий части. То же должно исполняться между артиллерийскими и пехотными начальниками и соседними частями между собой". Ст. 44 указывает средства связи: посыльные, летучая почта, сигнализация, телефоны и пр. Таким образом, согласно строевого устава, устанавливается принцип связи снизу вверх, от младшего к старшему. То же говорится и в отделе управления артиллерией и об ответственности за установление связи между артиллерийским и пехотным начальником—младший со старшим. Чтобы изжить эти разногласия в уставах и положениях, необходимо проследить, кто именно и с кем и когда устанавливает связь и за нее отвечает, а не ссылаться на ничего не говорящую приписку в полевом уставе—„не снимается ответственность и с младшего".

Устанавливая основной принцип связи, приходится констатировать, что каждое командование, отдавая приказ о походном движении, остановке на ночлег или отдых, о бое, указывает направления и пункты, куда двигается или которых должна достигнуть часть. По достижении указанного пункта или цели, а также о всем происшедшем по пути выполнения приказа младший доносит старшему и с донесением высылает своих посыльных или ординарцев. Этим самым устанавливает связь. Может ли предвидеть старший войсковой начальник, отдавая приказ, о всех неожиданностях, которые могут встретиться по пути выполнения приказа, в связи с которыми и выполняющий может изменить путь следования. Может ли старший начальник отдать приказание установить связь с таким-то пунктом,

которого еще не достиг младший. Конечно нет. В походе или в бою младший начальник, с первого же шага движения своей части, доносит старшему и тем самым устанавливает связь. Кроме того, младший начальник скорее всего бывает в соприкосновении с противником и даже в силу психологических причин будет иметь всегда позыв к восстановлению связи со своим старшим начальником, дабы получить ориентировку об общем положении и, в случае надобности, или самому оказать поддержку соседу или же запросить о поддержке. Опять-таки для младшего начальника всегда известно более точно местонахождение старшего, как в бою, так и на походе и отдыхе. Старший реже меняет свое местопребывание и с ним легче установить связь. Младшему начальнику всегда известны операционные направления более крупных войсковых соединений, как при наступлении, так и при отходе, на которые, в случае потери связи, базируется младший. Выйдя на операционное направление, ищет связь младший, а не старший. Как может установить связь старший с младшим, если какая либо часть отрезана противником, а начальник этой части не мог донести и поставить в известность старшего. Правда, в данном случае, если старший располагает авиацией, может выслать разведывательный аппарат и установить связь с младшим. Но это будет временное явление. Младший, получив сведения от летчика, где находятся войска со старшим, и получив указания, как ему действовать, будет все время искать связи со старшим, изыскивая все средства. Можно было бы, как доказательство правоты принципа связи сверху вниз, приводить пример осажденных крепостей. В данном случае старший скорее может восстановить связь, особенно при посредстве авиации. Но, опять-таки, критическое положение осажденного заставит изыскивать все средства связи со старшим, чтобы в нужный момент поставить в известность и просить помощи. Несчастье рождает предприимчивость. Как может восстановить и наладить правильную связь старший с младшим, если конница ушла в рейд. Здесь и средства авиации и беспроволочный телеграф явятся весьма ненадежной связью. Только рейдирующий, имея при себе авиацию, может наладить регулярную и безотказную связь, точно зная место нахождения старшего. Выйдя же по окончании рейда на участок своего фронта, опять-таки, связь будет искать рейдирующий, а не старший войсковой начальник. Даже самые простые примеры подтверждают положение установления принципа связи снизу вверх: при назначении является младший к старшему, а не старший к младшему и по прибытии на фронт частей, начальники таковых немедленно связываются со старшим и теми частями, которые прибыли раньше, т. е. тоже со старшими.

Противники принципа связи снизу вверх базируют свои доводы на том, что в распоряжении старшего начальника имеется наибольшее количество технического персонала, средств связи и власти и что ему виднее, куда какие средства потребуются, исходя из обще-оперативного плана. Здесь то и есть их коренная ошибка. То, что в их распоряжение дается больше средств,—об этом всем известно. В распоряжении

главкома имеются все войска, но это не значит, что сам главком с винтовкой в руках дерется на фронте. Главком ими руководит, ими маневрирует, ими распоряжается. Ему именно виднее, что куда нужно, кого куда направить. Правда, был случай, кажется первый в мире, когда Керенский, будучи военным министром, с винтовкой в руках шел колоть немцев. Немудрено было бы, если бы вместе с ним начальник связи ставки верховного главнокомандующего того времени, проводил бы связь от роты к взводу. Нисколько не удивило бы никого, если бы и сейчас начальник УСКА сам лично начал проводить связь между корпусом и дивизией, сгруппировав вокруг себя специалистов, указал бы им, как именно нужно устанавливать безотказную связь.

Старшему начальнику придаются большие средства потому, что на его обязанности лежит ответственность своевременно предвидеть потребность таковых на всех направлениях, рационально распределить их, дать их в помощь тем, кто имеющимися средствами не справится с поставленной перед ним задачей. Находящиеся в его распоряжении средства связи будут являться тем резервом, при помощи которого в точности выполняется оперативный план связи. То, что старшему начальнику лучше видно, куда что требуется, согласно общего оперативного плана, это значит, что от старшего требуется своевременно разработать и свой план связи и для достижения успеха пополнить там, где в этом чувствуется надобность и в чем. Каждый строевой начальник, для выполнения поставленной перед ним задачи, заблаговременно начинает группировать наибольшее количество войск на главном направлении. Также и начальник связи должен знать, что и у него есть главные участки и второстепенные. Второстепенные будут обслуживаться своими средствами связи. При установлении полной ответственности за связь на младшего, таковой будет отвечать за одно направление, а не десятки. Чем полнее ответственность возложена на младшего, располагающего ограниченными средствами, тем больше будет расчета и экономии, тем больше будет проявлено предприимчивости и заботы за сохранение и охрану связи. Были же случаи, когда даже начальники дивизий не спрашивали своего начальника связи и даже не интересовались, что имеется в его распоряжении и что можно потребовать от этого начальника связи. Такие начальники одним росчерком пера—„приказываю“—уничтожали все планы начальника связи и заставляли делать невозможное. Зачастую строевые начальники меняли местопребывания своих штабов и собственных „ставок“, руководствуясь не оперативным планом и расчетом связи, а фуражировкой штаба и обслуживающего персонала. Старший же начальник, составляя свой план, всегда расчитывает все свои средства и своевременно примет меры восполнить то, чего не достает. Конечно, если повторятся такие случаи, как во время гражданской войны, когда лихие командиры любили погалопировать по всему участку своего фронта на лихой лошади и на ночь устраивать свою „штабквартиру“ там, где им заблагорассудится, в таких случаях никто не угонится

за ними восстанавливать связь. С другой стороны, масса было случаев и в мировую войну и гражданскую, когда дивизии или полки, потеряв связь со старшим, не беспокоились о восстановлении таковой. Руководствуясь своим соображением и планом, особенно когда не угрожает опасность его части, отдыхал, не считаясь с общим планом. Для оправдания у него была приписка полевого устава „и не снимается ответственность“. Но это еще не есть прямая ответственность.

Есть еще доводы, которые как будто бы говорят против принципа установления связи снизу вверх. Нельзя перегружать мелкие части обозом, лишними людьми и средствами связи. Но и этот довод отпадает. Еще во время мировой войны во всех европейских армиях, кроме команд связи полков, существовали отделения связи при баталионах. Теперь устанавливаются ячейки связи при ротах и взводах. Вероятно эти организационные формы будут введены и в Красной армии, когда линейные построения в бою постепенно заменяются групповыми, расчлененными. Во время передвижения войск вне сферы огня, когда труднее всего организовать, особенно, проволочную связь, баталионы с полками вряд ли будут устанавливать таковую. В боевых же порядках расстояние между ротами и баталионами и между баталионами и штабами полков настолько незначительно, что даже пеший ординарец, максимум в час, доставит донесение по назначению. А провод для связи между баталионом и полком, а также рот с баталионами можно великолепно возить на патронной двуколке. Боязнь же старшего начальника, при установлении принципа снизу вверх, быть в зависимости, якобы, от младшего, является неверной. Старший руководит и командует, а не младший. При обратном же явлении, старший действительно попадает в зависимость от младшего—окажет ли тот ему содействие. Итак приходится констатировать, что за установление связи целиком отвечает младший, и что принцип—связь устанавливается снизу вверх, от младшего к старшему. К этому выводу, на состоявшейся 29 декабря 1922 г. дискуссии, по докладу о связи, почти к единогласному решению пришел комсостав Могилевского гарнизона.

Установив полную ответственность младшего за техническое восстановление связи, необходимо установить, за что отвечает его старший. Начальник управления связи Красной армии Республики, будучи в курсе, через наштареспа, всех стратегических и оперативных планов главкома, заблаговременно детально разрабатывает стратегический и операционный план связи и одновременно с оперативным планом высылает оперативный план и схему связи для руководства и исполнения. Одновременно с этим на его обязанности лежит своевременная подготовка и высылка тех средств связи и технического персонала, при помощи которых может быть проведен в жизнь его план. Это значит, он своевременно протягивает руку помощи младшему. Он снабжает младшего всеми необходимыми средствами, подготавливает и обучает технический персонал. На его ответственности лежит руководство и маневрирование средствами связи, а, следовательно, и

управление всеми нижестоящими учреждениями и лицами, ведающими отделами связи. На его обязанности лежит умение и гибкость маневрировать средствами связи и перераспределять таковые. Но в данном случае должна преследоваться еще одна главная цель: не перегружать одно лицо подчинением ему бесконечного числа отдельных учреждений, управлений, команд, мастерских и пр.

Нужно избегать случаев, когда сам же начальник связи теряет связь с своими частями и не в состоянии ими маневрировать. И в связи нужно раз навсегда избегнуть метода Куропаткина, применявшегося в русско-японскую кампанию: все подчинить себе, а потом не знать где что находится.

Начальник связи будет отвечать своему назначению только тогда, когда он умело, наряду с маневрированием действующих войск, будет маневрировать средствами связи. Он должен всегда с'уметь удержать за собой необходимый резерв и бросить его на нужное направление, однако обеспечив и другие направления. Он должен уметь, и во время уже самой работы, из работающих частей создавать резервы и бросать туда, где этого требует необходимость. Связь должна маневрировать, знать свои тактические приемы, изучать своего противника и вырабатывать меры противодействия таковому. Если бы точно был проведен принцип связи сверху вниз в 1919—20 г. г., то начальнику управления связью красной армии пришлось бы иметь не меньшую армию связи, чем было действующей пехоты и конницы. Но он, благодаря переподчинения ему, через наркомпочтеля, гражданских органов связи и через подчиненных ему непосредственно управлений и должностных лиц, руководил связью и маневрировал ее средствами. Это положение дало ему возможность наладить связь с многочисленными фронтами.

В трудах военных сотрудников штазапа, книга третья „*Техника выполнения операций*", в отделе связи указано: Только высший начальник связи, имея полное представление о числе действующих групп всего фронта, может правильно распределять провода, наметить оперативные пункты и узлы связи и распределить равномерно силы и средства связи. Кроме того старший начальник связи обязан указать младшему новое место расположения его части и подготовить вперед всю сеть связи, дабы младший имел возможность свои средства связи направить вперед для организации ее до передовых войсковых соединений". На этих доводах обосновывается принцип связи сверху вниз. Но как раз эти доводы являются неот'емлемой ответственностью старшего по управлению связью, ее организации и выработке плана связи. Но это не есть установление связи. Не нужно смешивать управление связью с техническим установлением связи. На ответственности старшего будет лежать исправление и восстановление прямого провода до оперативного пункта или узла связи. От подчиненного же штаба и до узла связи или оперпункта отвечает младший. Во время же порыва связи от оперпункта или узла связи в сторону младшего,

надсмотрщиков и технические средства высылает и тот и другой. Но это будет положение об исправлении связи, а не установления таковой.

А посему, ст. 64 полевого устава, с установлением принципа связи снизу вверх, от младшего к старшему, и установлением точной ответственности старшего, придется изложить в следующей редакции: а) „Каждый младший начальник на отдыхе, походе и в бою восстанавливает связь с своим старшим начальником и за ее безотказное действие несет полную ответственность. б) В случае порыва связи между младшим и старшим, для исправления таковой высылаются как технический персонал, так и средства ремонта как старшим, так и младшим. За своевременную высылку для исправления отвечают младший и старший. Примечание: в журналах „исправление связи" точно фиксируется: время прекращения связи, время высылки для исправления и какие средства. в) Начальники приданных или обслуживающих частей восстанавливают связь с начальниками частей, к которым придаются или которые обслуживают, за что и несут ответственность. г) Старший начальник отвечает: 1-е—за своевременную разработку и высылку плана и схемы связи, 2-е—за своевременное распределение проводов и средств связи, 3-е—за своевременное установление узлов связи от оперпунктов, 4-е—снабжение младших необходимыми средствами связи для замены непригодного имущества, своевременное уведомление о перемене направления связи и исправность проводов до оперпунктов и узлов связи.

Оперпункты и их значение.

Оперативные пункты в гражданскую войну начинают появляться в 1920 г. на юго-восточном фронте, в период преследования отступающей Деникинской армии от Царицына к Манычу и далее к Тихорецкой. Громоздкость штабов армий, их малая подвижность и зависимость от перевозочных средств, недостаток средств связи, для восстановления таковой вслед за быстро наступающими частями, растянутость фронта в глубину и по фронту, громоздкость армий по числу приданных войсковых единиц (в состав 10-й армии входило 4 пехотных и 1 кавдивизия) заставили прибегнуть к выдвижению вперед полештармов. Но и эта мера оказалась далеко не жизненной. Полевые штабы оказались также громоздкими, и связь с наступающими частями отсутствовала.

Тогда впереди полештармов были выброшены оперпункты, функции которых в то время еще не были определены. В дальнейшем выдвижение впереди полештармов и полештафронтов оперпунктов находит применение на западном фронте в момент Варшавского наступления. Из этих двух фактов появления оперпунктов можно констатировать, что оперпункты найдут себе применение в маневренной войне, в момент быстрого продвижения вперед. Что касается определения задач, лежащих на оперпункте, то до настоящего момента имеются весьма скудные теоретические обоснования. Из опыта мировой войны во французской литературе имеются указания, что оперпункты

являлись сборными пунктами донесений и располагались в узлах связи. Во французской армии они названы осведомительными центрами. В минувшей гражданской войне оперпункты служили сборными пунктами донесений, передаточной инстанцией приказаний и распоряжений командующих и на оперпункт базировалась связь частей, входивших в состав армий или фронтов, далеко выброшенных вперед. Кроме того, начальник оперпункта, нередко при отсутствии связи с полештармом, давал раз'яснения и указания по неотложным вопросам. Следовательно, оперпункты в гражданскую войну являлись не только осведомительными центрами, но на них базировалась связь далеко выброшенных вперед частей, а начальники оперпунктов зачастую выполняли роль особо уполномоченных командующих, на подобие германских офицеров генерального штаба, посылаемых в войска для связи. В германской армии в мировой войне оперпункты не применялись, и только после Марнского поражения генерал фон-Клук, разбирая таковое, указывает, что для успеха операций командование тремя армиями правого фланга должно было быть об'единено или необходимо было организовать промежуточный между главной квартирой и армиями пункт для сбора донесений и рассылки приказаний. Следовательно генерал-фон-Клук также, впоследствии, на горьком опыте поражения из-за связи, приходит к мнению организации т. н. осведомительного центра или оперпункта. Беря общую оценку и значение оперпунктов, приходится констатировать, что военная мысль Франции, Германии и применявшиеся опыты в нашей красной армии об организации оперпунктов или осведомительных центров приходит почти к одному и тому же выводу об их функциях. Но для того, чтобы оперпункты были в широком смысле осведомительными центрами, необходимо, чтобы они имели связь с частями не только в глубину, но и по фронту, т. е. оперпункты должны располагаться в узлах связи.

В изданных трудах ответственных сотрудников штазапа, книга третья „*Техника выполнения операций*“, говорится, „что, руководствуясь правилом вести связь сверху вниз, для установления связи с частями, находящимися не на постоянном проводе, в конечном пункте восстанавливаемого тяжелого провода, должны постоянно иметься полевые средства связи всех видов, возглавляемые особым ответственным лицом, подкрепленным небольшим рабочим аппаратом. Ненадежность прямого действия соединенных тяжелого постоянного и полевого провода заставляет в сростке устраивать переприемный пункт. И эти промежуточные передаточные пункты и называются оперативными пунктами“. Далее говорится, „что задача оперпункта по связи будет заключаться в переприемной и передаточной работе, в восстановлении тяжелого провода и в установлении полевой связи от конечного пункта этого тяжелого провода вплоть до подчиненного штаба. Оперпункт является линейным органом, не имеющим связи по фронту“. Такое определение функций и задач оперпункта в корне противоречит опыту мировой и гражданской войны. Оперпункт, являясь линейным органом, действительно будет являться контрольной или промежуточной стан-

цией по связи с одной какой либо частью, но ни в коем случае не будет иметь никакого значения в оперативном отношении. Надо помнить, что оперпункты являются не постоянными штатными учреждениями, а временным связующим органом командующего с далеко выброшенными частями вперед, когда связь с таковыми считается ненадежной, непостоянной. Следовательно, оперпункт имеет назначение не только специфически по линии связи, но и оперативное в широком смысле. А потому оперпункт не может являться линейным органом, он должен иметь связь по фронту и располагаться в узлах связи *). Если принять во внимание указания в тех же трудах сотрудников штазапа, что оперпункт при нормальной связи располагается совместно с полештармом или полештафронтом, то невольно напрашивается вопрос: что же будет делать оперпункт? Связь имеется, донесения и получение приказаний поступают нормально. Разве только ради создания лишней передаточной инстанции, для задержки донесений и занятия лишних правительственных проводов, повторить явления, которые наблюдались в гражданскую войну, когда не только правительственные провода были заняты армиями, но даже железнодорожные блокировочные. Это и есть в первую голову извращение факта необходимости существования самого оперпункта. С другой стороны в этом же труде указан приблизительно постоянный штат оперпункта: 15 ответственных работников, 43 конных ординарца, 1 аппарат *Юза*, 2 аппарата *Морзе*, 5 автомобилей, 8 мотоциклов, шестовая рота и пр.

И если в состав фронта будет входить, допустим, 4 армии, базирующихся на 4 ответвлениях постоянной связи, то штафронту придется выделить 4 оперпункта, узел связи и полештафронт. Спрашивается—хватит ли даже средств связи и технического персонала у начскафронта, а у наштазапа—ответственных сотрудников генерального штаба? Оперпункт на направлении армии или фронта должен быть один и находиться в месте узла связи частей, далеко выброшенных вперед. Оперпункт является органом не линейным, а имеющим связь по фронту. Начальник оперпункта должен быть особо уполномоченным командарма или комфронта, его помощник—ответственный сотрудник штаба. На обязанности начоперпункта будет лежать ответственность за своевременную передачу всех сведений о положении на фронте, передача приказаний и распоряжений командующего и, в крайних случаях, нетерпящих отлагательств, давать раз'яснения даже по принципиальным вопросам. Такие случаи могут быть в момент передвижения полевого штаба, в момент порыва связи оперпункта с полевым штабом. Не приходится бояться повторения случаев, который произошел с подполковником Хенч германского генерального штаба, во время Марнского поражения. Об этом случае с подполковником

*) В таком случае здесь было бы место командующего, т. е. полевого штаба. Выделение оперпункта на таких началах означало бы передоверие командования какому-то промежуточному лицу, в целом ряде случаев, что явно несообразно. *Ред.*

Хенч история своего веского решения не вынесла: кто был прав—Хенч или тот, кто руководил армиями в темном коридоре и неведении, что творилось на фронте.

Начальник связи оперпункта должен быть уполномоченным скафронта или скарма и ему должен быть подчинен непосредственно начальник связи узла. В момент продвижения оперпункта вперед, начальник связи такового будет отвечать за своевременное оборудование следующего узла связи. Узел связи может быть не только на прямом тяжелом проводе, но и на сростке прямого тяжелого провода с полевыми проводами. Оперпункт должен быть весьма подвижным и снабженным полностью всеми средствами передвижения и связью. Кроме этих узлов связи, могут быть и промежуточные узлы связи, между оперпунктом и полевым штабом или полевым штабом и основным штабом, на которые базируются связью резервные части. Но эти узлы связи не будут входить в подчинение начальника связи оперпункта. Они непосредственно подчинены скафронту или скарму.

Охрана линий связи.

Охрана линий связи всецело лежит на ответственности того начальника, который отвечает за установление данной линии связи.

Связь охраняется нарядами от войск, местным населением, под ответственностью соответствующих гражданских властей, но ни в коем случае войсками связи, если к таковым не приданы команды специально для охраны линий связи. Нельзя, даже на самые короткие расстояния, возлагать охрану на войска связи, ибо, в случае порчи таковой, охраняющие части должны быть сняты и заменены другими. Замена потребует времени, а, следовательно, произойдет задержка исправления и восстановления линии связи.

В. Глотов.

Характерный эпизод.

(*Из гражданской войны*).

Одним маневром противника не победишь, как бы он удачно выполнен не был.

В минувшую гражданскую войну, благодаря ее маневренному характеру, многие начальники, увлекаясь маневром, не достаточно правильно оценивали его значение, полагая, что одним удачным маневрированием можно выиграть сражение, не считаясь с состоянием войск, с их способностью к бою. Маневр зачастую считался как бы конечной целью, а не средством к достижению главной цели—„уничтожение живой силы противника“.

Чтобы победить противника, надо уничтожить или же, по крайней мере, деморализовать его живую силу, потрясти ее, вырвать у нее уверенность в себя, в свою силу и в силу своего оружия, а это достигается боем, ударом по живой силе противника, для чего надо уметь вести бой, уметь драться.

Хорошо выполненный маневр, при неумении вести бой, зачастую ведет к поражению и, в лучшем случае, к непроизводительной затрате материальных и физических средств, а, главное, времени, столь дорогого на войне.

Следующий эпизод может служить иллюстрацией изложенной мысли.

30 июля 1920 г., колонна главных сил 8 стр. дивизии, состоявшая из 23 и 24 бригад, двигалась от г. Пружаны, за отступающим противником на м. Высоко-Литовск, с задачей, энергично преследуя противника, помешать ему устроиться на правом берегу р. Буг, дабы облегчить частям, действовавшим севернее, овладеть г. Брест-Литовском.

В 12 часов колонна достигла д. Ведомль, где были получены сведения, что противник, отступавший вдоль ж. д. Барановичи—Брест-Литовск, с севера отрезан нашими частями и повернул на шоссе на г. Янов.

Для довершения полного окружения начдив приказывает 24 бригаде отрезать путь отхода противнику на г. Янов, для чего двинуться на д. Ивахновичи откуда, повернув на восток, двигаться вдоль

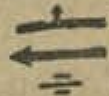
ВИДОМЛЬ
23 и 24 БР.
ИЗ ВЕЛ-ЛИТ.
23.
24.
ТУРНА
Ф. НЯНЕВИЧИ
24
70.
ОМЕЛИНА
1Б
87
72
71.
Ф БОРЫ
ИЗ ЯНОВА
2Б
66
ИВАХНОВИЧИ
3Б
71
ВИТОШКИ
ЖАБИНКА
ВЕЛЮНЬ
ИЗ БРЕСТ-ЛИТ.

СХЕМА №1

3я АТАКА ПР. НА РАСПОЛОЖ. 72 П. И ОТХОД ЧАСТЕЙ 24 БР.

УСЛОВН. ЗНАКИ

} 24 БР.

} ПРОТИВН.

ИЗ БРЕСТ-ЛИТ.

шоссе на восток и, встретив противника, разбить такового. Причем деревни Ивахновичи начдив приказывает достигнуть к 15 часам, где сделать на 2 часа большой привал. Бригаде придается 1 легкая батарея и взвод тяжелых гаубиц. В 12½ часов бригада, выслав конную разведку и имея в авангарде 72 полк с 1 взводом легкой артиллерии, двинулась для выполнения указанной задачи.

В 15½ часов бригада достигла д. Ивахновичи, не имея никаких дополнительных сведений о противнике, и расположилась на привал в следующем порядке: авангард со взводом артиллерии—д. Ивахновичи, 71 полк—д. Вилюнь. 70 полк, штаб бригады, артиллерия и обоз—д. Омелина (Схема № 1).

Авангардный полк охранялся 8 ротой, которая занимала высоту 76,6 и перекресток дорог из д. Боры на д. Вилюнь, с шоссе охранение 72 полка заняло высоту 69,3.

Из опроса местных жителей выяснилось, что утром прошли раз'езды противника силою от 5 до 10 человек в западном направлении.

Разведка бригады к этому времени никаких сведений не дала.

В 16 часов противник внезапно атаковал высоту 76,6; охранение под давлением превосходных сил начало отходить.

Комполка 72, услышав стрельбу и увидев отступающую роту, выслал 3 баталион для восстановления положения.

Баталион, развернувшись в деревне, двинулся на высоту 76,6 и с большими потерями овладел этой высотой, отбросив противника в лес.

Через некоторое время противник, открыв артиллерийский огонь по 3 баталиону, повел на него наступление уже тремя группами. первой—на высоту 76,6 с фронта, второй—на ту же высоту в охват с юга и третьей—в охват с севера, численностью штыков по 200 каждая.

Комполка 72, видя лично наступающие группы противника, приказывает: 1 баталиону атаковать группу противника, обходящую высоту 76,6 с севера, и, отбросив таковую, занять высоту 78,7, 2 баталиону атаковать группу, наступающую на высоту 76,6 с юга и, разбив таковую, атаковать противника, наступающего с фронта. Взводу артиллерии стать на открытой позиции на северо-западной окраине д. Ивахновичи и открыть огонь по наступающему противнику.

1 и 2 баталионы, развернувшись в д. Ивахновичи, стремительно атаковали обходящие группы противника, которые в беспорядке отошли в лес, за ними отошла и группа, наступавшая с фронта, причем противник оставил на шоссе 3 орудия, унеся замки и 5 пулеметов.

После атаки баталионы расположились следующим порядком: 2 б-н занял позицию от южного выступа леса, что севернее д. Витошки, включительно до шоссе, 3 баталион занял позицию от шоссе до высоты 76,6, включительно, 1 баталион от высоты 76,6 до высоты 78,7, включительно.

Остальные части бригады оставались на местах и никакого участия в бою не принимали.

Противник, пользуясь пассивностью частей 24 бригады, из которых только один 72 полк вел бой, и то только отбиваясь от атак противника, безнаказанно сосредоточился в лесу, перед фронтом 72 полка, и в третий раз атаковал расположение 72 полка еще большими силами, открыв ураганный артиллерийский огонь и направив главный удар на расположение 2-го б-на.

После упорного сопротивления баталион начал отходить к высоте 76,6, очистив таким образом шоссе и оставив невывезенными захваченные ранее 3 орудия. Преследуя 2-ой баталион, противник одновременно атаковал превосходными силами 1 и 3 баталионы, которые также начали отходить. Вследствие отступления всех баталионов на д. Ивахновичи, части перемешались, управление затруднялось, взвод артиллерии, обстреливаемый в самом начале наступления противника ружейным и пулеметным огнем, не только не мог оказать поддержки отходящим баталионам, но и сам не мог сняться с позиции и был оставлен.

Полк кое-как удалось остановить на высотах, что $1^1/_2$ в. северо-западнее д. Ивахновичи. Противник дальнейшего наступления не вел, а только пытался увезти оставленные орудия, но безрезультатно, т. к. они находились под обстрелом 72 полка.

71 полк, занимавший высоту 69,3, видел весь бой и, не имея противника перед собой, не оказал никакой поддержки 72 полку и только когда последний оставил д. Ивахновичи, т. е. фактически был уже разбит, 71 полк атаковал наступающего во фланг, но атакованный резервом противника, в свою очередь во фланг, поспешно отошел на высоту, что $^1/_2$ версты севернее ф. Стиборовщина.

70 полк, находившийся все время боя в д. Омелина при штабриге только в 17 часов получил задачу двинуться на ф. Няневичи откуда атакою противника во фланг облегчить положение 72 полка.

Но так как бой разыгрался, как вообще разыгрываются встречные бои, очень быстро, то 70 полк, достиг ф. Няневичи в 18 часов, тогда, когда 72 и 71 полки были уже отброшены. Перейдя в наступление с ф. Няневичи на высоту 78,7, занятую сильным заслоном противника, полк успеха не имел и отошел к ф. Няневичи, где и занял позицию.

Ровно в $18^1/_2$ часов бой кончился полной неудачей для 24 бриды, и путь противнику на запад был открыт.

Противник, прикрывая свой правый фланг, спокойно уходил на г. Янов.

Итак, бригада, выполнив удачно маневр, отрезала последний путь отхода противнику. Но, благодаря отсутствию: управления, разведки, связи, взаимной выручки, инициативы, неиспользованию артиллерии, резерва и маневра на поле сражения, одним словом, благодаря неумению вести бой—бить противника, бригада не только не использовала выгодного положения, благодаря удачному маневру, для поражения противника, но даже сама потерпела поражение.

ТОВАРИЩЕСТВО
НА ПАЯХ
„КОНТРАГЕНТСТВО ПЕЧАТИ“,
УЧРЕЖДЕННОЕ

Главполитпросветом, Госиздатом, Цектрном, Центросоюзом и др. государствен. и обществ. учрежд.

Открывает прием подписки на 1923 год на двухнедельный журнал под редакцией

М. Б. ЗАГОРСКОГО

жизнь—культура—Запад—искусство—наука—новейшие открытия—изобретения.

РАССКАЗЫ:

- Последнее путешествие барона Фьюбель-Фьютценау—**А. Соболя.**
- Партия в двадцать одно—**А. Яковлева.**
- 1918 г.—**Л. Никулина.**
- Отец и сын—**А. Барбюса.**
- Чали Чаплин—**К. Ватель.**
- Рай для иностранцев—**Х. Нейман.**
- Орда—поэма—**Эм. Герман.**
- №—рассказ—**Ст. Филипса.**

СТАТЬИ:

- В гостях у Бернарда Шоу.
- Чудеса омоложения.
- В. Ленин 5 лет назад.
- В запретной стране.
- Восьмое искусство.
- Концерт по радио.
- Воздушное сообщение на Западе.
- По Испании.
- Красная Москва.

В ВЫШЕДШИХ НОМЕРАХ ЭХО ЗАПАД В ПОРТРЕТАХ

1. Муссолини. Пуанкаре. Ллойд-Джордж. Бонар Лоу. Керзон. Кемаль Паша.

2. Султан Магомет VI. Стиннес. Вильгельм II. Эррио. Венизелос. Шейдеман.

3. Эберт. Уркварт. Энвер-Паша. Куно. Тогор. Брандорф-Ранцау. Барбюс. У. Синклер. А. Франс. Ньюбальд. М. Гальц, Г. Гауптман.

В каждом номере 120 рисунков.

В каждом номере двухнедельный обзор всех новинок. Московский театр с многочисленными иллюстрациями. Октябрьское торжество в Москве. Французская и немецкая карикатура. Буржуазия в мировой карикатуре. Случившееся в театре. Шутки Л. Андреева. Слушая—читая и проч.

Условия авансовой подписки. Подписка устанавливается двух разрядов 1—вносится аванс в размере—25 р и 2—вносится аванс в размере—50 р. аванс будет засчитываться на личный счет подписчика и об его израсходовании будет об'явлено заблаговременно в журнале. Подписчики, вносящие аванс в течении полгода, получают бесплатное приложение. Роман одного из лучших современных авторов (название будет опубликовано дополнительно).

Редакция и конт. Москва Тверская 38, кв. 27, тел. 1—45—99. Склад издания, Тверская 38 „Контрагентство печати“. „ЭХО“ выходит регулярно 1 и 15 каждого месяца. Пересылка журнала по почте за счет „Контрагентства“.

Подписчики получают журнал на 5 дней раньше начала его продажи в киосках.

Подписчики, желающие получить журнал с № 1-го, добавляют к авансовым взносам стоимость четырех вышедших до 1 января номеров в размере 10 р. Представительство для Западн. обл. Центральная книжная база Военно-Коопер. Упр. Запфронта (Смоленск, Пушкинск. № 7). Прием подписки, сбор об'явлений и розничная продажа.

Цена № 5 в розн. прод. 5 р.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО Н. К. Ю.

Москва, Кузнецкий мост, № 7, телеф. 2-39-48.

Представительство для Западной Области

Центральная книжная база ВКУ Запа

Смоленск, Пушкинская 7.

ПРОДАЮТСЯ и ВЫСЫЛАЮТСЯ:

	Цены в зол. по курсу котир. комиссии.
„Гражданский кодекс" (дешевое издание)	35 к.
„Гражданский кодекс" (лучшее издание)	50 „
„Положение о судопроизводстве" (со стенографическим отчетом)	25 „
„Земельный кодекс"	20 „
„Кодекс законов о труде"	20 „
„Конституция РСФСР" со всеми позднейшими дополнениями	45 „
„Уголовно-процессуальный кодекс" с алфав. указ. (карман.)	25 „
„Систематический сборник циркуляров к уголовно-процессуальн. кодексу"	15 „
„Спутник советского юриста" № 1 (алфавитно-предмет. справочник, с важнейш. ведом. актами за октябрь 1922 г.)	80 „
„Законы о воинской повинности и льготах семьям призванных"	20 „
Тексты всех амнистий и инструкций к ним	20 „
Предметный указатель-справочник, сост. Васильченко (вып. 1 за период НЭП по 1 июля 1922 г.)	40 „
То-же, вып. II часть 1. июль—август 1922 г.	30 „
Комплект „Собран." узаконений за 1921 г.	1 р. 90 „
„ „ „ 1922 г.	3 р. 20 „
„Законы о торговле" под ред. проф. Винавера и др. вып. 1-й	80 „
„Советское право" № 1	40 „
Постан. и распоряж. ВЦИК	цены разн.
„Революция и церковь" № 1—3	10 к.
Сборник о жилищах	15 „
Руководство по судебной медицине (д-р Лейбович)	60 „
Устав железных дорог	30 „

и др. издания юридического и справоч. характера.

Печатаются и на-днях выходят:

Вторые издания кодексов:
„Гражданский, земельный, о труде", с прил. алфав. к ним
„Уголовный кодекс", с дополнениями и алфавитным указателем (2-е издание)
„Положение о нотариате"
„Спутник советского юриста" № 2 (ноябрь)
Эстрин.—„Уголовное право РСФСР"
Вавин.—Научно-практический комментарий к положению о векселях

Цены еще не известны.

Заказы исполняются вне очереди.

При заказе, лицам, внесшим плату за кодексы по предварительной подписке, таковые высылаются со скидкой в 10%.

Юридический календарь 1923 г. ожидает позднейших данных о подсудности Губсуда и выйдет не позднее 10—15 января.

Центральная книжная база ВКУ Запфронта.

Смоленск, Пушкинская 7.

Представительство для Западной Области.

Центральная книжная база

В. К. У. Западного Фронта.

1923 г.

Продолжается прием подписки и об'явлений

на издания

ЦЕНТРОСОЮЗА.

1). Кооперативное „ДЕЛО“. *II-й год издания.*

Экономический, кооперативный и торговый орган Центросоюза (выходит 1 раз в неделю).

Подписная цена в Москве и провинции:

1 мес.	2 мес.	3 мес.	6 мес.	12 мес.
5 руб.	10 руб.	15 руб.	30 руб.	60 руб.

Цена об'явлений:
- 1 строка нонпарели позади текста . . . 5 руб.
- 1 строка „ впереди . . . . 10 „
- 1 единица поз. текста на 1 м-ц . . . 300 „

Кооперативным организациям и первичным кооперативам 20% скидки с тарифа на об'явления.

2). Союз потребителей. *XXI год. издания.*

Кооперативный и общественно-экономический журнал, руководящий орган Всероссийской Кооперации (выходит 1—2 раза в месяц).

Подписная цена в Москве и в провинции в ден. знаках 1923 года:

3 мес.	6 мес.	12 мес.
15 руб.	30 руб.	60 руб.

Цена об'явлений:
- 1 страница печатного текста . . . . 1.000 руб.
- 1/2 „ „ „ . . . . . 600 „
- 1/4 „ „ „ . . . . . 400 „

Об'явления на обложках и первой и последней страницах на 50% дороже. Кооперативным организациям и первичным кооперативам—10% скидки с тарифа на об'явления.

ПРИМЕЧАНИЕ. Цены указаны в ден. знаках 1923 года (один рубль равен ста руб. выпуска 22 г.).

Прием подписки производится:

В г. Москве—В глав. конторе газеты „Кооперат. Дело“—Ильинка, Старая площадь, д. 4, 4-й этаж.

Для Западной Области, в г. Смоленске в Цент. Книж. Базе ВКУ Фронта—Пушкинская, 7 и во всех Губ. и дивпо.

РиВ

31110366521(05C)

